



ЯНА ЗОЛотоВА

ШАМАН

*Когда скромная студентка Ксения обратилась к настоящему шаману, чтобы обрести своё счастье — она не знала, как резко изменится её жизнь.*

*Когда дверь ей вместо старика открыл красивый мужчина — не ведала, что вскоре окажется в его руках.*

*И когда выпила предложенное зелье — еще не подозревала о призраках, подвластных этому человеку.*

*Одного отчаянного поступка хватило Ксении, чтобы переписать свою судьбу, лишиться прошлого и оказаться вынужденной гостьей в доме загадочного мужчины, который уже не хочет её отпускать.*

---

---



# 1. Секретарь

Первый снег, как и положено на южном побережье, выпал очень поздно — в середине января. Вначале на смену погожим дням пришли холодные дожди, затем едва-едва припорошило землю. И только ближе к Крещению, поздно вечером, по асфальту рассыпались первые белые упругие горошины. Сырой морской ветер гнал их дальше, загонял во все щели асфальта, ямки подмерзлой земли, где они медленно таяли. Но на пушистом воротнике короткой куртки, которая принадлежала спешащей по промозглым улицам девушке, у этого чуда природы оставалась надежда продержаться чуточку дольше.

Поздняя прохожая оделась совсем не по погоде: высокие каблуки полусапожек скользили по мокрому асфальту, подол облегающего шерстяного платья не прикрывал колени, а куртка едва доходила до талии. О шапке и говорить нечего — длинные золотистые кудри безжалостно трепал ветер. Девушка была молода, прекрасна и увы, без пяти минут простужена.

Однако собственное самочувствие волновало её сейчас меньше всего. С трудом отыскав среди извилистых переулков нужный, она свернула в полумрак и испуганно замерла — однако в этот самый момент, будто только её и ждали, в десятке метров впереди вспыхнул фонарь, осветив большую чёрную цифру «3» на белой дощечке и кованную калитку. Девушка глубоко вздохнула и поспешила туда.

Калитка открылась без скрипа, каблуки зацокали по каменной дорожке к двухэтажному частному дому. Было бы здесь какое-то освещение, кроме отблесков фонаря за высоким забором, представилась возможность рассмотреть добротный частный домик на два этажа — из тех, что начали строить в девяностых. Немного наляпистая, даже мрачноватая отделка, но в целом — ничего лишнего. Девушка поднялась на крыльцо, передернула от холода и волнения острыми плечиками — и трижды, как её велели, постучала в дверь. Она до сих пор не была уверена в том, что делает, но только что отрезала себе путь назад.

В доме царил полная тишина, он казался необитаем — однако, спустя пару мгновений, дверь широко распахнулась, на дрожащую посетительницу повеяло теплым воздухом с пряным ароматом, а на пороге появился высокий мужчина лет тридцати.

— Здравствуйте, я, наверное, ошиблась...

— Добрый вечер, Ксения, проходите. — Приятный голос звучал негромко, но проникновенно, как у профессионального актера. Мужчина сделал широкий жест рукой, и Ксюша заметила на его предплечье, между плетеным браслетом и закатанным рукавом белой рубашки, витиеватую татуировку.

— Спасибо, — с лёгкой запинкой она всё же шагнула в ярко освещенный коридор. Изнутри эта обитель древнего шамана напоминала современную квартиру — если не считать большого количества различных тотемов, подвесок и нескольких пучков ароматных трав над дверями. Ксюша покачала головой — именно так она всё и представляла. — А вы...

— Секретарь, Артур, — представился мужчина и добавил настойчиво: — Вы продрогли совсем, идёте в гостиную.

Ксюша облегченно улыбнулась — она вдруг решила, что перед ней сам загадочный Шаман, и подобный образ вызвал недоумение. Не может тот, кто запросто общается с духами, так выглядеть — будто доцент с их кафедры. Впрочем, и на обычного секретаря он мало походил... Но это уже не важно.

В гостиной было очень уютно: мягкий диван, пара кресел, кофейный столик, старинные часы, плотные бархатные гардины на окнах. Коротко поблагодарив, Ксюша взяла в руки предложенную чашку травяного чая — только, чтобы согреть руки. Она то и дело оглядывалась по сторонам, будто чего-то ожидая.

— А когда я смогу поговорить *с самим*? — с замиранием спросила она у присевшего в кресло напротив Артура.

— Шаман не общается с посетителями, — с едва заметной ленцой пояснил секретарь, — это сбивает его настрой на высшие сферы. Ну, вы должны понимать. — Ксюша не понимала, но послушно, хоть и растерянно закивала. — Поэтому изложите свою проблему мне, а я передам ему.

— Но это... — она отставила чашку, дразнившую пряным ароматом, и замялась. Вся эмоциональная, вдохновенная, убедительная речь, которую Ксюша подготовила дома, при взгляде на этого красавца внезапно показалась ей очень глупой. Поджав губы, она исподлобья оглядела крепкие руки и широкие плечи, правильные черты лица, подняла взгляд к ярким, пронзительным глазам. Да у него, наверное, отбоя от поклонниц нет! А она тут будет мямлить про свои любовные проблемы... Откуда такому шикарному мужчине вообще может быть знакомо понятие любовных проблем?

— Представьте, что обращаетесь к нему, — тем временем мягко произнес Артур, будто прочитав её мысли. — Не стесняйтесь, ведь то, с чем вы пришли сюда, для вас очень важно.

— Хорошо, — отчаянно-серьезно кивнула Ксюша. Он прав. Она далеко не сразу решилась на то, чтобы обратиться к шаману, но в объявлении говорилось, что он способен резко изменить судьбу любого — а она так нуждалась в этом! — Только вы можете помочь мне! Дело в том...

Артур откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и чуть прикрыл глаза, внимательно наблюдая за гостьей из-под опущенных век. Стеснительная, почти забитая девушка, вначале говорила заученными фразами, но вскоре чувства одержали верх — и она затараторила быстро и горячо, искренне делясь своей болью. На первый взгляд услышанное вызывало удивление — как мог не заметить какой-то там Никита такую красавицу? Но уже после нескольких фраз всё стало на свои места.

Ксюша выговорила, тяжело вздохнула и порывисто отпила из чашки.

— Какой конкретно результат вы желаете получить? — после короткой паузы поинтересовался Артур.

Ксюша вскинула на него удивлённый взгляд — она же только что рассказала!

— Я хочу, чтобы Никита меня заметил, — с расстановкой повторила она. — Чтобы я ему понравилась.

— Это уже две разных задачи, — заметил Артур. — Но это конечная цель? Понимаете, очень важно знать, насколько сильное вмешательство в вашу судьбу требуется. Заметил — это одно, понравилась — другое, предложил встретиться — третье. Никто не гарантирует вам золотую свадьбу, но чем больше мы перекраиваем — тем больше времени это займет и больше проблем может вызвать в будущем.

— Проблем? — встрепелась Ксюша. Она и не думала об этом.

— Да, — терпеливо пояснил Артур. — Человек должен сам идти своим путём, его можно лишь подтолкнуть в определенный момент. Если толкать постоянно — разучится ходить.

Ксюша ничего не поняла, но задумалась. Она, конечно же, мечтала о любви,

комплиментах, совместных поездках, свадьбе и детях. Но ведь всё вытекало одно из другого. И получается, для достижения цели ей надо лишь...

— Я хочу, чтобы Никита меня полюбил и предложил встречаться, — уверенно произнесла она.

— Отлично, — серьезно кивнул головой Артур и достал из-под стола черную кожаную папку. — Так и запишем. И еще пара формальностей: вы не беременны?

— Нет, — изумленно отозвалась Ксюша.

— Вам есть восемнадцать?

— Да, я могу показать паспорт...

— Не нужно. Вы девственница?

— А это какое имеет значение? — вспыхнула нервным румянцем Ксюша.

— Исключительно в энергетическом плане, — отозвался Артур, записывая не озвученный, но очевидный ответ.

Ксюша залпом выпила остывший чай и напряженно затихла, зажав ладони между коленями. Она вновь начала сомневаться, что поступает правильно, а от вмешательства этих странных людей будет толк.

— Вот, подпишите, — Артур протянул ей папку и перьевую ручку. Ксюша аккуратно вывела замысловатую завитушку, и договор был мгновенно убран куда-то обратно под стол. Зато в руках у Артура появился небольшой стеклянный пузырёк, украшенный золотой сеточкой. Внутри тяжело плескалась похожая на чернила жидкость. — А теперь слушайте внимательно, — он чуть подался вперед, пристально глядя Ксюше в глаза: — Назначьте вашему сердечному другу встречу, придумайте любой безобидный повод. Перед выходом выпейте эту жидкость и отправляйтесь, ни о чём не беспокоясь. Дальше всё сложится лучшим образом, и не важно, как вы будете выглядеть и что станете говорить.

— Назначить встречу? — пробормотала Ксюша.

— Да, это не так-то сложно, учитывая наличие общих знакомых. Не придумаете предлог — скажите, что дело важное и вы объясните всё при личной встрече.

Ксюша тяжело, обреченно вздохнула.

— И еще одно, — предупредил Артур, — вы можете забыть то, как пройдет эта встреча. Это нормально.

Ксюша закивала, схватила пузырёк и, прижимая его к груди, вскочила с дивана.

— Спасибо, спасибо большое! — затараторила она. Артур вновь откинулся на спинку кресла, покровительственно кивнув. — Ой, а деньги?

— Во вторник занесёте, в белом конверте, — равнодушно отозвался он. — Всего доброго.

Продолжая благодарить, Ксюша стрелой выскочила из комнаты, а потом и из дома.

Артур на минуту прикрыл глаза, мысленно проверяя безопасность её пути, и тут почувствовал лёгкий холодок, коснувшийся затылка — не смотря на то, что позади находилось кресло.

— *Какая молоденькая, какая красивая, сладкая,* — зазвучал у самого уха полный вожделения шепот.

На щеке Артура появился влажный след, как будто кто-то провел языком, но «секретарь» и глазом не моргнул.

— *Отдай её мне! Отдай её мне!*

Дрогнул ворот белой рубашки, заскользили вниз по груди невидимые руки, сминая

ткань.

— *Пожалуйста, отдай. Пожалуйста!*

Тихо звякнул ремень, и Артур раздраженно отмахнулся в пустоту. Порыв прохладного воздуха сорвался с его колен и разбился о ковёр у ног.

— Забываешься, Лита, — голос Артура звучал сейчас совсем не так, как в разговоре с Ксюшей: строгий и жесткий, он звенел металлическими нотками.

— *Прости, хозяин,* — едва слышно прошелестело откуда-то с пола.

В комнате повисло напряженное молчание. Артур задумчиво разглядывал потолок, и никто не смел мешать его мыслям.

— Забирай, — произнёс он наконец. — Но помни: она должна остаться невинной. И никаких поцелуев.

— *Это жестоко!* — ветром взвыло откуда-то снизу.

— Мне передумать? — приподнял бровь Артур.

— *Нет, нет!* — холодный порыв воздуха унесся куда-то в пространство, и Артур насмешливо хмыкнул. Подался вперед, налил во вторую чашку еще горячего чая. Отпил пару глотков и тихо произнёс:

— Спрашивай.

В этот раз голос зазвучал строго за левым плечом, в паре шагов позади. Спокойный, негромкий, но чёткий.

— *Я теряюсь в догадках, господин. Эта девушка и без того надеется прельстить одной своей внешностью. К чему приумножать её ошибку? В чём ваш замысел?*

На губах Артура впервые обозначилась лёгкая довольная улыбка. Больше всего он любил играть судьбами тех, кто не умел взять жизнь в свои руки. Чувствовал себя дирижером оркестра, никогда не видевшего нот.

— Терпение, мой друг, — отозвался он. — Скоро узнаешь.

## 2. Свидание

Ксюша крутилась перед зеркалом, уже битый час подбирая серьги. Не то, чтобы это играло решающую роль в её образе, просто до выхода оставалось еще слишком много времени, а волнение не позволяло ей усидеть на месте. Она воспользовалась советом, не стала называть причину и теперь представить не могла, как всё объяснит. Никита точно решит, что она ненормальная! Что, если после этого он и вовсе начнёт её сторониться?

«Пусть так, — мысленно ответила себе Ксюша. — Я должна попробовать!»

Она ведь уже перебрала все другие возможные варианты: и на глаза попадалась, специально поджидая там, где он проходил, и красилась поярче, и одеваться стала так, как девчонки в его компании. Но всё напрасно — Никита даже не смотрел в её сторону. Они знали друг друга через общих приятелей, но не общались. И в коротком «ну ладно», что прозвучало в трубке в ответ на предложение встретиться, Ксюше послышалось явное недовольство. В который раз поправив идеальную причёску и макияж, она открыла верхний ящик прикроватной тумбочки, достала пузырёк в золотистом плетении и скрутила крышку. Боязливо поднесла к лицу и принялась — слабый, сладковатый фруктовый аромат. Вроде ничего страшного. Решившись, Ксюша опрокинула содержимое пузырька в рот, удивленно причмокнув: тягучая тёмная жидкость походила на черничный сироп.

Еще раз проверив, не стерлась ли помада, Ксюша открыла дверь своей комнаты, шагнула в коридор — и наткнулась на мать.

— Куда это ты намылилась на ночь глядя? — недовольно спросила та. — Одни гулянки в голове! Сегодня дома сидишь, с младшим братом.

— Ну мам! — отчаянно протянула Ксюша. — Я всё время с ним сижу! Мне очень надо сегодня!

— Надо ей! — мать уперла руки в бока, грозно окинула Ксюшу взглядом. — Я всю молодость на тебя извела, а теперь и пожить для себя нельзя?! Ишь ты, языкатая выросла!

— Куда эта пигалица опять намылилась? — послышалось из гостиной. Ксюша покосилась в ту сторону: отчим сидел перед телевизором, щелкая семечки, рядом на ковре возился четырехлетний брат. Что ж это получается, и ей придется всю молодость дома сидеть, за чужим ребенком присматривать?

Она уже открыла было рот, чтобы упрашивать мать сделать одолжение — только на сегодня — как вдруг замерла и прикрыла на миг глаза. А потом мотнула головой, словно сбрасывая с себя наваждение.

— Если вам нужно уйти — наймите няньку, — спокойно и уверенно произнесла Ксюша, глядя в глаза ошарашенной матери. Прошмыгнула мимо неё в коридор, влезла в сапоги, схватила куртку — и выскочила за дверь.

Никита уже докуривал вторую сигарету и собирался уйти, когда увидел издали знакомую куртку: Ксюша ходила в одной и той же нелепой короткой кожанке сколько он её знал — и осенью, и весной, и в самый сильный мороз. мех внутри и рукава давно поистерлись, зато узнать девушку в толпе не составляло труда. И чего она так вышагивает, поспешила бы, раз опаздывает!

— Ну привет, — хмуро начал он, как только Ксюша подошла ближе. — Я уже заждался.



Чего хотела?

Ксюша в ответ обворожительно хлопнула ресницами и загадочно улыбнулась.

— Спасибо, что дождался. На улице холодно, давай зайдем погреться... о, кафе!

Она подхватила Никиту под руку и мягко потянула в сторону уютных желтых окон, украшенных гирляндами и нарисованными снежинками. Тот вначале хотел возмутиться, но кинув взгляд на голые колени своей спутницы, смилостивился.

— Как тут мило! Спасибо, — прежде, чем Никита что-то понял, Ксюшина куртка оказалась у него в руках, и он поспешил водрузить это недоразумение на ближайшую вешалку. Ксюша тем временем заняла столик у окна и заказала себе раф с большим количеством сливок. Закинула ногу за ногу и пальчиком поманила Никиту к себе.

— Мне через полчаса надо быть в клубе, — предупредил он, падая на стул напротив. — Так что не тяни, выкладывай.

— Хорошо, — чуть кивнула Ксюша со всей серьезностью и доверительно, многозначительно произнесла: — Тобой интересовалась одна очаровательная особа.

— Что? — не понял Никита. — Методист, что ли, спрашивала? Отчислять меня собираются, из-за одного экзамена?!

— Методист? — теперь Ксюша выглядела удивлённой. — Ты что, предпочитаешь постарше?

— О чем ты вообще?

Ксюша задумчиво скovyрнула сливки в своем кофе, медленно облизнула ложку и лишь затем ответила напряженно ожидавшему Никите.

— Да просто удивлена, что ты в упор не замечаешь красивых девушек в своём окружении. Боишься подойти?

Под её насмешливым взглядом Никита наконец-то понял, о чем идет речь — и изумился всей абсурдности ситуации. Нет, Ксюша, конечно, ничего так себе, но...

— Прости, заучки не интересуют, — высокомерно хмыкнул он и собирался было подняться с места, когда Ксюша вдруг положила руку ему на плечо, пододвинула свой стул ближе, наклонилась к уху и что-то зашептала быстро краснеющему Никите.

— Как тебе такие знания? — с легкой улыбкой мурлыкнула она, заглядывая в округлившиеся глаза. — Любопытны?

— Ты... странная сегодня, — слотнув, признался Никита. Уходить ему моментально расхотелось.

— Ты просто меня не знаешь, — Ксюша снисходительно похлопала его по колену. — Так что там, в какой клуб мы сегодня пойдём?

— Мы? — хлопнул глазами Никита.

— Ну да, потанцуем, развеемся, познакомимся ближе, — Ксюша незаметно подмигнула. — Увидишь, на что способны «заучки».

— А может лучше...

— Ты боишься, что будет неловко? — прочитала его мысли Ксюша. — Что другие спросят, зачем ты меня притащил, придется краснеть?

Никита бросил еще один короткий взгляд на её голые колени, на до сих пор лежавшую у него на ноге руку — и, отвернувшись к окну, нерешительно кивнул.

— Правильно боишься, — тихо засмеялась Ксюша, щекоча теплым дыханием ухо, — тебе будет очень стыдно. Возможно, тебя даже не пустят больше в тот клуб, но этот вечер ты точно запомнишь на всю жизнь. Я покажу тебе и твоим друзьям, как надо развлекаться.

Она наклонилась совсем близко, провела кончиком носа по его щеке.

— А погулять по городу мы и потом сможем. Скорее всего, меня уже не пустят домой так поздно... Придется что-то решать.

Никита перевел на неё взгляд, быстро заморгал и нервно дернулся. Кажется, всё это было уже слишком для него.

— Я... давай в следующий раз, — пробормотал он.

Ксюша резко отстранилась, сложив руки на груди.

— Вот как? — обиженно буркнула она. — Спасовал перед заучкой? Да что ты за мужик такой, если женщин боишься! Может, ты вообще не в курсе, что с ними делать?

— Я не спасовал! — оскорблённо воскликнул Никита.

— Ага, расскажешь это своим приятелям! Обставлю всё так...

— Хватит! — Он подскочил на ноги и протянул ей руку. — Идём, раз навязалась!

Ксюша ухмыльнулась, спокойно поднялась с места, проигнорировав его руку, медленно оправила ладонями облегающее платье.

— Кофе оплати, — бросила она через плечо, уже направляясь к стоявшей у выхода вешалке, и Никита невольно застыл, глядя ей вслед. Он никогда не замечал, чтобы Ксюша так плавно, приятно покачивала бедрами. Это будило внутри какое-то странное волнение и... гипнотизировало.

— Ты замерзла, наверное?

— Нет, просто... хорошо.

Ксюша остановилась прямо посреди безлюдной улицы, подняла голову к небу, сонно сыпавшему редким снежком. Морозный воздух казался звенящим от чистоты и свежести, а город — покинутым всеми. Так и бывает в три часа утра.

— Ты удивила меня сегодня, — тихо признался Никита.

— Ты меня тоже, — Ксюша повернулась к нему, шагнула ближе. Осторожно провела кончиками пальцев по свежей ссадине на скуле. — Думала, обычный пижон, а ты не побоялся врезать за меня тому здоровяку! Ему же лет тридцать, а всё на девчонок...

— Он решил, что ты с ним флиртуешь. Все решили, — Никита мягко перехватил её пальцы. — Не делай так больше.

— Ты ревнуешь? — округлила глаза Ксюша, но он почему-то отвел взгляд.

— Нет. Да... Не в этом дело. Просто это — слишком. Я думал, что мне нравится отрываться, но когда ты выплясывала на стойке, весело почему-то не было. И... нормальная ты лучше.

— Ты же меня не замечал, — странно прищурилась Ксюша. — И назвал заучкой.

— Извини, — Никита опустил голову, держа обеими руками её руку. — А можно, ты будешь... средней.

— Не-а! — Ксюша коснулась его щеки ладонью, и Никита поднял на неё взгляд. — Но стану особенной без этих выкрутасов, как только ты заинтересуешься чем-то, кроме моей внешности. Буду раскрепощённой и смелой — для тебя одного — как только смогу доверять.

В глазах Никиты читалось, что он не совсем понимает эту нетипично взрослую речь. В девятнадцать лет всё кажется немного иначе, и начало отношений тоже определяется отнюдь не выполнением странных условий. Есть просто тот волшебный момент, когда во взгляде появляется что-то особенное, когда молчание наполняется новым смыслом, и двух людей толкает навстречу друг другу.

Никита приобнял Ксюшу за талию, мягко привлек к себе и медленно потянулся к губам.

— *Господин, не надо! Я была там — всего один невинный поцелуй!*

— Она ослушалась, Трэя, — Артур, в одних свободных домашних брюках, видно только что поднявшийся с кровати, широким шагом пересек спальню и подошел к небольшому бюро. — Или ты будешь мне диктовать, что делать?

— *Нет, господин,* — едва слышно прошелестело в ответ. — Но это её уничтожит.

Артур никак не отреагировал на это замечание. Взял с полки резную шкатулку, провел указательным пальцем по выбитой на крышке вязи округлых иероглифов, наполняя их силой. Молча, одними губами произнес заклинание — и повернул невидимый рычаг. Боковые стенки тут же превратились в резной узор, и с потусторонним протяжным воем втянулось внутрь облачко прохладного воздуха. Артур вновь повернул рычаг — и стенки стали сплошными, без единой щели.

— Подумай над своим поведением, — мрачно произнес он.

Внезапно замер, прислушиваясь, и щелкнул пальцами.

— Быстро, перехвати её у дома или уведи оттуда как можно скорее!

— *Да, шеф!* — отозвался низкий голос, и Артур удрученно покачал головой: что за девчонка такая бедовая! Он сразу же заметил в её судьбе тень, но в подобном возрасте любые беды сдувает семью ветрами. А тут даже после его вмешательства лучше не стало — Ксюша шла напрямик к черной, потрескивавшей воронке, способной резко изменить её жизнь.

### 3. Гостья

Подмерзшая крупа хрустела под ногами быстро шагавшей по улице парочки. Ксюша робко сжимала ладонь Никиты и молчала, не веря в происходящее. Она пришла в себя в тот самый момент, когда он отстранился после их первого поцелуя — и на губах еще оставалось чужое тепло. Посмотрела на Никиту с искренним изумлением, будто спрашивая: «ты это серьёзно?», и тот не выдержал, притянул её обратно, целуя снова и снова, и снова — пока Ксюша не оттолкнула мягко.

— Мне надо домой, — пробормотала она, пряча взгляд. — Который час?

— Три уже.

— Три?! — Ксюша испуганно вскинула голову. — Меня же убьют!

— Если не пустят, пойдём ко мне, — предложил Никита. — Мама не будет против.

— Нет-нет, — он не понимал, как сильно она провинилась и что теперь будет! А если и вовсе домой не явится... как так получилось?!

— Не беги так, всё равно задержалась, — Никита едва удержал поскользнувшуюся Ксюшу. — Я поговорю с твоими родителями, не беспокойся. Предки меня любят.

В ответ та отрицательно замотала головой. Её предки, кажется, любят только себя, а если выяснится, что она была с парнем — беды не избежать. Запрут дома с учебниками, заберут всю стипендию, отнимут телефон... а перед этим...

— Я пойду, — остановившись у своего подъезда, пробормотала Ксюша. — Не надо, не ходи со мной. Увидимся завтра в универе.

Никита хотел поцеловать её на прощанье, но удостоился лишь торопливого поцелуя в щеку. А затем его новая девушка стрелой взбежала по ступеням.

«И чего это она вдруг? — Никита мысленно пожал плечами. — Весь вечер о времени не вспоминала... Засмущалась, что ли?»

Он довольно хмыкнул, но усмешка незаметно превратилась в тёплую улыбку. Всё-таки, очень странная девушка эта Ксения: столько лет строила из себя серую мышку, потом зажигала как отъявленная тусовщица — и вот опять стала тихоней. Но он уже не верил в этот образ. Согревая кровь воспоминаниями о её танцах — где в каждом гибком движении сквозила страсть; об обжигающих взглядах, которые Ксюша время от времени бросала на него, о недавних поцелуях, Никита спрятал замерзшие руки в карманы и не спеша побрел домой.

А вот Ксюша добежала на свой этаж так быстро, что еще пару минут не могла отдышаться. Лишь бы спали, лишь бы спали! Отыскав в кармане ключ, она как можно тише вставила его в замочную скважину, повернула, осторожно нажала на ручку и юркнула в образовавшуюся щель. Вот только, едва дверь неслышно закрылась за спиной, как в прихожей вспыхнул свет, заставляя зажмуриться.

— Явилась наконец! — раздался хриплый и пьяный голос отчима.

Ксюша в испуге отпрянула обратно. Она никогда не понимала, что заставило её мать сойтись с этим быдловатым мужиком, которому в этом году едва исполнилось тридцать, да еще и сразу родить второго ребенка. Брата тут же спихнули на Ксюшу, и она с четырнадцати лет ощутила себя малолетней матерью без личной жизни. Впрочем, глядя на отчима, она

начала опасаться парней.

— Нагулялась, шалава?! — с угрозой продолжил он, подступая ближе и заставляя в испуге вжиматься в дверь.

— Мама где? — пискнула Ксюша.

— У подружки осталась, — словно кусок льда прижали к спине. Хрупкая надежда на спасение разбилась, они здесь совершенно одни.

— Подожди, я всё...

Мужская пятерня схватила за волосы, заставляя согнуться вдвое.

— Пойдем! Объяснишь! — он потянул тихо подвывавшую подчерицу в комнату, не обращая внимания на её слабые попытки упираться и разжать его пальцы. — Ты у меня сейчас получишь! Я тебя научу, как взрослым перечить!

— Ты не можешь, пусти! — закричала Ксюша, хватаясь за дверной косяк и теряя способность здраво мыслить от отчаяния и страха: ведь знала же, что лучше молча перетерпеть. — Я больше не ребенок! Я не твоя дочь!

Тяжелая пощечина оборвала её крик, солоноватым металлом отозвалась во рту, еще один удар опрокинул худенькое тело на пол.

— Ну да, — странно, гадко глядя на неё, процедил отчим. — Хорошо, что напомнила.

Ксюша, уставившись на него расширившимися глазами, в ужасе поползла-попятилась к стене — и вдруг замерла.

— Жанна, — обреченно вздохнул Артур, пропуская в прихожую Ксюшу в распахнутой куртке. — Я же тебя просил.

Девушка с разбитой губой, покрасневшими костяшками и ссадиной на щеке виновато опустила голову.

— Простите, шеф, едва успела. Он руки распустил.

— Понял, — в таком случае он не мог её винить: Жанна готова была умереть еще десять раз, лишь бы избавить мир от очередного мерзавца. — Иди в гостиную и приведи себя в порядок. Пусть спит на диване.

— Есть, — Ксюша отрывисто кивнула, прошла мимо него в комнату и вдруг замерла, почувствовав скользнувший по фигуре взгляд. — Шеф, она продрогла, а щеки теплые. Разве это не странно?

— Не говори глупостей, — хмуро отозвался Артур. — В этих краях не так-то холодно.

Ксюша молча скрылась в гостиной, не сказав слова поперек. На морском побережье, из-за высокой влажности и сильных ветров, неугомонных большую часть года, ноль градусов уже ощущался как минус двадцать. И ходить в таком виде было верхом безрассудства.

Артур, зевнув в кулак, вернулся к себе. Он, конечно, был совершенно не рад появлению в своём доме посторонней малолетней девчонки, но мудро решил отложить решение проблем на утро.

Спальня была залита мягким, подрагивающим светом искусственного камина, щедро отдававшего комнате своё тепло. Вот только, едва Артур заметил отвернувшийся к стене силуэт, как тело его обдало холодом, а ноги на миг приросли к полу.

— Мия! — прошептал он одними губами. — Как давно...

Девушка медленно обернулась, капюшон серебристого плаща упал с головы, и по спине рассыпались длинные рыжие локоны. К Артуру вернулась способность двигаться.

Сорвавшись с места, он бросился к Мие и порывисто, крепко прижал её к себе.

— Я боялся...

Девушка молча поднесла тонкий пальчик к его губам, ласково и чуть грустно улыбаясь в ответ. Скользнула теплой ладонью по лицу, будто вспоминая родные черты, нежно погладила по волосам, заглядывая в глаза.

— Ты всё не хочешь выполнять мою просьбу, Аргус, — с лёгким укором произнесла она.

— Как можно о таком просить, — Артур перехватил её руку, поднёс к губам, легонько целуя пальцы.

Мия не стала спорить. Наклонилась ближе, опуская веки, отыскивая такие желанные губы. Обвила шею руками, нежась в крепких объятьях, по которым безумно истосковалась. Как было не понять, не принять его отказ, когда даже она не в силах сдержать свои чувства?

Подставляя лицо под множество невесомых поцелуев, Мия потянула за завязки плаща, отступила на шаг, позволяя ему упасть к ногам, и с теплой улыбкой вновь приникла к Артуру обнаженным телом. Шли годы, сменялись десятилетия, а она оставалась всё такой же прекрасной. Самой желанной для него из тысячи встреченных женщин.

Легко подхватив Мию на руки, Артур перенес её на кровать, бережно опустил на белые простыни, почти совпадавшие по цвету с её кожей. Заскользил руками по телу, наслаждаясь каждым плавным изгибом, разжигая плескавшуюся в потемневших глазах страсть, покрывая поцелуями шею и часто вздымавшуюся грудь. Пробрался рукой между сведенных колен, и Мия сладко вздрогнула, потянула его к себе, помогая избавиться от остатков одежды. Её тонкие пальцы приласкали, сводя с ума каждым умелым прикосновением, молочные бедра нетерпеливо распахнулись — и Артур, подавшись вперед, с силой прижался к полным губам, заглушая громкий стон.

Он столько раз обладал этой женщиной — но никогда не мог ею насытиться. Сколько бы времени не занимали их встречи, как бы не любил он её, доводя их обоих до сладкого иступления и абсолютного изнеможения, Артур всегда хотел еще. Потому что дело было не в сексе. Потому что физическая близость не способна была восполнить потребность забрать её себе, полностью, вырвать их холодных когтистых лап — и просто наслаждаться спокойной, размеренной жизнью, просыпаясь каждое утро вместе.

Рыжие волосы огненной волной раскинулись по смятым простыням, короткие ногти оставляли на мокрой спине розовые полосы, но эта боль только подстегивала желание. Мия металась под ним, словно пламя: дикая, горячая, обжигающая короткими поцелуями и проникавшая под кожу тихими грудными стонами. Бросалась навстречу каждому резкому, сильному движению, задыхалась, но не останавливалась, пока с отрывистым вскриком не выгнулась над кроватью, ловя накрывшую её оглушающую волну.

И, едва только начав приходить в себя, крепко-крепко прижалась к груди Артура.

Тот устало поцеловал её во влажный висок и откинулся на спину, мягко притягивая Мию к себе.

— Твоё сердце, — пробормотала она спустя время, задумчиво обрисовывая пальцами крепкие мышцы его груди. — Оно будет биться еще очень-очень долго.

Погрустнев, Артур перевел на неё взгляд, но промолчал.

Мия подняла голову и кивнула.

— Мне пора, Аргус, правда пора. Даже ты не сможешь меня больше удержать, — её тело, до того необычно теплое, даже горячее, внезапно похолодело. — Отпусти меня из

своего сердца.

— Нет-нет-нет, — встрепенулся Артур. — Стой!

Понимая, что Мия не слушает, что она нашла способ, он отчаянно сгреб её в охапку, прижался к губам в последнем горьком поцелуе.

— Я привела её к тебе, — тихим эхом прозвучало в голове, и прекрасная рыжая девушка в его руках растворилась в ночном полумраке.

Артур вздрогнул и поднял веки. Он лежал в своей постели, одетый, а вокруг расплзался всё тот же сумрак, едва нарушаемый отблесками искусственного огня в электрическом камине. Прерывисто вздохнув, Артур накрыл глаза ладонью, прекрасно понимая, что сном это не было. Мия ушла навсегда, за черту, откуда нет возврата, куда не заглянуть даже сильному шаману. Он делал всё, чтобы продержать её в этом мире, оставить им хотя бы такие ночные встречи — но она почему-то решила его покинуть.

Внезапно Артур почувствовал чьё-то присутствие. Отняв от лица ладонь, он поднял взгляд и удивленно уставился на совершенно беззвучно застывшую у его кровати женскую фигуру. Это еще что за выходки? Призрак? Нет, призраком это существо не являлось, это он понял практически тут же. Девушка, молча стоявшая над ним с закрытыми глазами, чуть покачиваясь, была из плоти и крови. Ксюша.

В первый момент Артур подумал, что в неё кто-то без спроса влез — и очень рассердился на такую вольность. Однако, и тут его чувства говорили обратное — ни один призрак не управлял сейчас этим телом. Ксюша спала и ходила во сне, как редко, но всё же бывает.

Сколько еще сюрпризов подготовила эта девчонка? Сколько еще...

Ксюша покачнулась сильнее обычного, и отблески огня скользнули по её волосам, на миг окрашивая их в рыжий цвет. Потеряв равновесие, она рухнула ничком, то есть прямо в руки успевшего подскочить Артура. Что-то пробормотала, уткнувшись теплым лицом в его голую грудь и начиная просыпаться.

А тот застыл, крепко вцепившись пальцами в её плечи, не помня себя от прокатившегося по спине озноба внезапного озарения. «Я привела её к тебе», — билась в голове последняя фраза Мии. «Я привела её к тебе». Кого, свет мой?! Кого и зачем?

## 4. Лита

Лита была единственной наследницей зажиточного земледельца: её мать умерла, едва произведя девочку на свет, а безутешный отец так и не женился повторно. Хотя, что более вероятно, причиной его верности послужила вовсе не привязанность к бывшей жене, а присущая ему скупость — молодую невесту пришлось бы выкупать, одевать и баловать, а деньги эти выгоднее было пустить в оборот. Дочка же воспитывалась в строгости и скромности, лишнего не просила, много не ела, да еще оказалась такой красавицей, что не налюбуйешься: миниатюрная, с огромными темными глазами и длинной толстой косой цвета ночи. Слух о прекрасной Лите разошелся далеко, и, едва девочка вступила в брачный возраст, к ней заспешили женихи со всех окрестных земель.

Сама Лита о свадьбе еще не задумывалась. Был у неё друг детства — работавший у них сын соседского помещика, далеко не такого удачливого, мальчишка на пару лет старше. Вместе они проводили все дни в невинных забавах или работе по дому, играли, дурачились, сбегали через широкое поле в ближайший лес, когда хозяин дома куда-то уезжал. Общение их было открытым и бесхитростным, но только весть о каждом новом женихе почему-то делала мальчишку всё сумрачнее — сам он не мог ни на что надеяться.

Лита же оставалась по-детски беспечной, полностью полагаясь на выбор отца. Так её воспитали: безумно благодарной за подаренную жизнь, вложенные в неё деньги, в страхе и уважении перед родителем. Каждый день, начиная с её пятилетия, земледелец внушал дочери: этот непомерный долг придётся отдавать, жизнь твоя — в моих руках. И Лита не спорила, весьма смутно еще представляя, что её ждет в замужней жизни. Наверное, то же, что и раньше: работа по дому, послушание и забота о муже вместо отца.

Однако, сам отец Литы не спешил давать согласие ни одному кандидату. Он оказался слишком честолюбив и жаден, он сравнивал дочь с драгоценным деревом, которое он растил с таким упорством — а теперь должен был продать с наибольшей выгодой. И расчет его оправдался. В их дом явился никто иной, как слуга самого императора, набравший самых прекрасных, юных и свежих девушек в гарем правителя. И Лита была продана за очень большую сумму.

Жизнь во дворце она представляла еще более смутно, чем простое замужество.

Впрочем, дворца как такового Лита не увидела, не встретила и императора — до поры. Её не повели знакомить с новым господином, а вместо этого начали готовить: осмотрели со всех сторон; искупали как следует в ароматной пене; расчесали густые длинные волосы, вновь заплетя их в косу и украсив блестящими гребнями; облачили в странные, легкие одеяния с изящной вышивкой. Но и после этого свидание не состоялось. Литу, как и других новеньких девушек, принялись наставлять главной науке — как доставить супругу удовольствие: пламенным танцем или игрой на музыкальном инструменте, содержательным разговором или искусством любви.

Прошло слишком много времени перед тем, как Лита смогла впервые попасть в главные комнаты гарема. Она выросла и повзрослела, растеряла большую часть своей наивности, невольно наблюдая, какие козни стоят друг другу соперницы из самых любимых наложниц. Она откровенно скучала и даже тосковала по обычному, бесхитростному людскому



общению, с грустью и теплом вспоминая родной дом и друга детства. Лита втайне надеялась, что приглянётся императору и это откроет для неё какие-то новые возможности, хотя бы путь в библиотеку. Возможно, он даже захочет поговорить с ней... потому что прозябать месяцы напролет в четырёх стенах привычной к раздолью девушке становилось невыносимо.

И вот, наконец, она увидела своего правителя, издалека, из-за спин других наложниц: он шагнул в тяжелую узорчатую дверь, медленно прошёлся по зале и опустился на вышитые подушки. Понаблюдал за небольшим представлением, что для него устроили — несколько девушек танцевали, другие играли на музыкальных инструментах и пели. Лита же всё это время затаив дыхание рассматривала императора. Он оказался не молод, хотя еще крепок, с длинной черной бородой без единого седого волоса. Темные глаза под густыми бровями смотрели устало и почти равнодушно, не оставляя ни единой надежды быть замеченной.

Так и случилось — указав на одну из танцовщиц, император вскоре покинул их скучную обитель. И ни разу, ни в одно своё посещение гарема, которых было еще множество, он не обратил внимания на Литу.

Время шло. Лита часто сидела у высокого, узкого окна, разглядывая внутреннюю дворцовую площадь, где единственным движением были медленно ползущие по камням тени от башен да время от времени сменявшая друг друга стража. И однажды, среди этих стражников она различила знакомое лицо. Не сразу, не в первый день наблюдений за молодым мужчиной Лита поняла, что это тот самый друг детства, теперь окончательно возмужавший и устроившийся на службу. Теплое чувство в груди шевельнулось вновь, расправило крылья. Лита теперь проводила всё время у окна, она уже знала, в какие часы его вахта — и каждый раз мысленно умоляла поднять голову.

Однажды именно это и произошло. Стражник вскинул взгляд прямо на окно, встретился с Литой глазами — и моментально отвернулся. Но за это короткое мгновение весь мир успел перевернуться, сердце забилось часто и гулко, и Лита сама отпрянула в прохладу комнаты, схватившись ладонями за вспыхнувшие щеки.

Теперь с каждым днём всё меньше её интересовал император, танцы и книги. Теперь, всё с нарастающим волнением прикинув к окну, Лита с замиранием ждала момент, когда сменится стража. Когда молодой мужчина вскинет на неё незаметно свой взгляд, улыбнётся уголками губ, уже опуская голову, и пройдет мимо. А сердце еще долго будет радостно выплясывать в груди, и в мечты впервые проникнет странное желание долгих взглядов и крепких объятий.

Очень скоро Лита узнала, что их встреча не случайна. Тот, кто, не имея достойного наследства, мальчишкой не смел просить её руки, отправился за любимой и прошел долгий путь, чтобы попасть в дворцовую охрану. На этом план его обрывался, но отныне и молодой стражник, и Лита не могли жить друг без друга. Они нашли способ обмениваться короткими посланиями, не привлекая чужого внимания, но очень скоро ни одни слова уже не способны были выразить терзавшую душу тоску. Лита почти совсем перестала есть, она не занималась больше музыкой и танцами, которые так любила, она пряталась в самом дальнем углу, когда в гарем приходил император. Только сейчас Лита поняла, чего она лишилась вместе со свободой. Отданная чужому, равнодушному мужчине, она никогда уже не сможет быть счастлива с тем, кого впервые в жизни захотела назвать своим супругом.

Она сгорала с каждым днём, и стражник, видя это, отчаянно искал способ устроить их

свидание. И наконец, после долгих приготовлений и уговоров, ему удалось сделать так, чтобы дверь для прислуги оказалась незаперта, а охрана — задержалась в другом конце длинного коридора. Задумка была смертельно опасной для обоих, но маленькая, ловкая Лита могла проскользнуть незамеченной, встретиться с любимым в условленном, тихом месте и вернуться обратно тем же путем. О том, чтобы сбежать, и речи не шло — все входы и выходы из дворца правителя тщательно охранялись. К тому же, за беглую дочь ответил бы отец — головой.

Однако задуманному не суждено было случиться. Лита дождалась, пока другие девушки ушли спать, осторожно пробралась к низенькой дверце и, отворив её, выглянула в коридор. Стражи нигде не было видно. Замирая от волнения и страха, смешанных со счастливым предвкушением объятий любимого, Лита бросилась прочь по пустым коридорам, холодившим босые ноги белоснежным мрамором. Вот только она никогда не бывала за пределами гарема, не видела этой части дворца и быстро заплутала. Когда Лита поняла это, её охватила паника. Уже не разбирая дороги, окончательно позабыв, куда ей надо было свернуть, она металась среди расписанных золотом стен, словно залетевший в комнату мотылек — и в конце концов была поймана охраной.

Громкие отчаянные крики Литы, тщетно пытавшейся вырваться из крепких рук вооруженных мужчин, эхом разносились по дворцу, нарушая полночный покой. Одна из ближайших дверей отворилась, и Лита была с силой прижата к полу, лишена способности двигаться и даже дышать — потому что из покоев вышел сам император. Заботы о делах государства часто становились причиной его бессонницы, и, заслышав странный шум, он решил узнать, что случилось.

— Кто эта девушка? — спросил он, окинув задыхающуюся Литу холодным взглядом.

— Беглянка из гарема, повелитель, — опустившись на колени и склонив голову, но при этом не отпуская горло Литы, ответил один из стражников. Он с легкостью узнал это по золотому браслету, какие носили только наложницы императора. — Хотела вернуться домой или спешила к любовнику, не иначе.

Мужская рука еще сильнее сжала шею Литы, и от боли у той невольно хлынули слёзы. Церемониться с ней никто не собирался — всё равно теперь избьют плетью до полусмерти или вовсе казнят. Лита дернулась, попыталась повернуть голову и захрипела.

— Кажется, она хочет что-то сказать, — равнодушно заметил император. — Да отпусти ты её, это же не подсланный убийца.

Терзавшие её пальцы разжались, Лита глубоко, порывисто глотнула воздух и закашлялась.

— Повелитель... — пробормотала она, пытаясь как можно скорее унять душившие горло спазмы. Всё тело горело от едва миновавшей его гибели, нехватки кислорода и адреналина. — Повелитель, — Лита сжалась, стоя на коленях, уткнувшись лбом в носок его сапога. — Я шла к вам!

— Ко мне? — в голосе мелькнуло искреннее удивление. — Зачем? Тебе запрещено покидать гарем.

— Отчаяние заставило меня нарушить запрет, — Лита подняла мокрое от слёз лицо. — Уже больше года я здесь, моя красота проходит, моё сердце иссыхает без вашего взгляда, повелитель! — Слёзы вновь полились по щекам, и мало кто мог догадаться, что причина их в той лжи, что причиняла сейчас нестерпимую боль. — И если мне суждено провести дни

свои незамеченной вами — так пусть лучше я умру сейчас, но у ваших ног.

— Встань, я тебе умирать не позволял, — Лита с трудом поднялась на дрожащие ноги, и император вновь окинул её взглядом, теперь уже с заметным любопытством. — Не помню тебя. Ну что ж, если это твоя последняя ночь, то глупо будет провести её в темнице. Танцевать умеешь?

Лита, сглотнув, отрывисто кивнула.

— Дайте ей воды и приведите в порядок. А потом доставьте ко мне.

Робко ступая в опочивальню императора, Лита понимала, что не только её жизнь висит сейчас на волоске. Правитель как будто поверил её словам, но её учили, что слова мало значат, а взгляд всегда выдаст правду. Изобразить преданность и любовь, когда тебя душит отчаяние и страх, а сердце отдано другому — почти невозможно. Но Лита старалась. Выйдя на центр зала перед своим повелителем, она начала танцевать, как никогда раньше. Каждое плавное движение манило к себе, каждый взгляд из-под пушистых ресниц вспыхивал страстью, каждый плавный изгиб тела в воздушных одеждах обещал наслаждение. Лита делала это, чтобы спасти себя и любимого, но не думала сейчас о нём — иначе не выдержала бы. Она смотрела лишь на императора, и весь её танец был пылким, откровенным признанием. Император его оценил.

В ту ночь он стал её первым мужчиной, а в следующую — вновь приказал явиться. Лита ему понравилась. Любимая наложница недавно родила, но на беду — дочку, и на время была позабыта, а Лита оказалась такой юной, красивой и пылкой, будто действительно жизни не представляла без своего повелителя. Это уставшему правителю льстило. Он начинал верить в её искренность, а Лита всё больше теряла саму себя, отчаянно даря ему любовь, предназначавшуюся совсем другому мужчине. Она больше не видела своего друга, да и рада была, не зная, как посмотрит ему в глаза; она всеми силами пыталась усладить своего императора, вот только теперь это было куда сложнее, чем всего полгода назад. Но Лита хорошо играла свою роль. Настолько хорошо, что император вскоре сделал её своей фавориткой.

Лита быстро забеременела, но старалась не оставлять своего «возлюбленного» без внимания, развлекая пением или беседами. И только, окончательно отяжелев, уединялась в своей комнате, подолгу сидела у окна, задумчиво глядя куда-то вдаль, будто мысленно тянулась на волю, в родной дом.

Лита родила крепкого, здорового мальчика, подарив императору наследника, но её хрупкое тело не выдержало этого. А может, она настолько опротивела себе, что не видела смысла оставаться в этом мире. Правитель, уже давно не юноша, сильно горевал, устроил пышную церемонию и долго еще был холоден к другим наложницам. Он приказал отправить отцу Литы столько золота, сколько понадобится для безбедной старости. А друг детства вернулся на прежнюю работу, посвятив остаток жизни заботе о своем неслучившемся тесте.

Вот только Лита не смогла обрести покой. Её дух остался безутешен, он бесконечно стремился к любимому и бесконечно проклинал сам себя. Чувство вины и стыда изъело личность, как термиты изъедают древесину, и за несколько веков в Лите осталось лишь неутолимое вожделение, как самое горькое наказание за многие ночи обмана. Если раньше ей приходилось изображать страсть с тем, кого она не желала, то теперь она стремилась к любому, но не могла заполучить никого.

И, когда Артур вернул её в шкатулку, Лита не вспомнила прошлое. Она оказалась

заперта в своём безумии, не имея возможности ни на что отвлечься от душевной боли.

## 5. С любим, кроме меня

«Какой странный сон», — подумала Ксюша, еще не открыв глаза. Вначале ей привиделась прогулка по ночному городу с Никитой и жаркие поцелуи, затем — что-то жуткое и мерзкое про отчима, а перед самым пробуждением откуда-то взялся странный секретарь шамана. Он нес её на руках, прижимая к обнаженной груди и жутко смущая этим, укладывал на диван... А дальше сон прерывался.

Вот только, стоило Ксюше поднять веки, она поняла, что никакой это не сон. Она лежала на том самом диване, где еще вчера пила чай и рассказывала о своей проблеме... Артуру, так его звали. Где подписывала согласие на изменение своей судьбы и получила заветный пузырьёк. Вчера она его выпила, собираясь на встречу с Никитой... а затем всё поплыло и размазалось, и остались только некоторые яркие моменты-картинки, которые запросто могли оказаться обрывками сновидения.

Но как она оказалась здесь?

Ксюша спустила ноги на пол, надела стоящую рядом обувь и поднялась, оправив подол платья. Голова не болела, она отлично выпалась. Куртка висела тут же, на спинке дивана. Наверное, следовало схватить её и бежать отсюда как можно быстрее, но Ксюша отогнала эту трусливую мысль. Она решила найти хоть кого-то, выяснить, что с ней произошло, а потом уже уходить. Вот только кричать и звать в этом доме почему-то было боязно.

Ксюша тяжело вздохнула и вдруг ощутила за тонким ароматом трав хорошо различимый запах кофе. Значит, даже шаманы пьют его по утрам! Отбросив робость от возможной встречи со всемогущим колдуном, Ксюша поспешила на запах, прямо к не приметной двери в дальнем углу комнаты, а оттуда, по темным коридорам, дальше, к светлomu проёму, из которого лился солнечный свет. Неслышно заглянула внутрь и замерла.

На небольшой кухне у плиты стоял Артур в джинсах, свободном джемпере и абсолютно босой — и варил кофе. Ксюша даже растерялась немного: она никогда не видела воочию, чтобы мужчина сам себе готовил — брат был еще мал, а отчим даже чай себе налить не утруждался. И между тем, выглядело это настолько естественно, уютно и... как-то странно-волнующе, что не хотелось его окликать и разрушать идиллию. Вот только Ксюша скоро заметила, что сам Артур чем-то расстроен: задумавшись и опустив голову, он невидящим взглядом уставился в одну точку и даже не замечал её присутствия.

Она уже собиралась набраться смелости и позвать его, как Артур внезапно сам вскинул подбородок, будто к чему-то прислушиваясь — и моментально повернулся к двери.

Ксюша вздрогнула и замерла с приоткрытым ртом, из которого так и не вырвалось ни звука. Яркие синие глаза смотрели на неё с искренним изумлением, с немым вопросом, изучали, будто видели в первый раз в жизни — и от этого взгляда колючие искры разбегались по всему телу. Зашипел сбежавший кофе, Артур опомнился, отвернулся, порывисто подхватил с плиты турку и выключил газ, а Ксюша, едва выдохнув, спрятала в ладонях зардевшиеся щеки. Её внезапно с головы до пят обдало таким жаром, будто началась лихорадка.

Подумав, что неприлично топтаться в уличной обуви там, где ходят босиком, она наклонилась, расстегивая молнию на сапогах, радуясь возможности скрыть лицо за волосами, а когда ступила на деревянный пол, почувствовала приятное тепло. И лишь затем

распрямылась, смущенно замерла у двери, сжав руки в замок, молча глядя на переливавшего остатки кофе в чашку Артура.

— Доброе утро, Ксения, — первым поздоровался он, как и полагалось старшему.

— Доброе утро, — отозвалась та. — Простите...

— Ничего страшного. Вам сварить?

От такого бесхитростного вопроса от взрослого чужого мужчины Ксюша обомлела.

— Н-нет, спасибо, не утруждайте себя, — забормотала она и кашлянула от сухости в горле. — Можно воды, пожалуйста?

— Можно, — без улыбки отозвался Артур. — Присаживайтесь за стол.

Ксюша послушалась. Заняла один из стульев, глядя на сложенные на столешнице руки, невольно вспоминая о том, что Артур знает о ней слишком много личного. Секретарю шамана ей пришлось довериться, но сейчас от этого становилось ужасно неловко.

Через минуту он поставил перед ней кружку с водой, сам с чашкой в руках присел напротив. Кажется, Артуру совсем не хотелось сейчас ни о чём разговаривать, видимо, случилось что-то плохое — и от этого задать вопрос становилось еще сложнее. Но Ксюша всё же пересилила себя.

— Простите, я не помню, как здесь очутилась, — начала она. — Вы не могли бы рассказать, пожалуйста?

Артур утвердительно кивнул и, сделав глоток, ответил:

— Вы пришли под утро, после свидания с Никитой. После того, как дома у вас случился конфликт. А не помните из-за того, что выпили зелье, я предупреждал.

Ксюша вздрогнула. Теперь она вспомнила тот момент яснее и с ужасом поняла, что это вовсе не было сном. Отчим собирался её избить, а еще он так жутко на неё смотрел... Под внимательным взглядом Артура Ксюша порывисто осушила половину своей кружки и неловко попыталась улыбнуться.

— Это какая-то ошибка. Не знаю, что было в моей голове, почему заявила к вам.... — она вдруг ухватилась за свою догадку, встрепенулась: — Наверное, хотела принести деньги?!

— Еще не вторник, — спокойно отозвался Артур. — На счет ошибки... я бы на вашем месте съехал оттуда как можно быстрее.

И прежде, чем гостя успела возразить, он протянул руку и коснулся её щеки. Ксюша замерла, не дыша, и лишь поморщилась, ощутив легкую боль. Почему...

— Синяк всё же расплылся, били кулаком, — покачал головой Артур. — Губа тоже лопнула.

Ксюша поджала нижнюю, провела языком, нащупав солоноватую, саднящую неровность. Сглотнула застывшую в горле горечь.

— Я... пойду, — тихо выдавила она. — Деньги во вторник принесу. Спасибо. Извините еще раз.

— Позвоните сначала маме, — ненавязчиво предложил Артур, и Ксюша послушалась, достала из кармана куртки старенький мобильный телефон. — Ловит только у окна.

Привычная проблема на окраинах города.

Отойдя к занавешенным ставням, из-за которых виднелся покрытый инеем двор и высокий забор, Ксюша проверила входящие вызовы и сообщения — ноль, а затем набрала номер матери.

Трубка тут же взорвалась возмущенными криками и обвинениями, ругательствами и матами. Ксюша слышала о себе много неприятного, но, увы, давно не нового, не успев даже

слово вставить.

— Где тебя носит, мерзкая ты девка? — надрывался истеричный голос. — Ты что с отцом сделала, дрянь?!

— Я... я ничего...

— Ничего?! Он сейчас в больнице из-за твоего ничего! Он тебя от хулиганов защитил, а ты сбежала?! Да что в твоей куриной башке! Только явись домой, я тебе все космы выдеру, я тебя налысо побрею, чтобы на улицу выйти боялась!

Ксюша молча нажала сброс и опустила руку с телефоном, устало глядя куда-то в окно. Мама ни за что ей не поверит, она никогда не верила, никогда не вставала на её сторону. Для неё этот мужчина был куда важнее, с первого дня его появления в доме. Повесив голову, Ксюша тихо всхлипнула.

— Погадать?

Ксюша вздрогнула, выныривая из своих невеселых мыслей, и удивленно посмотрела на Артура.

— Простите, что?

— Вы решаете, куда идти. Духи могут знать ответ.

Ксюша нерешительно кивнула, вспоминая, что находится в доме шамана, где подобное вовсе не странно. На ватных ногах, все еще не придя в себя после разговора с матерью, она подошла к столу и села на прежнее место. А Артур потянулся к шкафчику и достал оттуда упаковку обычной гречки.

— А разве... — тихо начала Ксюша.

— На чем угодно, — отмахнулся Артур, — это просто инструмент.

Зачерпнул из пакета большую горсть крупы, накрыл второй ладонью и на минуту прикрыл глаза. Сделал глубокий вдох, избавляясь от собственных проблем и мыслей — и рассыпал ядрица на стол. Те раскатились во все стороны раскрытым веером, только отчего-то неравномерно, образуя три круга по несколько кучек в каждом, все с разным количеством зерен. И Артур, бросив лишь один взгляд на образовавшуюся картину, начал:

— Если вы сейчас вернётесь домой, то, как только мать уйдет, случится то, что сломает вам жизнь. Если отправитесь к тому, кто занял сердце... тут всё перечеркнуто. Подруг у вас нет. Родни другой тоже. Общежитие... нет, тут неудача. Работа с жильем... — он смешал рукой какую-то часть рисунка, — даже смотреть не надо, плохо.

— Так куда ж мне идти?! — в отчаянье воскликнула Ксюша.

— Подождите, я... — начал Артур и вдруг смолк. Под напряженными взглядами обоих разбросанная гречка внезапно пришла в движение. Маленькие ядрица перекатывались по столу, пока не сложились в изображение, понятное даже далёкому от гаданий человеку — чёткую стрелку, указывавшую на Артура.

— Трзя, это ты... — угрожающим шепотом начал он. — Что значит «нет», а кто тогда?!

Ксюша испуганно подняла голову, и он поспешно обратился к ней:

— Нет-нет, даже не думайте! Еще мне обвинения в похищении не хватало!

— Но я скажу...

— А вас послушают? Или, как обычно, ваших родителей?

На Ксюшу было страшно смотреть — казалось, она вот-вот расплачется. Но и в судьбу её было заглядывать еще страшнее — сплошной мрак впереди. Только вдруг что-то произошло: Ксюша закусил разбитую губу, нервно выпрямилась, прерывисто выдохнула и выпалила:

— Послушают! Мне восемнадцать! Я могу жить с любым мужчиной, с каким захочу, и родители не в праве мне запретить или назвать это похищением!

Артур уставился на неё хмуро и несколько ошарашенно.

— С любым мужчиной, кроме меня, — поправил он сухо.

Ксюша моментально сникла вновь, опустила голову и плечи.

— Простите, пожалуйста. Я не намекала... ничего такого не хотела сказать, простите... Глупо так. Я просто... что вас никто не посмеет ни в чем обвинить, что бы там родители не говорили. Вы же сами всё знаете, вы же и есть тот самый шаман, правда?

Под открытым, искренним взглядом Ксюши Артур мысленно выругался. Он знал, что его вины в произошедшем не было — рано или поздно тот мерзавец перешёл бы все границы. Но отказать в помощи сейчас было равносильно не подать руку утопающему.

— Оставайтесь, — уходя от вопроса, разрешил Артур. — Но ищите новое место.

— Спасибо! — Ксюша внезапно схватила его лежащую на столе руку двумя ладонями и крепко сжала. — Вы не пожалеете, обещаю, я очень аккуратна! Я не буду мешать! Спасибо! Спасибо!

Артур не ответил. Он смотрел на теплые — действительно слишком теплые — Ксюшины пальцы и впервые за долгое время не мог понять, что же он сейчас на самом деле чувствует.



## 6. Золушка

— Идёмте, я покажу вам вашу комнату, — говорил Артур, поднимаясь на второй этаж, куда давно не заглядывал. — Постарайтесь не покидать её без особой надобности и ни в коем случае не выходите в гостиную.

— Поняла, не попадаться вам на глаза, — бодро отчеканила Ксюша.

Артур кивнул, не оборачиваясь. Клиенты заявятся только к вечеру, но он не хотел, чтобы эта девчонка здесь шастала.

В конце коридора, освещенного единственной лампочкой, Артур открыл неприметную дверь и пропустил Ксюшу в небольшую квадратную комнатку. Мебели здесь было совсем мало: накрытые чехлами кровать, комод и кресло. На единственном окне висели поросшие толстым слоем пыли жалюзи.

— Тут не прибрано, — не извиняясь, заметил Артур, стягивая чехлы и едва не чихая от поднявшейся в воздух пыли, — гостей у меня не бывает. Постельное в комод. В окне не светитесь. Если что-то понадобится... перетерпите.

— А ванная? — робко поинтересовалась Ксюша, поёжившись.

— Выйдите — направо. Сейчас открою воду и включу здесь отопление.

— Спасибо... Спасибо большое, вы правда... — начала Ксюша.

Да сколько можно, он уже начинал чувствовать себя неловко!

— Потом отблагодарите, — как можно более холодно оборвал Артур. — Мне некогда.

Он быстро вышел из комнаты, хотя абсолютно некуда было спешить, а Ксюша с улыбкой оглядела свою временную обитель. Хотелось первым делом распахнуть окно настежь и впустить свежий морозный воздух, но она помнила просьбу Артура, поэтому лишь приоткрыла створку на проветривание, не поднимая жалюзи. Затем отыскала в комод запечатанный комплект белья — создавалось впечатление, что здесь хозяин дома попросту хранил пока ненужные вещи, чтобы пореже выходить в люди. Рядом лежали новые скатерти, полотенца, пара белых рубашек... Ксюша опомнилась и прекратила рыться, хотя понимала, что ей бы тоже не помешала сменная одежда. Но возвращаться домой за вещами она ужасно боялась.

В батареях под окном что-то забулькало, заурчало и в ванной — и Ксюша, радостно схватив полотенце, бросилась туда. Здесь, конечно, тоже было немного пыльно, но чисто, змеевик быстро нагрелся, а вода через пару минут пошла теплая.

Вдоволь накупавшись и выстирав вещи, Ксюша развесила их на вымытую ею сушилку и стала ждать. Взгляд задумчиво блуждал по ванной комнате, наткнулся на задвинутое под раковину ведро с половой тряпкой и бутылочку с моющим средством. Окончательно осмелев, Ксюша изучила ящички стоявшего тут же небольшого шкафа, отыскала кроме запасных зубных щеток и различной бытовой химии салфетки для уборки — и довольно хмыкнула.

Первой она выдраила свою комнату, затем ванную и коридор. Подергала остальные двери, но те оказались заперты. Вымыла и насухо вытерла ступени лестницы, осторожно заглянула на пустой первый этаж. Тихо прокралась с полным ведром в кухню и принялась убираться там, распространяя вокруг приятных хвойный аромат средства для мытья паркета.

И когда дерево засияло абсолютной чистотой, почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд и медленно подняла голову.

— Могу я узнать, что здесь происходит? — хмуро произнёс застывший в дверях Артур.

Ксюша поспешно подскочила на ноги.

— Я убиралась у себя и решила помыть весь дом, — сбивчиво затараторила она. — Простите, у вас вовсе не грязно, просто я хотела отблагодарить! Всё, что могу...

— *Господин, я давно предлагала вам нанять горничную,* — прозвучал за левым плечом женский голос. — *Это избавит вас от лишних забот.*

Артур лишь отмахнулся — и Ксюша приняла это за призыв замолчать. А тот замялся, не зная, как объяснить девчонке, что её поступок переходит все рамки приличия. Правду говорят — простота хуже воровства. Меньше всего он хотел, чтобы в этом доме жил кто-то еще, трогал его вещи, везде совал свой нос. И не важно, что будет на уме: любопытство или стремление помочь.

— Не делайте так больше, — попросил он, и Ксюша кивнула.

— Простите, — еще тише произнесла она и вдруг встрепенулась. Нервно одернула подол платья и выпалила: — Вот я дура-то, о самом главном не подумала! Вы мужчина, я женщина, конечно же... — Холодок пробежал по спине, Артур изумленно глянул на Ксюшу. — Чего вы хотите? Только скажите, и я сделаю! Я правда очень вкусно готовлю, поверьте! Борщ, котлеты, пирог? Что-то более сложное?

На губах Артура невольюно расплылась улыбка, он тихо хмыкнул.

— Чему вы смеётесь? — не понимая, спросила Ксюша. Поздно подумала о том, что шаманы не едят обычные блюда.

— Котлетами меня еще подкупить не пытались, — признался он.

— Вы не были женаты? — наивно поинтересовалась Ксюша, и улыбка мигом исчезла с лица Артура.

— Возвращайтесь к себе, — отрезал он и, резко развернувшись, исчез в коридоре.

— Но я же тоже голодная, — тихо произнесла Ксюша, вновь опускаясь на колени.

Откуда-то из дальнего угла к ней выкатилось большое зеленое яблоко.

Если так дальше пойдет, он не сможет сегодня работать. Он даже утром для медитации сосредоточиться не смог! Артур досадливо вздохнул. Конечно, всё дело в Мие. Боль от её потери за все эти годы стала меньше, но он так и не смог смириться. Вопреки её просьбам, не сумел забыть, отпустить, жить дальше, будто её не существовало. И теперь, потеряв окончательно... скорее, злился. Да, сейчас он был очень зол на Мию — а это разрушающее чувство. И вина Ксении в том, что она постоянно об этом напоминала. Что теперь с этой девчонкой делать? Подобные проблемы не решаются быстро.

Трэя, как мудрая женщина, предусмотрительно молчала. Артур пытался выкинуть гостью из головы, но четкое, непривычное ощущение того, что в доме он не один, мешало это сделать.

— Чем она занята? — тихо спросил он Трэю.

— *Лежит на кровати, свернувшись и обхватив живот,* — последовал ответ через пару минут. — *Плачет.*

— Почему? — Трэя специально не отозвалась сразу, и Артур догадался сам. Вовремя исправился. — Я спросил, с животом что? Ударили вчера?

— *Нет. Она голодная. Не ела давно.*

Артур раздраженно растер лоб. Что ему, теперь еще и готовить для неё? Уж лучше б щенка домой взял, с ним и то проблем меньше!

Ритмичная громкая музыка и вспышки ярких цветных огней внушали ощущение какой-то нереальности происходящего. Но куда больший эффект создавала танцевавшая перед ним Ксюша — вчерашняя серая мышка, сейчас манившая каждым своим движением. Никита глаз не мог оторвать. Приподняв руками длинные волосы, она повернулась к нему вполборота, томно выгнулась, демонстрируя всю красоту и гибкость молодого тела и грациозно двигаясь в такт музыке. Упругие прелести так и манили накрыть их ладонями, и Никита не выдержал — подступил вплотную, положил руки на талию, но быстро скользнул ниже, прижимая Ксюшу к себе.

А та лишь обернулась, насмешливо глянула поверх плеча.

— Люди смотрят, не стыдно? — прозвучало игриво, без малейшего укора.

— Они и так все на тебя смотрят, — горячо, с нотками ревности шепнул ей в ухо Никита.

А Ксюше, кажется, и дела не было. Вильнув бедрами, она нарочно задела ими ширинку — и тут же вырвалась, отступила на пару шагов, обернулась, жестом подзывая к себе. Никита, уже плохо себя контролируя, поймал её ладонь, резко дернул ближе и, перехватив за талию, впился в губы поцелуем. Ксюша ответила, но всего на секунду — тут же смеясь оттолкнула, огладила по груди, развернулась, задев по лицу волосами и, едва Никита хотел обнять её за талию, юркнула куда-то вниз.

Она играла с ним, дразнила, будоражила и без того горячую молодую кровь.

Едва закончилась композиция, как Никита за руку выдернул Ксюшу из толпы, нырнул с ней темный закуток, прижимая к стене страстным поцелуем — и получая такой же нетерпеливый в ответ. Руки зашарили по платью, ставшему в мгновение ока ужасно раздражающим и лишним, ладони наконец-то отыскали и сжали упругую девичью грудь.

«Хочу ещё», — без слов просила Ксюша, ни на минуту не отпуская губы Никиты, прижимаясь бедрами к вклинившемуся между её ног колену. Такая горячая, что он даже сквозь ткань чувствовал.

Возбуждение застлало разум и выгнало прочь остатки стыда. Никита вновь схватил Ксюшу за руку — хотя та и не думала упираться, потянул за собой в сторону туалетов и быстро заперся с ней в одной из кабинок. Задрал до пояса подол её платья и сдавленно охнул, не обнаружив белья. Да что она вообще творит?! Он подобное только в фильмах для взрослых видел! Спешно расстегнув натянувшиеся джинсы, Никита подхватил Ксюшу под бедра, прижал к стене, целуя снова и снова, заглушая общее тяжелое дыхание попеременно с тихими стонами. Резкими ритмичными движениями вонзаясь все глубже и чаще. Такая горячая, влажная, такая чудесная, что он вот-вот готов был потерять голову...

И в этот момент в дверь громко постучали.

— Молодой человек, ты на учебу сегодня собираешься? — произнёс строгий мамин голос, вырывая из сладкого сна.

Никита вздрогнул, растер лицо руками, взглянул на экран лежавшего рядом мобильного — он не заметил будильника, проспал всё на свете.

— Там сегодня физ-ра, мам, отменили из-за погоды! — хрипло выкрикнул он и зарылся лицом в подушку, досадливо бодая светлую наволочку. На самом интересном месте! В реальности это еще нескоро случится, Ксюшу не удастся так просто уломать. Но как же

хочется её скорее увидеть!

Подняв голову, Никита потянулся за телефоном.

Должен ли он постучать?

Эта внезапная мысль заставила Артура замереть перед дверью в Ксюшину комнату. С одной стороны, приличия требовали оповестить о своем визите, с другой — это же его дом! Да и гостя, он знал точно, ничем особенным не занята. Поэтому Артур коротко постучал и тут же вошёл, не дожидаясь приглашения.

Ксюша, вздрогнув, моментально села на кровати и поспешно оттерла мокрые щеки.

— Да? — спросила она так, будто Артур мог явиться только для того, чтобы выдать очередное указание. Не хватало еще придумать собственное к нему обращение: хозяин, господин или шеф — и она готова войти в круг его призрачных слуг. Ну нет уж!

— Я тут вспомнил, что вам нужно питаться, — начал он вполне равнодушно. — Готовить я вам не собираюсь, но, если захотите, можете придумать что-нибудь из продуктов в холодильнике. Только убирайте за собой.

— Правда? — Ксюша улыбнулась, словно ей только что разрешили всю жизнь заказывать в доставке бесплатно. — Спасибо огромное! Вы не волнуйтесь, я очень аккуратна!

— Чего мне волноваться? — пожал плечами Артур. — Насвинячите — уберете.

— А можно, — она сложила ладони вместе, — я и вам что-нибудь приготовлю? Пожалуйста!

Ну не отравит же она его в конце-концов! Может, хоть отстанет со своим стремлением угодить.

— Хорошо, — снисходительно бросил Артур, — можете...

В этот момент пиликнул Ксюшин телефон, лежавший рядом на кровати, она опустила глаза на экран и просияла.

— Простите, я сейчас... минутку...

Хмуро взглянув на схватившую мобильник обеими руками Ксюшу, Артур молча вышел из комнаты. Ксюша даже не заметила.

## 7. Дождливый вечер

Она отыскала его спустя какое-то время, в спальне. Постучала и ждала, пока Артур не разрешит войти — но вместо этого он сам шагнул в коридор, потеснив Ксюшу и плотно прикрыв за собой дверь.

— Мне надо идти... — начала Ксюша, стоя у противоположной стены, но всё равно слишком близко.

— Так уходите, — равнодушно оборвал Артур.

Ксюша поджала губы.

— Простите, — пробормотала она. — Это Никита. Всё получилось — благодаря вам, он хочет встретиться.

— И в чём проблема? — Она начинала раздражать.

Отводя взгляд, Ксюша вновь сложила руки в замок.

— Скажите только, и я никуда не уйду, — произнесла она тихо.

Артур склонил голову чуть набок, оглядывая стоявшую перед ним девушку и пытаясь понять, что означает эта фраза. Он считал себя неплохим психологом — по крайней мере, получил большой опыт наблюдений за людьми, но Ксюша имела привычку ляпнуть такое, что закрадывались сомнения: а не специально ли она это делает? Возможно, хитро проверяет его, ожидая совсем другой реакции? Ну не может совершеннолетняя современная студентка оставаться такой... наивной.

— Если вы не в состоянии сами принять такое простое решение — то, скорее всего, я поспешил с помощью в создании этих отношений, — хмыкнул Артур. — А если ждёте, что снова погадаю...

— Не надо, — опуская голову еще ниже, произнесла Ксюша. — Я боюсь не потому, что это Никита. Я просто не знаю, что сказать ему про эту ссадину. Как объяснить, почему я ушла из дома, не была в универе. Он ведь отвернётся от такой проблемной...

Артур сложил руки на груди и абсолютно искренне сокрушенно вздохнул.

Нет, ну про «проблемную» она верно заметила, но...

— Вынужден сообщить, что вы ничего не смыслите в отношениях и мужчинах, — наставительно произнёс он, и тут внезапно Ксюша вскинула голову, посмотрела с неймой мольбой, заставляя вновь испугаться. — Нет! Нет и нет, даже не просите! Идите, но возвращайтесь до пяти, чтобы не пересечься с посетителями.

Не дожидаясь ответа Ксюши, Артур вернулся в свою комнату, закрыл дверь и устало растер лоб.

Как глупо это сейчас звучало, как будто фраза из фильма или книги! Зачем он вообще это сказал, какое ему дело до того, как у них там этим Никитой сложится? Ну обожжется в первый раз, зато потом умнее станет.

— *Прошу прощения, господин,* — раздался голос Трэи, — *но не правильнее ли было написать заявление, пока побои не прошли?*

— Правильнее, — глухо ответил Артур, кивнув в пустоту, — но я проверил эту ветку. Отчим узнает об этом и убьёт, заявление потеряют. Там куда ни глянь — во все стороны сплошная тьма. Только она сама — как свечка во мраке.

— *Вы сказали «светится», господин?* — голос звучал удивленно.

— Забудь, — оборвал Артур. Он не хотел думать об этом. Намеренно игнорировал странные совпадения и знаки. Не сегодня, не в день ухода Мии.

Никита назначил встречу в парке, но погода внезапно испортилась: потеплело, снег превратился в слякоть, быстро смываемую зарядившим дождем. Гулявшие в субботний день парочки и семьи с детьми разбежались по домам, и только Ксюша осталась ждать под небольшим навесом. Время шло, опускался серый ненастный вечер, шелестел по голым кустам и деревьям холодный дождь, а Никита всё не шёл.

«Возможно, у него какие-то дела, что-то его задержало, — успокаивала себя продрогшая Ксюша. — Лишь бы ничего не случилось!»

Ей уже мерещились страшные картины происшествий с его участием, а волнение и холод заставляли пританцовывать на месте. И только, когда безлюдный парк полностью утонул в сумерках, к Ксюше подошла фигура с зонтом.

— Ты что здесь делаешь? — спросил знакомый голос. Очень недовольный.

— Т-тебя жду, — немеющими губами пробормотала Ксюша.

— А я тебя в кафе жду! Телефон не слышишь, что ли?

Никита был явно не в настроении — он целый час прождал зря, ломая голову, что эта девушка опять учудила. Опаздывает нарочно, желая подразнить, или решила вовсе не являться — и потому не отвечает на сообщения. Когда пошел дождь, Никита изменил место встречи, но позвонить не додумался. И тут Ксюша, нырнув рукой в карман, достала полностью разряженный телефон, не пожелавший даже включиться.

— Прости, аккумулятор сел, — виновато пробормотала она. — Пойдем... куда-нибудь?

Идти Никите уже никуда не хотелось, в том числе возвращаться в кафе, где он так позорно проторчал за столиком один. На улице становилось все холоднее, по асфальту уже бежали ручьи — не до прогулок. Дома ждали родители, а знакомить своих девушек с ними Никита принципиально не собирался.

— К тебе? — предложил он.

— Нет, не получится, — пробормотала Ксюша. Вспомнила слова Артура и вдруг добавила: — Нам надо поговорить.

«Ну вот, начина-ается», — недовольно решил Никита и задумался на пару минут. Достал телефон, отыскал в памяти чей-то номер, нажал вызов. Ответили почти сразу.

— Алло, Димас? Привет. У тебя отец опять в рейсе? Ага. Слушай, одолжи квартиру на пару часов. Ну не знаю, погуляй где-нибудь. Нет, я с дамой. Угу. ОК, братан, замётано.

Ксюша всё это время стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу и невольно слушая это разговор. Ей было настолько неловко, что хотелось сквозь землю провалиться! Ей безумно нравился Никита, но очень не нравилась вся эта ситуация: будь на его месте другой парень, уже бежала бы без оглядки. Ведь согласиться на это — означало согласиться на большее, а она не была готова. Не сегодня, не сейчас, не в квартире неизвестного друга!

— Ну, ты идешь? — нетерпеливо спросил Никита, и Ксюша утвердительно кивнула.

Взяла его под локоть, нырнула под зонт и зашагала сквозь темный парк, ёжась от колючих капель, бьющих по ногам сквозь колготы.

К счастью, идти было не далеко. Димас оказался настолько тактичным, что оставил ключи за почтовым ящиком и даже прибрался в квартире. Но Ксюша, едва нырнув в коридор, с блаженством заметила только, насколько же здесь тепло.

— Раздевайся, — небрежно бросил Никита, стряхивая зонт. Ксюша, поёжившись, оставила на вешалке куртку, сняла сапоги. Подождала, пока избавится от верхней одежды Никита,

— А можно...

— Ванная там, — отмахнулся он.

Прикусив губу, Ксюша отправилась мыть руки. Ей просто надо было остаться наедине с собой, немного прийти в себя. Промокшие колготы, завившиеся от влажности волосы — всё это никак не способствовало самоуверенности. Подняв взгляд на зеркало, Ксюша обнаружила в нем бледную девушку с синяками под глазами и ссадиной на щеке, с посиневшими даже сквозь помаду губами. Жалкое зрелище. Если она сейчас начнёт вещать о своих проблемах, то вызовет только отторжение.

Вздохнув, Ксюша закрыла воду и вышла в комнату.

— Садись, рассказывай, — Никита, расположившийся на диване, похлопал рядом с собой, и Ксюша послушно присела. — Что там за важный разговор?

Начать было сложно, но злить его снова очень не хотелось.

— Я не смогу какое-то время ходить в универ, — тихо начала Ксюша. — Наверное, академ возьму.

Никита никак особо не отреагировал.

— Академ даётся при уходе в армию, тяжелой болезни или беременности — я спрашивал как-то у старосты, тоже собирался брать. Какой из трёх случаев у тебя?

— Никакой, — пробормотала Ксюша. — Но мне надо искать работу и жильё. Я ушла из дома, — почти неслышно закончила она.

— Предки достали? — понимающе и беспечно поинтересовался Никита.

— Ну... да.

— Забей, всё наладится! — оптимистично заверил её Никита. — Доучишься потом, зато уже опыт работы будет! И на мозги никто не капает — здорово же! А еще, — он наклонился ближе, заправил ей прядку за ухо и заглянул в глаза, — тебе удалось урвать такого популярного парня. Девчонки с нашей компашки кипятком...

— Ты не сердисься?

— Сержусь? — Никита опомнился и посуровел. — Сержусь. Ты куда-то пропала, потом заставила меня долго ждать, в итоге всё наше свидание пошло насмарку. Как будешь извиняться?

Ксюша опустила взгляд на свои сложенные на коленях руки. Ну почему всегда так? Вечно она создает проблемы себе и другим! Ей ведь действительно повезло, что магия шамана сработала — и вот так всё портить!

— Если хочешь, — прошептала Ксюша, краснея, — я за тебя курсовик сделаю.

— Молчи уже, дурочка, — хмыкнул Никита, притягивая её к себе и целуя. — Курсовик! — насмешливо фыркнул он, отстраняясь на секунду и вновь надолго приныкая к губам.

Ксюша ответила, подавив первый холодный озноб: вчерашняя ночь уже казалась сном, и так хотелось вновь ощутить настоящий поцелуй. Не отстранилась, когда мужская ладонь накрыла грудь и сжала её сквозь тонкий бюстгальтер, а в животе как-то странно потеплело. Мальчишкам ведь без этого никак, все парочки тискаются... Вот только даже в такой момент разум оставался кристально чист и спокоен, занят мыслями о том, что можно еще перевестись на заочку... очень не хотелось бросать универ. И который сейчас час? Она же

должна была вернуться к пяти! Шаман...

Внутри слабо, но болезненно вздрогнуло, и Ксюша поспешно выбралась из-под повалившего её на диван Никиты.

— Я пойду. Мне надо идти, — тихо, но упрямо повторила она.

— Прямо сейчас? — Никита, взлохмаченный и возбужденный, изумленно глянул на Ксюшу. Всё же только что хорошо было! Отвечала на его поцелуи, не смущалась и, хоть молчала прибитой мышью, явно ловила кайф от его ласк. Опять дразнит? Или просто врала вчера, а сама...

— Прости, мне правда надо бежать! — Ксюша так засуетилась, что все сомнения отпали. — Понимаешь, я же не дома сейчас живу, меня же не пустят просто или выгонят...

— Ладно, идти, — Никита сел, разочарованно поправил прическу. — Что-то не получается у нас с тобой нормально...

В груди неприятно засадило от этих слов. Ксюша вновь присела на диван, обняла Никиту за плечи и прижала к себе.

— Прости, пожалуйста. Всё будет, дай мне время.

Никита отстранил её — в детском саду, что ли, чтоб обниматься? Спросил угрюмо:

— В понедельник у Лидки день рождения. Пойдешь со мной? В пять.

«Я даю тебе шанс, возможно, последний», — говорил его взгляд.

Ксюша выдавила улыбку. Лида была настоящей змеёй, за словом в карман не лезла, а тут даже платья приличного нет...

— Конечно, пойду. В пять? Буду. Пока.

Отрывисто чмокнув Никиту в щёку, Ксюша выскочила за дверь.

А тот тихо выругался и потянулся к телефону.

— Димас? Как ты там, не задубел ещё? Слушай, дуй сюда и купи пива. Да знаю я, заплачу! Сам ты обломинго!

И где её носит... Нет, Артур, конечно, мог выяснить, но очень не хотел этого делать. По многим причинам.

Во-первых, и без девчонки забот хватало: прямо сейчас перед ним сидела женщина двадцати семи лет, нервно теребила обручальное кольцо на пальце и просила надеть её храбростью. За этим многие приходили: удивительно, что в современном мире, где каждый зарегистрирован в пятерке социальных сетей, окружён десятками друзей и в любой момент может поговорить с близким человеком, такой дефицит обычной поддержки. Клиентка боялась признаться мужу-карьеристу, что она беременна и надеется сохранить ребенка — и Артур раздумывал, что предпринять. Многим из тех, кто к нему обращался, хватало обычного разговора по душам или пары психологических приёмов, к помощи духов приходилось прибегать не так-то часто.

Но Артур сейчас не хотел вести беседы, не то настроение.

Потому что вторым поводом была опаска мысленно попасть в самый разгар свидания: ведь причина, по которой Ксюша так задержалась, казалась очевидной. Вряд ли Артур увидит что-то новое, но лицеизреть её в объятьях какого-то парня... развлекающуюся в то время, как он тут за неё переживает!

Потому что, в-третьих, он ей никто. Ни сват, ни брат, ни опекун. Отморозит задницу, залетит, попадетя в подворотне маньяку — не его проблемы!

Артур поднялся с кресла так резко, что бедная клиентка запнулась в своём рассказе и в



ужасе отпрянула на спинку дивана.

— Простите, он зовёт меня, — многозначительно произнёс Артур. — Шаман хочет сказать мне что-то важное, возможно, о вашей проблеме. Приходите завтра в это же время — я дам точный ответ.

— Благодарю, — клиентка поднялась с места, плотнее запахнула пальто и вышла из дома, а Артур так и остался стоять, глядя куда-то сквозь стены.

— Ксюша... Что ты творишь! — с отчаяньем процедил он сквозь зубы и бросился на улицу как был — в одной рубашке.

## 8. Источник

Артур выскочил в залитый потоками воды и мглой переулок, но даже при свете фонаря мало что сумел рассмотреть. Только чутье помогло ему отыскать Ксюшу: она стояла за чертой света, тяжело прислонившись к покосившемуся забору. Промокшая и замерзшая до костей.

— Ты почему в дом не зашла?! — воскликнул Артур, но не получил ответа.

Ксюша попыталась двинуться, с большим трудом отлепилась от мокрых досок — и едва не упала. Забыв даже о том, чтобы ругаться, Артур легко поднял её на руки и почти бегом кинулся к дому.

— Трзя, ты можешь... — начал он.

— *Простите, господин, у неё руки-ноги не слушаются, я тут ничем не помогу.*

— Ясно.

Артур ворвался в дом и на мгновение опустил взгляд на лицо Ксюши: бледное, с искусанными губами и опущенными веками. Она даже не дрожала уже и, казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Чайник тогда включи, — бросил Артур и поспешил во внутренние комнаты.

Её бы сейчас засунуть под горячий душ — но как, если на ногах не держится? Глупая девчонка, почему она не зашла, зачем ждала под дверью, пока не уйдет посетитель?! Да, он сам запретил ей пересекаться, но не себе же во вред!

Ксюша пришла в себя, уже в его комнате, лёжа на кровати, когда Артур стянул с неё тонкие колготы и начал снимать промокшее платье.

— Не надо... зачем... — пробормотала она слабо и попыталась прикрыться, оставшись в одном белье. — Не трогайте...

А сейчас-то у неё взрослые мысли в голове! Вот только Артур, даже глядя на это красивое, стройное тело, хотел только одного — наорать за такое поведение. Нет, сначала помочь, но потом — отчитать в самых резких выражениях, чтобы в эту светлую голову наконец-то проникла простая мысль: себя надо любить! И беречь!

— Затем, что ты себе сейчас всё отморозишь! — коротко огрызнулся он, отпихнув слабые, ледяные руки и поднеся ладони к груди, к области сердца. — Лежи спокойно!

На все другие способы просто не оставалось времени, и Артур пошел на крайность — делился напрямую с Ксюшей своей силой, разгонял её кровь, заставлял сердце биться быстрее, согревая онемевшие конечности и органы. Нет, обморожение на южном побережье никому не грозило, но вот подхватить воспаление лёгких, отморозить почки или заполучить серьезные проблемы с придатками Ксюша рисковала.

К счастью, согревалась она очень быстро. Щеки зарумянились почти моментально, заалели приоткрытые губы, даже на лбу выступил пот.

— Жарко, очень... — прошептала она, умоляюще взглянув на Артура из-под полуприкрытых век. — Хватит, пожалуйста.

— Потерпи пару минут, надо хорошо прогреть, — уже мягче отозвался он, всё так же не касаясь тела и медленно опуская ладони к животу. Внезапно вздрогнул и удивленно моргнул.

— Больно, печет! — вскрикнула Ксюша, отчаянно схватив его за запястье и заставляя

отдернуть руки — потому что сама обожгла. Словно он прислонился кожей к горячей сковороде. — Простите, — всхлипнула Ксюша, заметив оставшийся розовый след. — Я же просила...

Вот теперь Артур тихо и витиевато выругался, осознав, что он наделал. Так долго не хотел принимать очевидное, что в итоге чуть девочку не сгубил — ей нельзя было вливать силу, она сама была — источник. Молодой, не проснувшийся толком, но такой яркий... Подобные ей, научившись управляться со своей энергией, запросто становятся целителями, умелыми ремесленниками, многодетными матерями — без труда и боли. Если не сгорают в собственном свете. И если бы Мия подождала всего один день...

Ксюша металась по кровати в охватившей её внезапной лихорадке, комкала одеяло, что пыталась натянуть на себя, крутилась и что-то бормотала. Светлые волосы прилипли ко лбу, губы пересохли и побелели.

— Трэя, — позвал Артур.

— *Я не могу, не пускает,* — кажется, призрак от волнения даже позабыла привычное «господин». — *Если она правда источник, то просто сожжет меня. Попробуйте вы.*

— Я не хочу, — голос куда-то пропал. — Это изменит её навсегда. Они все увидят.

— *Её судьба в тенях,* — напомнила Трэя, — *потому что это единственный выход. Она не случайно пришла сюда, а вам рано или поздно придётся это сделать. Вы же знаете.*

Он знал. Совсем немного магии, ему подвластной, и у Ксюши никогда больше не будет проблем с родителями, парнями, учебой или работой. А главное — она станет такой, как он, и надолго останется здесь. Призраки захотят служить ей, чтобы получить немного энергии или возможность поговорить через неё со своими близкими, а при желании... она может вернуть кого-то к жизни в своем теле.

Артур нервно облизнул губы. Мия. Он мог бы запечатать в ней Мию, навсегда, прожить вместе жизнь, которой у них никогда не было. К другому облику он быстро привыкнет, главное — личность. Что, если она обманула его, спряталась, чтобы заставить забыть? Такая же, как эта девчонка, готова умереть, лишь бы другой был счастлив...

— Трэя, сгинь, — шепнул Артур, и призрак послушно исчез.

Даже Ксюша внезапно затихла, тяжело дыша и напряженно, неотрывно глядя на Артура, будто прочитав его мысли.

А тот подсел ближе, убрал с её лба светлые волосы и медленно наклонился к лицу.

— Не бойся меня, — тихо произнёс он, ласково глядя Ксюшу по щеке. — Так надо.

Ксюша медленно утвердительно моргнула, и Артур, мысленно читая заклинание, потянулся к ней. И замер, глядя на приоткрытые навстречу губы, доверчиво опущенные веки. Заклинание сорвалось. Артур на миг забылся в сладком, коротком поцелуе, и горячие руки обняли его шею.

— Еще ложку. Вам нужно есть.

Румяная, как помидорка, Ксюша, облаченная в чужую рубашку, послушно открыла рот и проглотила немного супа, со стыдом вспоминая, что это она должна была приготовить Артуру еду. А теперь, как оказалось, даже ложку в слабых руках удержать не могла — голод и лихорадка вымотали её полностью. Она почти не помнила вчерашний вечер, только как ждала и ждала у дома, как Артур нес её на руках, как... Нет, это явно уже обрывки бреда. Она просто сильно замерзла и подхватила простуду, что случилось очень нечасто.

— Мне очень жаль, — тихо пробормотала она, — что я доставила вам столько хлопот.

Простите.

Артур сдержанно кивнул, занятый какими-то своими мыслями. Бросил короткий взгляд на бюро, внутри которого стоял наполненный силой артефакт: очень рискованный способ снять с Ксюши избыток энергии. Каждое материальное разделение силы ставило под удар её владельца. Но провести короткий ритуал Артур вчера так и не решился — посчитал, что Ксюша имеет право принять подобное судьбоносное решение сама.

— Вы ведь и есть шаман, правда? — неожиданно произнесла она, вырывая его из задумчивости. — Представляетесь секретарём, чтобы не разрушать образ?

— Вы правы, — нехотя признался Артур, понимая, что лгать уже глупо — Ксюша успела убедиться, что больше в доме никого нет. А она в свою очередь неожиданно подумала, как приятно было, когда он обращался к ней на «ты». Никто никогда ей не «выкал», а когда это делал Артур, создавалось впечатление, будто он каждый раз пытается оттолкнуть подальше.

Ксюша съела еще ложку и смущенно отвела взгляд.

— Наверное, будет правильнее говорить мне «ты», — произнесла она негромко. — Вы ведь гораздо старше... да?

Артур уже больше не удивлялся, не задавался вопросом, зачем эта девушка так себя принижает. Дурацкое воспитание, грубые родители и ужасная самооценка давали о себе знать. Или она просто хотела избавиться от этой официальности.

— Я родился в восьмидесятом, — начал он.

— О, как моя мама! — слабо улыбнулась Ксюша, но тут же сникла, вспомнив о доме.

— В тысяча шестьсот восьмидесятом, — продолжил откровение Артур. Он никогда никому об этом не рассказывал. — Но этому телу не больше пятидесяти лет.

— То есть, — Ксюша запнулась, вытаращив на него глаза, — вы уже ста... пенсионер?

Артур лишь усмехнулся в ответ. Реакция Ксюши, испугавшейся старика, оказалась забавна.

— Нет, — отозвался он. — Мышление зависит не только от жизненного опыта, но и от состояния мозга, выработки гормонов. Я никогда не доживал до старости, не умирал своей смертью. А со временем научился значительно тормозить старение.

— Значит, — Ксюша даже увернулась от очередной ложки, испытываясь глядя на своего собеседника и веря каждому слову, — морально вам лет тридцать — тридцать пять?

— Да, — хмыкнул Артур, умиляясь такой непосредственностью. — Ешь.

Ксюша проглотила еще одну ложку и улыбнулась неожиданно тепло и довольно. Настолько по-женски, что непрошенные мурашки внезапно пробежали по позвоночнику.

— Я пойду готовиться к приёму посетителей, — зачем-то уточнил Артур, поднимаясь с места. — Постарайся еще немного поспать, это пойдет тебе на пользу.

— Хорошо, товарищ шаман, — почти весело отозвалась Ксюша. — Я постараюсь!

«Товарищ! — мысленно усмехнулся Артур, — Так меня еще не называли!»

Он покинул спальню, и Ксюша устало упала на кровать. Непривычная к тому, что можно просто валяться — и ничего за это не будет, ни криков, ни обвинений в дармоедстве, она блаженно зарылась лицом в подушку и вдруг замерла. Это его кровать. Легкий запах его одеколona. Беспечная улыбка погасла, Ксюша задумчиво провела ладонью по наволочке и тихо вздохнула. Откуда это странное чувство внутри? Артур взрослый, особенный мужчина, ему нет дела... Глупо. Она всегда была глупой, и эти мысли тому подтверждение. Не надо так цепляться к человеку лишь за то, что он стал первым, кто позаботился о ней.

## 9. Лучшее в мире

Наверное, неудачное он выбрал время для ритуала: сосредоточиться удавалось с трудом, духи не отвечали, путь сбивался.

Артур уединился в одной из закрытых комнат на втором этаже, чтобы попытаться найти след Мии, отыскать слабый отзвук её сущности в окружающем мире — но ничего не получалось. Он при желании мог выйти на кого угодно, но для этого требовалось точно и ярко представить энергетику человека. А сегодня раз за разом ему указывали, что вот она, обладательница, рядом, в его доме. Ксюша, сияющая после вчерашнего вечера, и действительно очень близкая по рисунку, заглушала всё.

И мысли его тоже не отпускала. Во внешности их с Мией связывали только длинные волнистые волосы, в характере — жертвенность, но, глядя на то, как Ксюша чуть смущенно заправляет за ухо светлую прядь, как волосы её спадают на грудь, легко угадывавшуюся под тонкой тканью рубашки, Артур думал вовсе не о схожести или различиях. Раскаianie пришло позже, но в тот момент он вдруг позабыл обо всех на свете, он внезапно для себя осознал, что девч... молодая женщина в его кровати, в его одежде притягивает взгляд. Странная неловкость и раздражение на неё глубоко внутри переродились в какое-то трепещущее волнение, будто звенела и звенела тонкая, натянутая струна.

И вчерашний вечер, и все события ранее вдруг предстали совсем в ином свете, так что Артуру внезапно захотелось закрыть лицо руками. Как он мог впустить в неё Литу?! Зачем отпустил вчера к этому мальчишке, которого нет в её будущем?

Но слабость длилась недолго — Артур опомнился, взял себя в руки, выгнал глупости из головы. Не стал даже искать причину — копание в себе, фиксация на проблеме сейчас могли лишь ухудшить состояние его энергетики. А сегодня еще работать. А завтра-послезавтра ехать избавляться от артефакта — в особое место. Нельзя просто так выплеснуть энергию в окружающий мир, словно воду из ведра: тут же найдутся потусторонние паразиты, отыщут по запаху, присосутся — и отдирай потом долго и болезненно, если получится.

Поэтому он заранее отправился в гостиную и не знал, что творилось в жилой части дома.

Ксюша, которая собиралась проваляться сегодня в кровати до самого вечера, внезапно обнаружила, что не может заснуть. Она крутилась, ворочалась, зевала, в итоге почувствовала, что отлежала бока и просто физически не в состоянии дальше валять дурака. Сил вроде немного прибавилось, по крайней мере она сумела подняться на ноги и обойти комнату.

В отличие от гостиной-приемной «шамана», в спальне Артура было аскетически пусто. Кровать, платяной шкаф, бюро и стул, электрический камин — вот и вся нехитрая обстановка. В декорациях наподобие связок сушеных трав или тотемах он не нуждался.

«Какая интересная мебель. Антиквариат какой-то... — подумала Ксюша, подходя к бюро и разглядывая его со всех сторон. Большую часть занимала округлая расписная крышка, и очень хотелось узнать, что же она скрывает. — Я только приподниму».

Ксюша осторожно коснулась ручки, и крышка тут же, без малейших усилий открылась. Тихо и плавно, словно лишь вчера вышла из-под умелых рук мастера. А внутри... Увиденное

заставило Ксюшу застыть на месте, изумленно приоткрыв рот и во все глаза уставившись на различные скляночки, полудрагоценные камни, странные позолоченные приспособления и резные статуэтки. Она понимала, что всё это — настоящее, каждая вещь имеет свою силу и применение — и от этого дрожь пробегала по затылку. А спустя мгновение Ксюша заметила странную шкатулку, стоящую на верхней полке: резную, но в то же время цельную. И, не смотря на то, что её всю жизнь учили не трогать чужое, почему-то не смогла в этот раз противиться искушению.

Ксюша бережно взяла шкатулку обеими руками — та оказалась на удивление тяжелой, внутри что-то тихо шуршало, словно песок; изучила резные стенки, закрытые вторым слоем дерева, попыталась угадать надпись на крышке.

«Такая странная вязь, — подумала Ксюша, проведя большим пальцем по округлым, аккуратным символам. — Что за язык? Как им удалось так аккуратно их выбить?»

Внезапно ей показалось, что шкатулка слабо вздрогнула — и Ксюша испуганно поставила её на место, даже не заметив, как от её прикосновения на дне что-то едва уловимо сдвинулось. Уже полная решимости опустить крышку, Ксюша внезапно замерла. Она почувствовала странное притяжение раньше, чем перевела взгляд в другой конец полки, на большой малахитовый шар, расположившийся на подставке. Он не казался опасным. Наоборот, вызывал странное чувство любимой старой игрушки, которую отыскал в шкафу спустя десять лет.

Искренне надеясь, что этот кусок камня не подготовил для неё сюрпризов, Ксюша взяла его в ладонь. Красивый, загадочный, с причудливым узором на идеально гладкой поверхности, он вдруг оказался чуть теплым. И таким... милым, словно свернувшийся в ладонях котенок. Ксюше даже захотелось прижать его к груди, потискать, как подушку Артура, потому что она безо всякой причины прониклась к этой странной штуке большой нежностью.

В доме хлопнула дверь. Ксюша вздрогнула, выронила из рук шар, и тот покатился по полу. Мысленно ругая себя криворукой идиоткой, Ксюша полезла его искать, едва заметила под кроватью и, уже объятая паникой, схватила и наугад сунула на одну из полок. Захлопнула крышку и юркнула обратно в кровать, притворившись спящей.

Артур тихо постучал в дверь и зашел. Кинул быстрый взгляд на лежавшую с закрытыми глазами Ксюшу, приблизился к шкафу и достал вешалку со строгими брюками и рубашкой, в которых он изображал секретаря. Переодеваться не стал, а так же тихо покинул спальню, прикрыв за собой дверь.

Ксюша облегченно вздохнула. Ей стало безумно стыдно, она поняла, что едва избежала очень некрасивой ситуации, поддавшись своему любопытству. Это всё от вынужденного безделья. Пора было умыться, принять душ, привести себя в порядок и сделать то, что давно собиралась.

— Шаман просил передать, что поможет вам, — весомо произнёс Артур, строго глядя на вернувшуюся за ответом клиентку. — Поговорите с мужем сегодня же вечером.

— Но как... — растеряно начала та, — а вдруг, он поставит мне ультиматум? Заставит выбирать?

— Не волнуйтесь, всё... — Артур внезапно ощутил странный аромат, но тут же продолжил с невозмутимым видом, будто ничего не заметил: — Всё пройдет наилучшим образом. Духи вам благоволят, шаман об этом позаботился.

— Ну раз вы так говорите, — уже чуть более уверенно кивнула клиентка.

— Хорошо, давайте тогда сразу завершим некоторые формальности, — Артур достал черную кожаную папку. — Для начала — точный срок беременности.

Когда клиентка, положив в сумочку заветный пузырёк и от души поблагодарив, покинула дом, Артур позвал Трэю.

— *Слушаю, господин*, — сдержанно и сухо прозвучало за левым плечом.

Кажется, она была недовольна тем, что её изгнали на целые сутки. Или тем, что ритуал так и не состоялся. Артура это мало заботило.

— Это твоя клиентка, — произнёс он. — Желанный ребенок, средства есть, муж против. Сможешь его убедить, не доведя до ссоры? Ребенок появится так или иначе, а с карьерой всё равно не сложится.

— *Да, господин*, — тем же тоном отозвалась Трэя. — Вы позволили Ксении...

— Хорошо, ступай, — перебил Артур.

Давно он не ощущал раздражения от того едва заметного, невысказанного укора, что порой сквозил в вежливых фразах Трэи. И сейчас очень хотел, чтобы она оставила его одного.

Когда призрак исчез, Артур еще раз полной грудью вдохнул дразнящий аппетитный аромат и направился в кухню с твёрдым намерением отчитать Ксюшу. Да, он разрешил ей готовить еду, но кто позволил делать это во время приёма посетителей? Хочет, чтобы они подумали, будто это сам шаман стряпнёй занялся? Да она ведь едва на ногах держится!

С каждым шагом раздражение, такое нетипичное для него раньше, всё нарастало, и у самого порога Артуру пришлось глубоко выдохнуть, чтобы ненароком не обидеть девушку. И всё равно, распахнув кухонную дверь, он не сдержался и выпалил:

— Ксения, немедленно прекратите то, что вы здесь устроили!

— Что? — тихо спросила Ксюша, и сердце Артура пропустило удар.

Она стояла возле плиты: в одной его рубашке, едва доходившей до середины бедра. Волосы, подобранные наверх, в объёмный пучок, открывали тонкую шею; алые губы застыли, так и не сомкнувшись полностью; в вырезе, расстегнутом из-за жары до второй пуговицы, проглядывался изящный изгиб девичьего тела.

От плиты всюду шел пар: варились в кастрюлях первое и гарнир, жарилось на сковороде мясо. Но меньше всего Артура сейчас интересовала еда. За последние сто-двести лет он не видел в этой реальности ничего более волнующего, нежного и прекрасного.

— Вам... не нравится это? — растерянно произнесла Ксюша и тут же добавила виновато: — Простите, я хотела сделать вам приятно. Конечно же, следовало спросить вас заранее...

Очень нравится. Ужасно приятно. Не надо ничего спрашивать.

Это даже в мысли не оформилось. Артур сглотнул, чтобы смочить пересохшее горло, ответил строго:

— Ксения, я работаю на дому. Абсолютно недопустимо, чтобы моих клиентов отвлекал запах еды.

Ксюша неслышно охнула, закрыла рот рукой.

— Простите, простите меня пожалуйста! — со слезами в голосе взмолилась она. — Я такая дура! Я всё испортила, да? Посетительница ушла?

Артуру стало неловко. В конце-концов, сколько можно извиняться?

— Нет, — уже мягче произнёс он. — В этот раз обошлось. Но я очень тебя прошу больше так не делать. Договорились?

— Да, — поджав губы, кивнула Ксюша. Она сильно испугалась, когда Артур ворвался на кухню, да еще обратился к ней на «вы».

— Отлично, — он подошел ближе, — а что ты приготовила?

Ксюша просияла. С хорошо заметной гордостью и поднявшимся настроением она рассказала Артуру о каждом блюде, совсем как опытный официант. А потом кивнула на подготовленные, вымытые овощи:

— И салат. Это быстро.

— Я помогу, — отозвался Артур.

И под изумленный взгляд Ксюши он закатал рукава, ополоснул руки и принялся нарезать овощи, орудуя ножом как настоящий повар. За столько лет было время научиться.

А Ксюша опустила голову, пряча расцветшую на губах счастливую улыбку. Она не знала, по какой причине, но не было ничего лучше, чем вот так стоять рядом с ним и заниматься общим делом. Даже не разговаривая, не встречаясь взглядом — но ощущая близкое присутствие и теплоту друг друга.



## 10. Она повзрослела

— Можно задать вам вопрос? — спросила Ксюша, когда они вдвоем сели за накрытый стол. Артур после короткой паузы кивнул. — Я заглянула в шкафчик, искала соль... и случайно нашла несколько бутылок с черничным сиропом. Это ведь его вы разливаете в пузырьки?

Артур открыто улыбнулся, как будто опасался чего-то более серьезного.

— Хочешь немного выпить? — предложил он.

Ксюша замаялась, но потом всё же согласилась.

Артур поднялся с места, направился к шкафчику и достал из него початую бутылку сиропа, из соседнего — бутылку джина, отыскал в холодильнике лимон вместо лайма. За широкой спиной Артура Ксюша не видела, как он шаманит, но вскоре он вернулся к столу с двумя маленькими стопками знакомого чернильного цвета.

— Сразу пей, тут немного, — предупредил он.

Ксюша послушно взяла стопку в руки. По крайней мере, она знала, из чего это сделано, в отличие от содержимого того пузырька. Решившись, она опрокинула напиток в рот, поморщилась... но не ощутила горечи. Коктейль оказался слабеньким, алкоголь почти не чувствовался за знакомым сладковатым вкусом черники. Да, именно этот сироп ей под видом магического зелья вручили в пузырьке.

— Простите, не хотела раскрывать ваш секрет, — поставив стопку на стол, виновато произнесла Ксюша.

Она еще не знала, как относиться к своему открытию. Впору было считать Артура мошенником, но ведь Никита в итоге стал её парнем, да и магию она сама воочию видела, когда сложилась стрелка из гречки.

Артур не ответил, он вообще обиженным или растерянным не выглядел: вместо этого с аппетитом уплетал первое, которое даже еще не остыло толком.

— Ты и вправду очень вкусно готовишь, — искренне отметил он.

Ксюша смутилась.

— Ну что вы, весьма посредственно. Ничего особенного, правда.

Артур тяжело вздохнул, отложил ложку и укоризненно посмотрел на испуганно затихшую Ксюшу.

— Знаешь, почему люди тебя так не любят? — начал он.

Ксюша изумленно моргнула. Не любят? Её? Она же никому зла не делает, вообще никого не трогает и в глаза не бросается.

— Потому что ты заставляешь окружающих чувствовать себя виноватыми, — видя её молчаливую реакцию, продолжил Артур. — С тобой сложно общаться, постоянно ощущаешь неловкость. Чуть что не так скажешь: будь то замечание или комплимент — ты бросаешься двести раз извиняться. Это раздражает, дико раздражает.

— Простите... — опустил взгляд, пробормотала Ксюша.

— Ну вот опять, — покачал головой Артур. — Я должен переживать, что тебя расстроил. А кроме того, ты отвратительно относишься к себе. И, глядя на это, сначала испытываешь стыд — за такое твое поведение, а затем... А затем люди перестают ценить того, кто сам себя не ценит.

Ксюша хотела извиниться еще раз, но опомнилась и лишь прикусила дрогнувшую губу.

— Попытайся услышать меня, — Артур протянул руку, осторожно приподнял её лицо за подбородок, заставляя взглянуть на себя. Сам не заметил, как ласково погладил пальцем гладкую кожу. — Ты красивая, умная и талантливая девушка. Ты ничем не хуже других и никому ничего не должна. Принимай вежливость и комплименты как должное и не извиняйся за каждый свой шаг.

Ксюша почему-то вопреки обыкновению от похвалы не зарделась. Она неотрывно, будто замороженная, смотрела в яркие синие глаза Артура, и даже неизвестно, слышала ли все его слова. Губы чуть приоткрылись, взгляд невольно скользнул по лицу ниже.

— Красивая? — едва слышно переспросила Ксюша. — Я вам нравлюсь?

Она умеет парой слов прижать к стене... Артуру понадобилась вся его выдержка, чтобы остаться невозмутимым. Он не ответил, лишь с улыбкой заправил её светлую прядку за ухо.

— Ешь, — произнес Артур серьезно, — тебе надо набираться сил.

Ксюша, растерянно улыбнувшись в ответ, послушалась.

Они поужинали молча, и лишь когда Ксюша мыла посуду, а Артур протирал и расставлял по полкам тарелки, снова решили поговорить. Точнее, это Артур захотел. Его всё не покидали мысли, что это неправильно.

— Как ты можешь решать за меня?! — голос Мии в голове, запавшие в память фразы звучали так ясно, будто сказаны были вчера, а не четыреста лет назад. — Это моя жизнь, слышишь, моя! Нельзя никого спасти против его воли!

Он не хотел повторять свою ошибку.

Ксюша носила его рубашку, спала в его постели, готовила еду. Она почти стала частью этого дома и его жизни, но нельзя так просто посадить человека в клетку. Ей нужна как минимум сменная одежда, чтобы выходить на улицу. И, вполне возможно, она захочет продолжить учебу — а значит, необходимы конспекты, учебники. Хотя бы студенческий.

— Твоих родителей завтра днём не будет дома, — тихо начал Артур, и Ксюша едва не выронила тарелку из рук. — Это точно, я проверил. Тебе ведь нужно забрать свои вещи?

— Да, — Ксюша благодарно и сдержанно кивнула. — Спасибо.

Вот и проблема с нарядом для дня рождения решится. Только она не хотела никуда идти: ни к Лидке, ни в давно опостылевший дом. И Артур это почувствовал.

— Я понимаю, как тебе тяжело, — искренне произнес он, чуть наклоняясь к Ксюше и приобнимая её за плечи. — И не стесняйся говорить со мной об этом, если захочешь. Но ты уже взрослая, ты видишь сама: пора двигаться дальше. А эти люди тебе не позволят.

— Но уходят из дома... — начала Ксюша и не договорила. Голос сорвался, очередная тарелка задрожала в руках.

Артур забрал её у Ксюши, развернул девушку к себе, успокаивающе взяв её руки в свои ладони.

— Все. Рано или поздно все уходят и дома — и не становятся от этого плохими. Ничто не мешает тебе вернуться, когда маме понадобится помощь — если захочешь. Но для этого ты должна сама встать на ноги. Шаг за шагом. Ты справишься, я в тебя верю.

Нечасто, но ему приходилось говорить нечто подобное тем растерянными людям, что приходили к нему за помощью, но сейчас... Сейчас Артур чувствовал себя совсем иначе. Это был вовсе не деловой интерес, чтобы у клиента всё сложилось, нет, он всем сердцем переживал за эту девушку, за её будущее, за её страхи. Не хотел, чтобы она боялась и

чувствовала себя одинокой. Колочие искорки пробежали где-то в груди, хотелось крепко прижать Ксюшу к себе, поцеловать светлую макушку... «И я не смогу остановиться. Что за дурные мысли лезут мне в голову?!»

Девичьи ладони нагрелись, на щеках расцвел яркий румянец. Она еще не умела управлять своей силой и начинала излучать её, когда... волновалась? Вот только откуда тогда эта ясная улыбка? Ласковая, теплая энергия заструилась по рукам Артура куда-то вверх, и он поспешно одернул ладони.

Ксюша растерянно моргнула, сама не понимая, что произошло.

— Всё хорошо, просто не делай так больше. Для тебя это небезопасно, — сдержанно пояснил Артур, отступая. — Спасибо за ужин, мне надо поработать у себя.

Он быстрым шагом покинул кухню, оставив Ксюшу одну.

«Мия, где ты?! Мия, ответь мне. Я знаю, ты меня слышишь, я тебя найду. Мия! Да где тебя духи носят!»

Артур открыл глаза и откинулся на спину — прямо на пол, на котором сидел. Всё было не так. Собственная беспомощность начинала бесить. Обида на то, что его внезапно и подло бросили — росла. Артур понимал, как это плохо, как опасны подобные эмоции — но ничего не мог с собой поделать. Он всё ждал, когда наступит смирение, но постепенно накатывало лишь равнодушие.

И Ксюша билась внутри. Эта глупышка отдала ему немного своей энергии, даже не подозревая, что открылась. Артур с легкостью теперь мог прочесть её чувства на тот момент, но это казалось так же низко, как подглядывать за кем-то в ванной. Хах! Ксюша его не спрашивала! Энергия источника была достаточно сильна, чтобы просто внушить ощущения: огромной благодарности, привязанности, волнения, притяжения.

Она вела себя так скромно, что Артур напрочь забыл: в восемнадцать лет даже невинность — не показатель того, что человеку чужды земные страсти. Избирательность Ксюши вызывала лишь уважение, вот только у неё же был парень, которым она всего пару дней назад так восхищалась... Может, просто совпало. Может... Артур мысленно махнул рукой, осознав, что бесполезно выяснять, почему именно в тот момент, когда он держал её ладони, в Ксюше вспыхнул огонёк желания.

Да и спать давно было пора — поиски Мии изрядно вымотали.

Но даже после расслабляющего теплого душа уснуть долго не получалось. Трзя так и не вернулась с отчетом — но это не могло послужить причиной. Лишние мысли лезли в голову — но Артур их отогнал, сконцентрировавшись на своём мерном дыхании. Ксюша на втором этаже беспокойно крутилась в кровати — и этот едва различимый звук резал по сердцу.

— Жанна?

Не заглядывать же самому мысленно в спальню к девушке. Приличия никто не отменял.

— *Ей плохо, шеф*, — как-то задумчиво отозвалась призрак после паузы.

— Снова лихорадка? — чуть удивленно переспросил Артур. Он считал, что источник стабилизировался, и Ксюше больше ничего не угрожает.

В ответ прозвучало что-то наподобие грустного смешка. Странно, но Жанна, всегда отвечавшая бойко и чётко, сейчас вела себя совершенно иначе — будто его личного солдата вмиг подменили.

— *Жар другого рода, шеф*, — всё-таки ответила призрак. — *Она влюбилась. Она*

*повзрослела. Но её парень с этим справится. Правда?*

Артур не ответил. Сел на кровати, растирая лоб рукой, затем резко поднялся на ноги, натянул футболку и отправился на второй этаж.

# 11. Букетик лаванды

На стук никто не ответил, и Артур нарочито медленно отворил дверь. В комнате было довольно душно, а Ксюша и не думала притворяться спящей: только тускло сверкнула глазами, забившись в угол и закрываясь подушкой.

— Сегодня тяжелая ночь, мне тоже не спится, — пояснил своё появление Артур. — Вот, это должно тебе помочь.

Он поставил на подоконник над батареей маленькую вазу с букетом сухой лаванды и чуть приоткрыл окно, чтобы проветрить комнату. Взгляд Ксюши не отпуская ни на мгновение, льнул к спине, заставляя горячие мурашки выплывать под кожей. Она сидела так тихо — будто в напряженном, испуганном ожидании, — что Артур даже дыхания её различить не мог. И вся неоднозначность этой ситуации, хрупкая черта, за которой могло раскрыться то, что оба пока предпочитали утаивать, мечом ответственности нависла над головой Артура.

— Спокойной ночи, — твёрдо произнёс он, не оборачиваясь.

Специально не глядя в сторону Ксюши, спешно покинул комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

Кажется, он напугал её поздним визитом. Что ж, так даже лучше: страх быстро спускает с небес на землю и заставляет думать о более важных вещах, чем сердечная тоска.

Так и случилось. Когда Артур вернулся к себе и прислушался, Ксюша уже не ворочалась: то ли начинала дремать, то ли уже спала сладким сном. Он сам устало упал на кровать, глядя в темный потолок и мысленно отгоняя жалящие стайки ненужных вопросов. Ответы всегда есть внутри, но некоторые вещи лучше не допускать до сознания — так проще.

В коридоре тихо скрипнула половица.

Артур насторожился. В этом доме, окруженном защитным барьером от посторонних сущностей и животных, всегда было очень тихо. Легкие, едва различимые шаги приблизились, медленно начала открываться дверь в его комнату — и Артур сразу поднялся навстречу. Тусклый свет электрического камина выхватил их темноты появившуюся на пороге Ксюшу. Почти неслышно ступая босыми ногами по полу, как в первую свою ночь в этом доме, она зашла в спальню и медленно направилась напрямиком к кровати Артура.

— Опять бродишь во сне? — тихо спросил тот, но ответа не получил.

Ксюша подступила вплотную, остановилась и подняла голову, прямо глядя Артуру в глаза. Она не спала, она пришла к нему, и осознание этого горячими толчками билось в висках, заставляло зрачки расширяться, словно так он мог прочитать, изучить её всю — и навечно оставить этот момент в своей голове. Ксюша мягко качнулась вперед, теплые девичьи руки легли ему на грудь, и алые, чуть приоткрытые губы нерешительно потянулись к губам.

— Жанна? Не ожидал от тебя, — внезапно строго произнёс Артур, и Ксюша замерла.

Побледнела, отпрянула, опустила голову, мгновенно разрушая всё запретное волшебство. Произнесла тихо, но чётко:

— Я хотела ей счастья, шеф.

Артур вздохнул с какой-то неопределимой смесью эмоций и ласково накрыл её плечо ладонью.

— Жанна, ты была хорошим воином, — начал он, и Ксюша поджала дрогнувшие губы. — Ты храбро сражалась, но когда вас взяли в кольцо, не смогла себя убить. Эти ублюдки надругались над тобой, замучили насмерть. И сейчас ты готова нарушить главное правило и вернуться в ларец, бесконечно переживать тот момент — только, чтобы малознакомая тебе девушка была счастлива?

Ксюша подняла на него странно поблескивающие, но сухие глаза, слабо улыбнулась.

— И вы, шеф, — едва различимо прошептала она. — Я же всё вижу.

Артур хотел было ответить, но промолчал — и Ксюша продолжила во внезапном приступе отчаянной откровенности:

— Я ждала окончания войны, чтобы ему признаться, а надо было жить, пока живы. Так бы нам досталось хоть немного счастья. И не было бы так горько умирать. И вы — не упускайте момент.

— Уходи, пока я не передумал, — глухо произнес Артур.

У каждого из них была своя горькая история, но... если дать призраку волю, если допустить в себе хоть каплю сочувствия — больше не сможешь им управлять. Он искромсает твою жизнь, пытаясь исправить собственную.

Ксюша послушно прикрыла веки — и тут же обмякла, едва не рухнула, если бы Артур не успел опять подхватить её в объятия. Да что ж такое, не могла вначале обратно отвести?!

Внезапно Ксюша едва различимо вздрогнула, вырываясь из забытья, чуть приоткрыла глаза и бережно коснулась лица Артура тёплыми пальцами. Тот замер, боясь пошевелиться.

— Приснился наконец, — тихо выдохнула она. Всего на мгновение прижалась губами к его щеке и, счастливо улыбаясь, положила голову на грудь. — Как сердце колотится...

Артур, глядя куда-то в пространство, тяжело сглотнул. Поднял руку, щелкнул пальцами у виска Ксюши — и она провалилась в глубокий сон.

Проснувшись утром в спальне Артура, Ксюша так и не поняла, как она тут очутилась. Сам хозяин дома, судя по всему, ночевал где-то в другом месте, но зачем перенес её сюда? Вновь было плохо? Ксюша этого не помнила.

Вчерашняя ночь действительно выдалась для неё непростой: сначала мешали уснуть тяжелые мысли о будущем, о родителях. Затем в голову как-то незаметно пробрался Артур. Его слова, его взгляд, его изумительные синие глаза и теплые руки. Как хотелось Ксюше прижаться к его груди, просто обнять, почувствовать, что всё это взаимно. Но даже после того, как Артур назвал её красивой — как поверить, что это не обычная вежливость? Он ведь никогда не отвечал прямо... а она никогда и не видела влюбленных мужчин.

Влюбленных... Всего пару дней назад она пришла к нему с просьбой устроить её счастье совсем с другим. Что Артур должен подумать теперь? Наверное, ей стоит отказаться даже от мыслей о нём, хотя бы ради благодарности. Не усложнять всё. Встречаться в Никитой. Благодарить судьбу уже за то, что ей пока позволено жить под одной крышей с Артуром и готовить ему еду.

Но как же печет в груди!

Ксюша ворочалась, не находя себе места, пока не стала сходить с ума. Ей казалось, что она не слышит, чувствует чей-то зов: беззвучный, бессловесный, но такой близкий. Мог ли Артур её звать? Нет, к чему эти фантазии! Он уже давно спал, и думать забыв о своей

«нахлебнице». Но именно в этот момент в дверь постучали... Артур вошел, словно мгновенное исполнение всех её спутанных, жарких мыслей — и Ксюша тут же забилась в угол, ощутив стыд и испуг. Не мог же он как-то выведать... Кто знает, на что способен настоящий шаман! И взрослый мужчина, что врывается в спальню девушки посреди ночи — вряд ли пожелать спокойного сна.

— Вот, это должно тебе помочь, — тем не менее произнёс он, поставив на подоконник небольшую вазочку. Ксюша уловила легкий, приятный и знакомый аромат, но не могла отвести глаз от замешкавшегося у окна Артура, невольно изучая взглядом рельеф его мышц, проступающих из-под футболки. Странное желание приподнять край ткани, провести пальцами по каждой ямочке и выступу на спине, словно проверяя их подлинность, реальность самого мужчины, стоявшего всего в паре шагов, потянуло её вперед — и Ксюша еще яростнее скомкала подушку. Стоило Артуру сейчас обернуться, встретиться с ней взглядом — и он бы понял всё без слов.

Однако, сдержанно пожелав спокойной ночи, тот вышел в коридор, заставив Ксюшу вздохнуть с облегчением и некоторым... разочарованием? Подобное удивило её саму.

«Дурочка, ты должна быть благодарна за это равнодушие», — грустно отчитывала себя Ксюша, обняв подушку и выводя на наволочке узоры кончиком пальца. Кружок, второй, уголок носа, строгий контур губ. Рука задержалась, погладила воображаемую линию рта — и Ксюша, не выдержав, прижалась к ней губами, уткнувшись лицом в подушку. Нет, это невозможно терпеть! Спать, спать как можно быстрее!

Она действительно после этого быстро заснула. И, кажется, Артур ей даже приснился. Забыла, жаль.

Однако, встав с кровати этим утром и бросив взгляд на бюро напротив, Ксюша вспомнила еще кое-что важное. Вчера она впопыхах и испуге сделала большую ошибку, и оставалось только молиться, что Артур ничего не заметил. Прислушавшись к звукам дома, Ксюша осторожно подняла крышку и взяла в руки малахитовый шар — он находился там же, куда она его сунула не глядя, в противоположном углу полки. Странно, теперь он не казался таким теплым и милым, как вчера. Хотя нет, это как раз нормально. Ксюша не стала тратить время, быстро положила сферу обратно на её подставку, а затем закрыла бюро — и отправилась умываться.

Артура она так и не встретила, а потому, не тратя времени на завтрак, оставив на кухонном столе короткую записку и переодевшись в свою выстиранную, высохшую одежду, покинула дом.

— *Господин, с вами всё в порядке? Уже полдень.*

Артур нехотя открыл глаза и сел на кровати. Ночевать ему пришлось в комнате на втором этаже и, видимо, лаванда действительно хорошо подействовала. А может, просто устал за последнее время.

— Я не разрешал тебе будить меня без веской причины, — напомнил он. За столько лет присутствие призраков стало привычным и практически незаметным, но вот уже второй раз за сутки Трэя вызывала непонятное раздражение.

— *Ксения сбежала,* — едко и холодно доложила она, но ожидаемой реакции не получила.

— А она здесь не узница, — поднявшись на ноги, Артур от души потянулся. Почему он

вообще должен отвечать? Что за странное поведение, так похожее на... ревность? — Отправилась за вещами домой.

— *Она переезжает сюда?*

И опять: будто строгая мать не рада неожиданной невестке. Артуру абсолютно не понравился этот тон.

— Тебя это не касается и волновать не должно, — отрезал он. — До того момента, пока она тоже не станет твоей хозяйкой.

Казалось, из комнаты внезапно выкачали половину воздуха. А оставшийся стал густым и тяжелыми, как перед грозой, наэлектризованным и солёным.

— *Позвольте заметить, господин...* — начала Трэя.

— Не позволяю, — сурово оборвал Артур, но призрак всё же продолжила:

— *Вы становитесь чересчур беспечным из-за этой девицы. Возможно, вам стоит поднять свой возраст до сорока пяти, чтобы не отвлекаться на подобные мелочи.*

— Ч-чего?! — не сдержавшись, расхохотался Артур. Всю его мрачность, всё закипавшее негодование как рукой сняло. Какой бред она несёт! Ксюшу это не отпугнёт, а что касается его... — Сразу видно, что ты замужем не была, Трэя!

— *Была, вчера — и мне это не понравилось!* — громынуло в комнате так, что стёкла задрожали.

— Но ты справилась? — мгновенно становясь серьёзным, осведомился Артур. Видимо, в этом и крылась причина сегодняшнего странного поведения.

— *Да, можно и так сказать,* — отозвалась призрак.

— Молодец, — хотелось умыться и выпить кофе, а не продолжать этот затянувшийся разговор. — Но если не можешь держать себя в руках — отправишься в ларец. Ясно выражаюсь?

— *Да, господин,* — прозвучало ледяным тоном.

Удовлетворенно кивнув, Артур вышел из комнаты, размышляя о том, почему Ксюша еще не вернулась. Букетик лаванды на подоконнике вспыхнул синим пламенем и мгновенно превратился в пепел.



## 12. Не отчий дом

Возвращаться домой Ксюше было безумно страшно, не смотря на обещание Артура, что родителей там не будет. А вдруг, её уже объявили в розыск, и бдительная соседка позвонит им или в полицию? А вдруг брат заболел, и мать вызвонят забрать его из сада? А вдруг... Но дверь оказалась закрыта на все замки, и это уже немного успокаивало.

Неслышной тенью Ксюша скользнула внутрь, замерла на минуту в коридоре, ловя малейшие шорохи, а затем сняла обувь и прошмыгнула в свою комнату. Толкнула приоткрытую дверь, на которой, вопреки всем её мольбам, никогда не было замка — и ошеломленно застыла на пороге.

Все её вещи валялись на полу в жутком беспорядке: разорванные конспекты, разрезанная одежда, разорванные фотографии со школьного альбома, когда еще была пара настоящих подруг. Всё то небольшое важное, что принадлежало ей, было с максимальным цинизмом растоптано и уничтожено. Почти у самых дверей стояла спортивная сумка — видимо, с расчетом, что Ксюша, схватит её и сбежит, заливаясь слезами. Но только вот слёз не было. Ксюша внезапно ощутила презрение и брезгливость, стыд за этих людей — словно стала свидетельницей некрасивой сцены на улице. Уже не ожидая ничего хорошего, заглянула в сумку — и убедилась в своих предположениях, обнаружив там какой-то мусор.

Конечно, всё это сделал обиженный отчим. Ксюша урывками помнила тот вечер — и не хотела вспоминать, но судя по словам матери, досталось ему прилично. И вовсе не от хулиганов. Значит, это он решил отыграться, низко и подло, словно злой подросток — при молчаливом согласии матери. Ксюшу здесь больше ничего не держало. Она действительно не желала больше знать такую родню.

Бельё удалось найти только в секретном ящике, куда Ксюша прятала красивые, купленные на стипендию вещи — потому что всё остальное оказалось уничтожено с особой тщательностью. Джинсы и пара кофточек уцелели лишь потому, что резать их было довольно сложно. Про обувь благополучно забыли, кроссовки никто не тронул. А красивое платье, которое мама всё хотела отдать подраставшей дочери своей подруги, Ксюша нашла в родительском шкафу. Вытащив из-под кровати старый рюкзак, она аккуратно сложила в него все эти вещи; вытряхнула из сумочки косметику, студенческий, паспорт, карточку и несколько купюр, рассовала по боковым карманам. В последний момент вспомнила про зарядку для телефона.

А затем отправилась в большую комнату, к книжному шкафу, где лежали все документы. Где-то глубоко внутри Ксюша боялась, что её свидетельство о рождении тоже порвано... но, к счастью, мама еще не сошла с ума. И Ксюша забрала всё, что касалось её, могло понадобиться в будущем, заставить позвонить. Вернулась в комнату, закинула на плечо рюкзак, оглянулась напоследок... Взгляд скользнул по четырем стенам, в которых прошла большая часть жизни. По обоям, которые рассматривала перед сном, потёртой мебели, окну во двор... Задержался на чудом уцелевшем пузырьке в золотой оплетке — и Ксюша поспешно засунула его в карман.

А затем уверенно покинула ставшей чужой квартиру, чтоб никогда больше не переступать порог этого дома.

К шаману Ксюша тоже не пошла. Какое-то время бесцельно бродила по улицам, ничего не замечая вокруг, занятая своими мыслями — и в то же время абсолютно не в состоянии сосредоточиться ни на одной из них. Отыскала небольшое кафе-столовую, где можно было подключить зарядку, купила стакан чая — и присела у окна, глядя на низкое, серое небо. Где-то на краю сознания мелькнуло, что зонт она так и не взяла — но этот факт не вызвал никакого сожаления.

Ксюша не стала ждать полной зарядки аккумулятора. Допила безвкусный чай, вышла на улицу и остановилась: палец замер над кнопкой включения телефона. Надо ли? Кто ей позвонит? А вдруг мама? Глубоко и тяжело вздохнув, Ксюша прижала кнопку.

Засветился экран, загрузилась система, замигали сообщения, заставив сердце предательски ёкнуть. Но уже спустя пару мгновений Ксюша успокоилась: это оказались субботние смски от Никиты и пара пропущенных звонков от него же — вчерашним и сегодняшним числом.

Не успела Ксюша положить телефон в карман, как он зазвонил — и она, минуту поколебавшись, ответила.

— Привет, — вопреки всем стараниям прозвучало как-то безрадостно.

— Привет, чего такая кислая? — бодро прозвучал в трубке голос Никиты. — Долго еще будешь недотрогу изображать, я тебе два дня названиваю!

— Прости... — Ксюша вспомнила слова Артура, осеклась. — Не было возможности зарядить аккумулятор раньше. О сегодняшнем дне рождения я помню.

— Ага, еще бы ты о таком забыла, — кажется, в его тоне сквозила издевка. — У тебя хоть одеть что приличное есть?

«Надеть», — мысленно исправила Ксюша.

— Есть, — как можно беспечней соврала она.

— Ну ты смотри, накрасся там, что ли, поярче, — продолжал увещевать Никита, и Ксюша спросила себя — почему он так переживает? — Не хочу лохануться. На подарок забей, я возьму. Встретимся на центральном минут за пятнадцать.

— Хорошо, — отозвалась Ксюша, и Никита повесил трубку.

Спрятав телефон в карман, Ксюша поправила на плече рюкзак и как-то странно невесело улыбнулась. Она не была дурой и никогда не была слепой — просто не хотела замечать вещи, которые сделали бы её жизнь еще безрадостней. И теперь она спрашивала себя: как мог парень, в течение нескольких лет казавшийся ей самым лучшим, красивым, добрым и умным, оказаться таким... таким... «Артур уже, наверное, обедать сел, — внезапно подумала Ксюша. — Наверное, недоволен, что я так долго. Надеюсь, он не ждет меня?!»

И она поспешила к дому шамана, на бегу мысленно заканчивая предложение: таким глупым и грубым по сравнению с настоящим мужчиной!

Дверь оказалась открыта — её ждали. Ксюша зашла в дом и практически тут же заметила в гостиной Артура, стиравшего с мебели пыль.

«Мог бы не утруждаться, я б сама убрала!» — подумала Ксюша.

«Ну наконец-то вернулась», — мелькнуло в голове у Артура, который уже не знал, чем заняться.

Он мог бы спросить, как прошло и что её так задержало, но на лице и так читалось: отвратительно, всё отвратительно; к тому же, задавать подобные вопросы было не слишком

вежливо. Ксюша стояла перед ним совершенно молча, в глазах сквозило разочарование и усталость, а потертый рюкзак на плече явно не способен был вместить много вещей. Хотелось её утешить и приободрить, вот только сейчас все заверения не помогут — для начала ей просто надо пережить эту ситуацию.

— Привет, — произнес Артур, бросив тряпку на угол стола. Сильный ветер ворвался в комнату, закрутился вихрями у пола, поднял всю пыль и вынес за хлопнувшую дверь. Ксюша и глазом не моргнула. — Могу поспорить, ты еще даже не завтракала. Идем обедать.

Тарелка горячего супа действительно согрела и успокоила, подарила такое необходимое сейчас ощущение уюта — и это напомнило Ксюше, что она не выброшена на улицу, у неё есть дом, где ей даже рады. Подняв глаза от стола, она поймала внимательный, изучающий взгляд Артура, но почти не смутилась.

— В моём будущем всё так же плохо? — хрипло поинтересовалась Ксюша. — Вы же сейчас смотрели в него?

— На тебя, — тихо поправил Артур. — Держишься?

Ксюша тряхнула головой, неестественно улыбнулась.

— Всё в порядке! — заверила она. — Я даже рада, что наконец вырвалась.

Артур понял, что она врёт, но настаивать на разговоре не стал. Захочет — сама начнёт.

— Меня пригласили на день рожденья, — уже не так уверенно продолжила Ксюша. Уточнила: — Сегодня. В пять. Можно? — Заметила на губах Артура мягкую улыбку, осознала, что ляпнула, смутилась. — Я понимаю, что вы мне не отец...

— У парня тоже отпрашиваться не обязательно.

— Что? — изумленно моргнула Ксюша. Сердце как-то странно ёкнуло.

— Это на будущее, чтоб избежать новых проблем, — как ни в чем не бывало пояснил Артур. — Начнёшь спрашивать — начнут запрещать. Лучше просто обговаривать планы.

— А... — понимающе протянула Ксюша и закивала. — Но у вас же нет никаких планов на меня сегодня?

— Последний посетитель уйдет в шесть. Вряд ли вернешься раньше, — он был сама невозмутимость. — Только не стой под дождем, как в прошлый раз.

В памяти непрошеной картинкой вспыхнул приснившийся тогда поцелуй, волнение горячей волной прокатилось по телу, и Ксюша еще раз утвердительно кивнула, чтобы отвести взгляд.

— Спасибо за обед, я всё помою, как соберусь, приятного аппетита, — быстро выпалила она, подскакивая с места — и скрылась в коридоре.

— *«У парня», шеф?* — раздался рядом голос Жанны, и в нём так неожиданно проступила улыбка.

— А «планы на меня», ты слышала? — пожал плечами Артур, продолжая бесконечно помешивать почти нетронутый суп. — Иногда мне кажется, она это нарочно.

— *Она это нарочно,* — хмыкнула Жанна. — *Единственные доступные при её характере безрассудства.*

— Кстати, где Трэя?

— *Изучает дом. Она ведет себя странно в эти дни.*

Верно замечено. Трэя долгие годы оставалась самой рассудительной и спокойной из всех его призраков — которые периодически сменялись; служила верой и правдой, не задавая лишних вопросов и давая мудрые советы. Но с появлением Ксюши в ней что-то

сломалось. Рано или поздно все призраки, не находившие покоя, теряли свою человеческую сущность и сходили с ума: возможно, пришло время Трэи. А может, Ксюша напомнила ей о сестре, которую та казнила, и это постоянное соседство оказалось невыносимым...

Так или иначе, если Трэя продолжит чудить, придется с ней распрощаться. Нельзя, чтобы она навредила Ксюше.

## 13. Трэя

Однажды давным-давно, после очередной затяжной войны, вместе с морозами в деревню Трэи пришел голод. Старые запасы давно закончились, едва справлявшиеся с хозяйством уставшие женщины в тот год вырастили мало — и на вернувшихся мужчин уже не хватало. В других поселениях, что чудом сохранились после отступления врага, еды оказалось еще меньше, и люди начали умирать от голода. Ни леса поблизости, ни моря с рыбой — лишь небольшая замерзшая речушка и поля, поля, поля... Идти было некуда, ждать помощи не от кого — и решено было остаться.

Когда-то отец Трэи был старостой этой деревни, но он уже давно покинул её. Вначале воевать ушел старший брат Трэи, затем муж её младшей сестры, затем и сам староста — возложив на строгую и справедливую старшую дочь свои прежние заботы. И никто из них троих не вернулся обратно.

Женщины, дети и старики слушались Трэю в самые суровые годы: когда поняли, что убирать созревший урожай придется самим, когда готовились в одиночестве встречать первую зиму, когда поняли, что война затянется. Когда через деревню отступали свои, когда рядом рыскал враг и уже не оставалось надежды. Всё это время никто не видел, чтобы Трэя, к началу войны едва разменявшая второй десяток, плакала, жаловалась или паниковала. От неё не дожидаться было слов утешения, она оставалась немногословной и жесткой, словно мужчина, могла ответить грубо и резко. Но и работала больше других: и в поле, и в самой деревне, и в своем доме. Она отлично писала и считала, умело распределяла занятия между людьми, всем находила дело. Каждый мешок зерна, кусок вяленого мяса или связка хвороста были учтены и спрятаны до поры, и, вполне возможно, их бы хватило до весны, но...

Стоя на пороге своего дома, прислушиваясь к вою младшей сестры из горницы и наблюдая за тем, как радостно матери и жены встречают измученных солдат, Трэя думала лишь о том, что не сможет их прокормить. Зимой лишние руки почти бесполезны: охота зависит от зверя, а его в степи не так много; вырастить ничего не получится; даже найти на поле старые, случайно забытые корешки не удастся — сто раз уже просмотрели. Мужчины могли разве что защитить их от любителей поживиться чужим, но и ели они при этом ужасно много.

Трэя попыталась избавиться от них хотя бы временно: предложила отправиться за едой небольшому отряду. Затея её провалилась: вернулись нескоро и не все, с пустыми руками и ужасными рассказами, голодные и озлобленные. Больше она так не рисковала.

Запасы пришлось перераспределять, и сестра уговаривала Трэю поступить «по справедливости»: выдавать каждому одинаковое количество еды. По справедливости получалось, что на этих крохах не выживет никто. Если же кормить всех одинаково и досыта, то амбар опустеет уже к середине зимы. И Трэя поступила так, как подсказывал ей ум, а не сердце: она приказала давать достаточно лишь взрослым и подросткам, тем, кто казался уже сильным, чтобы охотиться и работать в поле весной. Детям, старикам и больным перепадало так мало, что они были обречены медленно угасать. Конечно, люди делили еду в семье поровну, но это уже был их выбор — Трэя берегла запасы и не обращала внимания на плевки и проклятья в свой адрес. Любой, кто пожелает, всегда был волен уйти,

при этом получив трёхдневный паёк — но почему-то решились на это лишь несколько стариков.

Людей становилось меньше, и Трэя знала, что это её вина, она оправдывалась перед совестью тем, что большинство живы, могут добывать хоть какое-то пропитание, а не лежат обессиленные по лавкам и не кидаются обезумев на соседа. И все терпели — до одного дня.

Трэя давно уже начала подмечать, что кто-то подьедает запасы — но пропажа была такой малозаметной, что вначале подумалось на мышь. Поймать её в ловушки не удавалось, но Трэя не обнаружила и потому сама затаилась среди мешков, надеясь узнать, из какого угла покажется вредительница. Вот только всё оказалось гораздо хуже: в полночь, когда вся деревня крепко спала, дверь отворилась и на пороге появился до боли знакомый силуэт. Первое мгновение Трэя сидела не шелохнувшись, не зная, как поступить, а после опомнилась — выскочила из своего укрытия, схватила сестру за руку, выволокла на улицу и подняла всех на ноги.

Это был несмываемый позор для всей их семьи, который Трэя не могла умолчать: её учили, что все тайное рано или поздно становится явным. Как будто она сама, голодавшая на деле не меньше других, пользовалась своим положением и ела за счет чьей-то жизни.

Утром у дома старосты состоялся короткий суд: даже не суд, а вынесение обвинения. Трэя изгнала свою сестру и её малолетнего ребенка, ради которого та и пошла на подобное, из деревни. И та, держа на руках обессиленное дитя, единственное оставшееся воспоминание о погибшем муже, молча побрела прочь по занесенной снегом равнине — не имея ни малейших шансов выжить.

На этом всё и закончилось.

Никто не слышал, как рыдала Трэя той ночью, не знал, чего ей стоило это и прежние решения — но какая разница, если загублены жизни? Как она проклинала своего отца за то, что оставил её на своем месте, за то что вообще дал ей жизнь. Когда-то очень, очень давно, в невозвратной беспечной юности, Трэя мечтала не сидеть над книгами по указке родителей, а вместе с сестрой ходить на гулянья, надевать красивые платья и привлекать восторженные взгляды парней. Она завидовала младшей тогда, завидовала даже сейчас: у неё всё было, пусть недолго, пусть потеряно... Вместо ответственности за чужие жизни — широкая свадьба, любимый муж, свой ребенок. Вместо ненависти окружающих — сострадание и понимание. Вместо тяжелой жизни впереди и бесконечных угрызений совести — вечный покой рядом с семьей.

Хотя в последнем Трэя ошибалась.

Изгнание женщины с ребенком послужило последней каплей для других матерей деревни. Не всех своих детей они могли спасти, и с каждым ушедшим отчаянье и ненависть в них росли. А каждый муж, как известно, рано или поздно поддается разговорам жены. Очень скоро случилось то, чего так долго боялась Трэя: мужчины, с которыми ей было не сладить, из-за которых всё и началось, сплотились против неё. И одинокую дочь старосты некому было защитить.

Её убили нелепо, не рассчитали сил, когда посреди ночи ворвались в дом — словно, не застань они Трэю врасплох, она могла бы сопротивляться. Но нет, сильная духом дочь старосты оказалась такой же хрупкой, как любая женщина — и ей хватило пары ударов, чтобы покинуть этот мир. Никто не рискнул заступиться на её место: амбар был в первый же час разворован, и самые сильные получили еды сполна, а одинокие старики, в которых еще

теплилась жизнь, остались и вовсе без пищи.

Но многие жили хорошо — какое-то время. А потом внезапно запасы иссякли, и как уже не берегли их, как не пытались есть меньше — это уже не спасло. Мужчины вновь стали на проверенный путь силы — и отобрали еду у тех, кто не мог сопротивляться или не успел схватиться за оружие. И опять семьи были сыты, пока кто-то умирал или уже был убит.

К весне из всей деревни осталось всего три семьи, но сажать было уже нечего. Да и некому: куча детей, неспособных даже идти за плугом, двое из трёх женщин на сносях, одна больна, и трое мужчин — слишком мало, чтобы вырастить урожай, до которого еще надо было дожить.

Дух Трэи остался в этом мире, мучимый раскаянием и чувством вины. Раз за разом она пыталась понять, как следовало поступить, чтобы избежать трагедии, чтобы все остались живы — и не находила ответа. И Артур, когда отыскал её, вначале принял за сумасшедшую, а после, поместив большую часть груза Трэи в шкатулку, избавив от постоянной боли — за учёную придворную даму. Но нет, Трэя просто оказалась умной и практичной, она быстро училась, приспособливалась к новой эпохе и вела себя достойно и сдержанно. Что и говорить, она стала любимым призраком Артура, своеобразным советником, сопровождала его почти всегда и везде.

Не такая навязчивая и озабоченная, как Лита; не такая отчаянная и прямолинейная, как Жанна — но рассудительная и тактичная, недолюбливавшая всех мужчин, кроме него, близкая и наблюдательная — а потому наиболее опасная.

Жаль, очень жаль, если придётся возвращать Трэю к её ужасному прошлому.

## 14. Чужой праздник

Ксюша сильно волновалась, собираясь на день рождения Любы. Не потому, что ей было дело до самой виновницы торжества, а потому, что Никита ясно дал понять — его новая девушка должна произвести впечатление! «Невозможно понравиться Любе, — грустно думала Ксюша, разглядывая себя в небольшое зеркало в ванной. — Она же просто ненавидит всё живое!» Где-то внутри засела едкая обида на Никиту — пока даже неосознанная, вроде как беспричинная, а в голову упорно лез Артур: его внимательный взгляд, его губы, произносившие заветное слово.

— Парень, — вздохнула Ксюша, выуживая из рюкзака новый кружевной бюстгальтер. — Зачем ты учишь меня, зачем говоришь такое? Лучше б сам...

Она вовремя осеклась, вспомнив, в чьем доме находится. Она же приказала себе забыть... Да только как, когда Артур говорит такое!

— И всё равно, — упрямо прошептала Ксюша через какое-то время, вновь глянув на себя в зеркало — и начав стягивать элегантное платье. — Я не согласна другому теперь...

Вместо красивого наряда она влезла в узкие джинсы и симпатичную, но простенькую вязанную кофту, нанесла естественный макияж и заплела волосы в широкую косу. Вот так, незачем стараться ради каких-то чужих девчонок! Она не уродина, Артур даже сказал, что красивая — а значит, нечего Никите стыдиться!

В неожиданном боевом настрое Ксюша вернулась на кухню, чтобы выполнить обещание и помыть посуду, но раковина оказалась пуста. Артур, который не счел за труд убрать за обоими, обнаружился в гостиной, он задумчиво изучал папку с анкетами.

— Спасибо! — выпалила Ксюша, останавливаясь напротив его кресла и привлекая к себе внимание. — Простите, что так долго копалась, я обязательно сделаю что-нибудь полезное по дому!

— А... да, — не сразу понял Артур, поднимая взгляд. Она же собиралась надеть платье, он видел этот образ в её мыслях сегодня. Не то, чтобы это имело значение, просто невольно заглянул за обедом, удивившись такому скромному количеству вещей. — Ты обещала мне пирог. Испеки вишневый. Завтра.

Ксюша просияла, не догадываясь, что Артур просто нашел наиболее безобидный способ занять её делом, не позволяя шастать по дому.

— Хорошо! — радостно воскликнула Ксюша. — Я испеку вам самый вкусный пирог в мире!

— Ты идешь в этом? — поинтересовался Артур, чуть перебив поток её восторженных обещаний.

Ксюша мгновенно успокоилась, неуверенно поджала губу.

— Ужасно, да? — тихо пробормотала она, нервно одергивая край кофты и не замечая, что от этого вырез на груди становится глубже. Обтягивающая одежда отлично подчеркивала точеную фигуру, не отвлекая от естественной красоты — тех, кто мог её заметить, а не кидался на модные тряпки.

— Замечательно, — заверил Артур. — И я рад, что ты наконец-то начала одеваться по погоде. Видимо, одного раза хватило.

Ксюша отчего-то зарумянилась, отводя взгляд. Она готова была стоять под дождем



каждый вечер, если бы после этого Артур её целовал. Ведь это что-то из ряда вон выходящее, это надо заслужить, это для особых ситуаций. Нельзя просто так забраться сейчас к нему на колени, потянуться к губам — и надеяться, что Артур не выгонит её из дома за такое поведение.

Ксюша быстро моргнула, выкидывая из головы чужую мысль. С ума, что ли сходит... Что-то странное сегодня витает в воздухе.

— Я больше не причиню вам хлопот, — уверенно заверила она. — До свидания.

— Пока.

Артур нахмурился, задумчиво глядя перед собой: всего на мгновение он уловил что-то странное... легкое возмущение энергии, которое тут же исчезло. Ни ухватить, ни изучить. Опомнившись, он перевел взгляд в коридор, где Ксюша, наклонившись, завязывала кроссовки, скользнул по всем плавным линиям гибкого тела — и поспешно опустил глаза обратно в анкеты, почувствовал собирающееся внизу живота тепло. Это уже никуда не годится.

— Ксения, — окликнул он, не отрывая взгляд от бумаг.

— Да, — в голосе даже вопроса не прозвучало, будто она ждала. Нет в её будущем этого мальчишки, нет! Но чем больше он поменяет, тем меньше самой Ксюши останется... Так что Артур проглотил рвущуюся с губ фразу, не кинул даже стандартно-взрослое «не пей много». Она сама уже не ребенок.

— Хорошо отдохнуть.

— Спасибо, — странные нотки разочарования мелькнули в голосе Ксюши, и тихо хлопнула закрывшаяся за её спиной дверь.

Никита с большим букетом в руках подошел к ожидавшей на остановке Ксюше, окинул её изучающим, недовольным взглядом.

— Бледновата ты как-то, — заметил он.

— Замерзла, — вежливо улыбнулась она.

— Ну пойдём, — звучный шлепок по узким джинсам заставил Ксюшу покраснеть до корней волос и спешно опустить голову, будто все окружавшие теперь осуждающе смотрели на нее. Никита и глазом не моргнул, с безразличным выражением лица направляясь к дому Любы. Адрес её он знал очень хорошо.

Да и «новорожденная» была ужасно рада его видеть. Источая на всю квартиру аромат духов, стараясь не стереть ни грамма из килограмма косметики, расцеловала Никиту в обе щеки и приняла от него букет цветов и небольшую коробочку. Цветы были тут же переданы подруге, отправленной за вазой, коробочка открыта — и с восторженными визгами водружен на запястье какой-то модный браслет.

— У-у-у, ты помнишь, что я люблю! — обхватив лицо Никиты ладонями, Люба чмокнула его в губы и вдруг заметила скромно топтавшуюся за его спиной Ксюшу. — Зачем нам *это*? Мне повариха не нужна, я заказала всё в доставке.

В груди Ксюши что-то дрогнуло и запекло, она молча перевела взгляд на Никиту.

— Это моя девушка, — небрежно ответил тот, будто отмахнулся этой фразой.

— Моя писечка нашел себе новую куклу! — хихикнула Люба, смерив Ксюшу колючим оценивающим взглядом, и та невольно обхватила себя руками. Вся уверенность в себе, внушенная словами и взглядом Артура, мгновенно растворилась в пространстве.

— Не называй меня так, — с напускным недовольством буркнул Никита, и Люба,

выпятив губки, потрепала его по щеке.

— Да ладно, тебе же нравилось, — мурлыкнула она. Еще раз бросила на Ксюшу холодный взгляд и пригласила: — Идите за стол.

Если Ксюша и хотела спросить о чем-то Никиту, то случая ей не представилось: в комнате уже ждали его друзья. Кого-то Ксюша уже знала, видела издали в его компании, кого-то встретила впервые — людей было много, почти все по парочкам. Поздоровались дружно, и Ксюша ответила с улыбкой — только быстро заметила, что рады тут Никите, а на неё даже не смотрят. Только раз рыжий парень задал вопрос — не та ли это девушка, что в пятницу зажигала в клубе, за что моментально получил тычок локтем от своей подруги.

— Та, — коротко отозвался Никита, и больше к этой теме никто не возвращался, потому что Любы там не было.

Не прошло и десяти минут, как раздался звонок в дверь, Люба с лучшей подружкой кинулись открывать, и из коридора потянуло необычным, но аппетитным ароматом.

— А вот и вкусняшки! — гордо объявила «новорожденная», заноса и ставя на стол башенку из коробок с пиццей. Её подруга появилась в комнате с двумя пакетами, из которых тут же начала доставать упаковки с роллами — и другие девчонки кинулись подыскивать себе те, где слой рыбы побольше.

— А десерт-то будет? — спросил всё тот же неугомонный рыжий, и Люба загадочно улыбнулась.

— А то! — хитро подмигнула она, выуживая откуда-то из-за дивана две больших бутылки. — Хватит для разминки?

— Вполне, — кивнул рыжий.

Подруга быстро принесла из кухни стопки, Никита с видом знатока скрутил крышку и разлил всем почти по полной.

— За прекрасную именинницу! — предложил он, и никто не стал добавлять что-то к этому тосту.

Потянулись чокаться, опрокинули в себя стопки, начали разбирать еду. Под недовольным взглядом Никиты пришлось выпить и Ксюше. Крепкий алкоголь колючим, обжигающим комом прокатился по пищеводу, она едва не закашлялась — и поспешно откусила от пиццы, которую Никита сунул ей в руку.

— А чего-то другого нет? — тихо, чтобы другие не услышали, спросила у него Ксюша.

— Компотика? — с ухмылкой спросил тот. — Вряд ли.

Ксюша незаметно вздохнула и промолчала, вспоминая незамысловатый, но приятный коктейль, которым угощал её Артур.

Бутылки понемногу пустели, разговоры за столом становились всё громче и всё чаще прерывались смехом, хотя Ксюше смешно почему-то не было. Она не знала людей, о которых шла речь, не понимала, что забавного в этих историях, казавшихся порой совершенно глупыми, она смущалась всю ворковавшей напротив парочки и сидела, как на иголках.

— Да расслабься ты, не на паре, отвечать не вызовут, — рассмеялся на ухо Никита, похлопав её по колену и оставив ладонь лежать на ноге.

Расслабиться не получалось. Ксюша чувствовала себя совершенно лишней, неудобной, в первую очередь своему парню.

— Она просто очень скромная, — улыбнулась Люба, услышав его слова. — Вы же еще

не...

Она вопросительно глянула на Ксюшу, но та не поняла, что «не». Встречаются же.

— Разберемся, — хмыкнул Никита, всем своим видом показывая, что это его личное дело.

— Да конечно, куда ж без этого, — Люба хихикнула и вновь посмотрела на Ксюшу. — Но ты не затягивай, не поможет. Лучше наслаждайся, пока есть возможность.

Никита неожиданно хлопнул по колену — Ксюшину колену, так, что она вздрогнула.

— А пойдём покурим, — решительно произнёс он, глядя на Любу, и первый направился к балкону. Люба, захватив узкую пачку, упорхнула за ним, скрывшись в густых зимних сумерках. Ксюша вздохнула.

— Забей, — внезапно шепнула ей проходившая мимо Любина подруга, — они всегда так. Люба дольше всех с ним встречалась, теперь вот дружат. Ну как дружат, иногда потра...

Скрипнула балконная дверь, смеющиеся Никита с Любой ввалились обратно в комнату, бухнулись рядом, обдавая запахом табака. Люба переключилась на других гостей, а Никита вновь положил ладонь Ксюше на ногу, теперь уже время от времени поглаживая её бедро.

— Помоги мне коробки убрать, — сказал он, не получив никакой реакции, и Ксюша послушно собрала опустевшие, сложенные горкой у стола упаковки от пиццы и отправилась вслед за Никитой на кухню.

Вот только стоило им туда заглянуть, как он швырнул их на стол, отнял и те, что несла Ксюша — и, схватив её за руку, потянул куда-то в коридор. Безошибочно отыскал нужную дверь, толкнул её, затаскивая Ксюшу следом, не давая прийти в себя, прижал к ближайшей стене откровенным поцелуем.

— Никит, подожди, — Ксюша попыталась вырваться, отпихнуть нырнувшие под кофту руки. — Надо поговорить.

— В прошлый раз говорили, хватит, — сбивчиво отмахнулся он, не думая отпускать, и пусть запаха алкоголя выпивавшая Ксюша не чувствовала, Никита казался гораздо пьянее её самой. А ещё разгоряченным и упрямым.

Глянув ему за спину, Ксюша увидела большую родительскую кровать — и невольно передернула плечами.

— Давай не сегодня, — пробормотала она. Меньше всего прельщал первый раз в чужом доме, на чужом празднике, вот так внезапно и спешно.

Но Никиту это мало волновало, он был занят борьбой с пуговицами на её кофте.

— Давай без «давай»! — огрызнулся он, наконец справляясь с последней. — Ты же готовилась, вижу, — оценил он бюстгальтер. Но тут же задрал его, накрывая грудь холодными ладонями. Ксюша отшатнулась, врезалась в стену, прикрылась руками, ощущая во рту противный кисло-солёный привкус обиды.

— Но я не хочу! — отчаянно воскликнула она.

— А я хочу! — рывкнул Никита, хватая её за талию и резко притягивая к себе. В живот ударило твёрдое подтверждение его слов. — Достала из себя недотрогу строить, поиграли и хватит!

В губы впился новый поцелуй, лишая возможности говорить, и Никита ошибочно принял проглоченные Ксюшей слова за стон удовольствия. Отстранился, затуманенным от возбуждения взглядом поймал её взгляд, провел большим пальцем по губам, вынуждая приоткрыть рот.

— Моя девочка, — совсем другим тоном произнес он, глядя Ксюшу по спине и

заставляя тысячи горячих мурашек разбежаться от каждого прикосновения, — я сделаю тебе *очень* хорошо. Так хорошо, что ты имя свое забудешь.

Ксюша замерла, часто дыша и глядя на Никиту широко открытыми глазами. Внутри шла борьба: тело откликалось на ласку того, по кому она так долго вздыхала, кто был пределом мечтаний несколько лет, к кому она себя приучила; разум напоминал, что она собиралась смириться, остаться с Никитой вопреки всем нелепым обидам, забыть Артура; и только сердце кричало, что надо бежать.

Чиркнула молния, приводя Ксюшу в себя.

— Давай, порадуй меня для начала, — настойчиво предложил Никита, мягко надавив ей на плечо, но Ксюша вырвалась.

— Нет, — с трудом выдавила она.

— Ладно, обойдемся без прилюдий, — он взялся за пояс её джинсов, намереваясь расстегнуть, но Ксюша отшатнулась. В глазах Никиты сверкнули злые огоньки. Обхватив за талию, он швырнул Ксюшу на кровать, сам тут же налетел сверху, вклинившись между колен.

— Хочешь жестко, значит? — прорычал он. — Ладно, будет тебе жестко!

Ксюша, размахнувшись, со всей силы вlepила ему пощечину, но это не помогло, только сильнее раззадорило Никиту — он перехватил её руки, завел за голову, прижимая запястья к кровати и свободной рукой продолжая раздевать.

— Уймись, дурочка! — превратившийся в хриплый шепот голос пугал всё больше. — Потом сама же добавки попросишь!

— Да не хочу я тебя, идиот! — сорвавшись от отчаяния, заорала Ксюша. — Пусти! Я другого люблю!

— Чего? — до Никиты не сразу дошло. Он удивленно моргнул, отпустил Ксюшу, которая извернулась ужом, выскочила из-под него и принялась дрожащими руками застегивать пуговицы. — Кого это ты там еще любишь?

— Не твоё собачье дело! — в голосе билась ненависть и слёзы. — Ты не тот, кто мне нужен, ты меня не утешил, не защитил, ты... ты...

Никита пришел в себя. Пригладил волосы, медленно поднялся с кровати и сделал шаг к попятившейся в ужасе Ксюше.

— А с чего мне тебя защищать и утешать? — глухо спросил он, глядя на неё исподлобья. — Ты что, ребенок какой-то? Ищи такого же сопляка и неудачника как ты, если тебе это нужно.

Ксюша, готовая разреветься, зло шмыгнула носом. Это кого он сейчас сопляком назвал, Артура?! Да если б он знал... Да этот самоуверенный пацан шаману в подметки не годится!

Прикусив дрогнувшую губу и ничего не ответив. Ксюша зло сверкнула глазами и вылетела из комнаты. Она бросилась в коридор под взглядами притихших гостей, выглянувших из гостиной и, конечно же, ставших свидетелями случившейся в спальне ссоры.

— Не на что смотреть! — строго отрезала Люба еще до того, как Ксюша выскочила в подъезд. — Развлекайтесь тут пока без меня. Аня, доставай добавку.

Подхватив со стола половину оставшейся бутылки, Люба уверенно выплыла из гостиной и направилась в спальню. Мягко толкнула обратно в комнату хмурого Никиту и закрыла за собой дверь.

— Может, музыку включим? — улыбаясь, предложила Аня.

## 15. Геолокация

Ксюша чувствовала, что её накрывает истерика: внутри все клокотало, её трясло, из глаз готовы были хлынуть слёзы. И даже не от страха, что Никита её обидит — этот самовлюблённый придурок не собирался её насиловать, он просто не мог поверить, что девушка способна его не хотеть. Нет, сердце разрывалось от обиды на него, на себя, на свою бестолковую судьбу. Столько времени она считала идеалом мужчины такого повесу! Отправилась к шаману, поссорилась с родителями — всё, чтобы начать встречаться. А что в итоге? Он относился к ней отвратительно!

«Дура, дура, сама виновата!» — корила себя Ксюша, забыв про транспорт и отправившись к дому Артура пешком — хотя путь был неблизкий. Ей нужно было время, чтобы успокоиться. Ей было безумно стыдно перед Артуром, который относился к ней так замечательно, а она... наделала столько ошибок. Хорошо, если он не узнает. Но многое ли можно скрыть от шамана?

В груди противно ныло, в горле застыл ком, а тело горело там, где её успел облапать Никита. Только сейчас Ксюше стало мерзко, что она допустила подобное. Целовалась с другим... Хотелось закрыть лицо руками, сесть на корточки прямо посреди тротуара и заплакать. Пусть даже с Артуром не было шансов, как она могла, как могла... Пусть даже представить подобное было сложно, но отдать всю себя она готова была только ему. Опытному, нежному, внимательному. Такие волшебные глаза, руки, губы...

Тепло заструилось по телу, сладко и сильно дрогнуло где-то внутри — и Ксюша, закусив губу, ускорила шаг. На город давно уже опустился густой, черничный вечер, начинал накрапывать мелкий дождь, и не следовало ей одной бродить по улицам.

Уже через полчаса Ксюша нырнула в знакомый переулок. Спрятав в карманы куртки продрогшие пальцы и боясь достать телефон, чтобы глянуть на время — всё равно позже шести, она почти бегом кинулась к дому Артура. Впереди, среагировав на движение, вспыхнул над калиткой фонарь — и Ксюша внезапно застыла на месте как вкопанная. В переулке был кто-то ещё — и стоял он как раз напротив входа в дом шамана.

— Эй, кто тут? — громко окликнула Ксюша, в глубине души надеясь, хоть и не веря, что это запоздавший посетитель.

Из тени в круг света медленно вышел Никита.

— А ты кого ждешь? — чуть заплетающимся языком спросил он.

Ксюша невольно попятилась. Она не думала, что кто-нибудь когда-нибудь отыщет её здесь, на окраине города. Дом Артура казался надежным укрытием от всех, кого она не хотела бы видеть.

— Как ты меня нашел? — пробормотала Ксюша.

Никита сделал пару шагов к ней.

— По геолокации, еще днём. Отвратное ты выбрала местечко.

Стоило задеть то, что касалось Артура — и страх в Ксюше сменился возмущением.

— А тебя сюда и не приглашали, — резко ответила она. — Иди обратно к своей Любе!

— Вот оно что, — довольно улыбнулся Никита. — Моя девочка ревнует.

Он протянул руку, намереваясь коснуться её лица, но Ксюша резко отпрянула.

— Я не твоя девочка, — глухо отозвалась она. — Я тебя больше знать не желаю. Ай!

Пальцы Никиты впились в её предплечье, заставив вскрикнуть от испуга и боли. Сильным рывком он дернул Ксюшу к себе и процедил, зло глядя в лицо:

— Думаешь, меня можно так просто бросить?!

— Отпусти Ксюшу и извинись, — спокойно, но хмуро прозвучало со стороны калитки, и Никита действительно от неожиданности разжал пальцы — а Ксюша со всех ног кинулась к стоявшему у входа Артуру. Обняла его крепко, прижалась к груди, ища защиты, и только почувствовав на плече его ладонь, чуть успокоилась и вновь обернулась к Никите.

Тот застыл посреди улицы, с кривой усмешкой рассматривая обоих.

— Это и есть тот самый «другой», о котором ты говорила? — с издевкой произнёс Никита. — Что за ста...

Он неожиданно закашлялся, выпучил глаза, захрипел, хватая ртом воздух и раздирая воротник куртки. Ксюша испуганно пискнула, уткнувшись лбом в грудь Артура, и тот, не желая её пугать и решив, что достаточно, опустил руку и прервал заклинание. Никита задыхался, глубоко и сипло, с трудом устояв на ногах, согнувшись вдвое и тяжело упираясь в колени руками.

Казалось, после такого любой решит обратиться подобру-поздорову, но на Никиту это не подействовало. Он не сразу, но пришел в себя, плечи его неслышно затряслись и, когда Никита вскинул голову, стало понятно — от злого смеха.

— Что за дешевые трюки? — сорванным голосом выкрикнул он. — Кишка тонка по-мужски решить?

— Мужчины я не вижу, а детей не бью, — холодно заметил Артур. — Но если ты настаиваешь... Жанна?

— *С большим удовольствием, шеф!*

Никита хотел что-то ответить, но внезапно замер, невидящим взглядом уставившись перед собой. Медленно распрямился и отправился к ближайшей глубокой луже, которых на разбитом асфальте переулка было предостаточно, улегся в ней на спину и под изумленным взглядом Ксюши несколько минут изображал грязевого ангела. Затем так же не спеша и гордо поднялся, привычным жестом оправил перепачканной ладонью прическу и заковылял к выходу из переулка. Расстегнутые джинсы медленно сползали с его пояса, обнажая промокшие плавки и норовя стать причиной падения. Ксюша ощутила неловкость и стыд, но Жанна не знала жалости: стоило Никите скрыться за домами, как послышался железный грохот, явственно напоминающий о стоявшем на углу мусорном контейнере.

— Он не заболит? — тихо спросила Ксюша, все так же прижимаясь щекой к груди Артура.

— Не в таком состоянии. Проспится и уйдет, — говорить о каком-то Никите сейчас совсем не хотелось. Ксюша льнула к нему всем телом, обнимала горячими ладошками и почему-то казалось, что причиной тому совсем не страх — просто ей *хотелось* это делать. — Идем в дом.

Послушно кивнув, Ксюша поспешно нырнула в калитку, шелкнувшую засовом за их спинами, и зашагала по дорожке к крыльцу. В какой-то момент она нагнала Артура, отыскала его ладонь и сжала руку своими хрупкими пальцами, заставляя обернуться.

— Спасибо, — шепнула она, — что защитили меня.

— Разве могло быть иначе? — пожал плечами Артур, обесценивая этим свой поступок, но Ксюшу обмануть не смог.

— Могло, — уверенно кивнула она. — Спасибо.

Дом встретил их теплом и спокойствием, но от Артура не укрылась странная порывистость, с которой двигалась Ксюша. Она не смогла развязать кроссовки, непослушными пальцами лишь затянула узел и в итоге стащила обувь, наступив на пятку, хотя никогда так раньше не делала. Судя по всему, сильно волновалась, случившееся её смутило, выбило из колеи...

— Идем, напою тебя чаем, — мягко предложил Артур, выбрав предлог попроще, чтобы Ксюша поняла — он не станет задавать лишних вопросов: — Кажется, ты продрогла.

Та вновь молча кивнула.

Приготовление чая заняло время: в доме Артура не оказалось привычных пакетиков с листовой пылью. Он открывал шкафчики, доставал оттуда сушеные стебельки, соцветия и ягоды — и готовил настоящий отвар, наполняя кухню непривычным Ксюше, щекочущим нос, согревающим ароматом. А та даже усидеть не могла: стояла рядом, в паре шагов, не спуская взгляда с его рук, ловя каждое движение и думая о том, как много Артур успел услышать. И понял ли фразу Никиты про «другого»?

— Что ты хочешь спросить? — не отрываясь от дела, не оборачиваясь к ней, вдруг поинтересовался Артур — и Ксюша вздрогнула от того, как своевременно была произнесена эта фраза. — Не стесняйся, говори.

— Вы назвали женское имя... — ухватилась растерянная Ксюша за первое, что пришло в голову.

— Да, Жанна — один из моих призраков, — просто пояснил Артур.

— Призраков?! — не веря своим ушам, переспросила Ксюша. Услышав подобное от кого-то другого, она бы решила, что человек бредит. — Пойдите... Вы не только их видите, но и можете управлять?

— Могу, — кивнул Артур, — трое работают на меня. Да, твоим вопросом тоже они занимались. И я хочу тебе об этом рассказать — но лучше не на ночь. Вот, держи, — понимая, что Ксюше нужно время, чтобы переварить услышанное, и ответа ждать не приходится, он протянул ей кружку, в которую процедил отвар. — День был долгим, это поможет...

Ксюша внезапно закусила дрогнувшую губу, плавно подалась вперед и вновь обхватила Артура руками, прижимаясь к его груди. Пусть он ругает, пусть оттолкнёт, но только это поможет, только это она мечтает вновь испытать!

Но Артур не оттолкнул. Осторожно поставил на стол полную кружку, ласково обнял Ксюшу за плечи. Хотел уже сказать, что надо идти спать, что завтра всё станет проще, но она заговорила первой, уткнувшись ему в плечо:

— Вы же всё слышали, да?

— Да, — признался Артур. — И считаю, что он еще мало получил. Но ты вела себя...

— Вы слышали, — повторила Ксюша, внезапно вскидывая голову и глядя ему прямо в глаза.

Артур промолчал, прекрасно понимая, что она имеет в виду. Ксюша застыла, не дыша, ожидая его ответа, его решения. Речь шла совсем не о ссоре с Никитой, речь шла о них двоих, и только от Артура сейчас зависело, будут ли они вместе. Мгновения сменяли друг друга, волнение в груди Ксюши росло, превращаясь в панику, а на глаза сами собой наворачивались слёзы. О чём она только думает, глупая девчонка?! Он взрослый, красивый,

зачем ты ему сдалась, такая проблемная, устроившая сцену с бывшим прямо перед воротами его дома? Что ему до твоих надежд и странных желаний, до того, что ты жить без него не можешь...

Теплые руки внезапно скользнули по спине, мягко привлекая еще ближе, прижимая к мужскому телу совсем не так, как минуту назад — и Ксюша едва заметно вздрогнула от горячей, пронизавшей её вспышки. Артур медленно наклонился к её губам, и сердце отчаянно забилося в груди, голова поплыла, будто Ксюша совсем захмелела... Стоп!

Она резко отпрянула, испуганно глянула на Артура, зажав рот рукой. Их первый поцелуй, а она пила! От отчима всегда так ужасно несло, когда он напивался, а мама ей постоянно твердила, что нет ничего более мерзкого, чем пьяная женщина! И то, что Артур запомнит — будет запах алкоголя? Нет, позор какой!

Порывисто развернувшись и не глядя на ошарашенного Артура, Ксюша выбежала из кухни и стремглав кинулась на второй этаж, к свою комнату.

А тот постоял пару минут, медленно приходя в себя, затем залпом опрокинул забытый, успевший остыть чай. Ну что ей теперь не так? Сама ведь... Тяжело выдохнув, Артур попытался отогнать нахлынувшее возбуждение, но он слишком долго думал об этой девушке, он уже держал её в руках и был уверен, что теперь-то им ничто не помешает. Всего пару дней назад он и помыслить не мог, что кто-то заменит Мию, а теперь всё, что было до Ксюши, казалось подернутым пылью веков.

«Глупости какие, да что со мной такое?» — думал Артур, нервно расстегивая на себе рубашку по пути в спальню. Он был уверен в своей выдержке, но только эта девушка с каждым днём всё больше сводила его с ума — безо всякой причины. А сегодня действительно что-то особенное витало в воздухе, будто тянущее, дразнящее, сладкое предчувствие чего-то скорого — но так и не случившегося.

Призраки куда-то исчезли — ему сейчас не было до них дела; Ксюша нервно шагала по своей комнате, потом надолго ушла в душ и теперь снова ворочалась в кровати, мешая Артуру работать. Он рухнул на постель, неотрывно глядя в потолок, и ему казалось, что они с Ксюшей остались абсолютно одни: в доме, в мире и в мыслях друг друга.

Только в сердце внезапно мелькнула какая-то тень: если Ксюша надеется, что он вновь прибежит к ней в спальню, а она снова будет строить из себя испуганную девочку — то глубоко ошибается. Эта игра в догонялки ему не нравится. Так что пусть посидит одна и разберется в себе — Артур поднял руку к потолку, выписал в воздухе невидимую руну — а он к завтрашнему утру вновь будет твёрд и спокоен. В конце-концов, этот способ ничем не лучше и не хуже других. Ксюша всё равно не узнает.

Потяжелевшие веки медленно опустились, погружая Артура во тьму и крепкий, долгожданный сон, в котором сдерживаемые эмоции нахлынули с новой силой — и наконец-то взяли над ним вверх.



## 16. Преступление

Едва оказавшись в комнате на втором этаже, не замечая ломившегося из груди сердца, Артур порывисто шагнул навстречу сидевшей на кровати Ксюше, а та — подскочила на ноги и бросилась к нему. Обняла за шею, прижалась к груди, отыскала такие же голодные губы, будто только и ждала всю жизнь этого момента. Первый поцелуй: горячий и нетерпеливый, был очень долгим, почти бесконечным, а за ним последовали еще и еще один, кружа голову и сбивая дыхание. Моментально вспыхнув от страсти, оба не могли отпустить друг друга; не могли никак насладиться этой внезапной откровенностью; насытиться объятьями и прикосновениями. Не произнося ни слова, ловя взгляды и вздохи, снова и снова признавались в бившихся внутри чувствах.

Ксюша доверчиво запрокинула подбородок, подставляя шею нежным губам Артура, сама помогла расстегнуть на себе рубашку, с тихим шорохом упавшую к ногам. И, незаметно очутившись на кровати, прижалась к широкой груди так сильно, будто боялась, что Артур уйдет. Глупенькая, он не собирался её отпускать, только не этой ночью. Стройное, гибкое тело вспыхивало под его руками, отзывалось моментально, и это распалило еще сильнее — хоть Ксюша и стеснялась своей реакции, отчаянно кусала губы или требовала всё новых и новых поцелуев — лишь бы не дать вырваться ни единому стону. Только однажды, когда Артур начал целовать её грудь, прерывисто охнула — и тут же закрыла руками пылающее лицо. А когда он позволил себе легкими касаниями губ спуститься к животу — нервно завертелась, сжав колени.

— Не надо... — приглушенно донеслось откуда-то из-под ладоней.

Артур с ласковой улыбкой склонился над ней, осторожно отнял напряженные руки, заглянул в глаза.

— Не хочешь — не буду, — мягко заверил он.

Еще больше зардевшаяся Ксюша смущенно отвела взгляд.

— Хочу, — пробормотала она. — Но потом.

Сладко вздрогнула, когда Артур нежно коснулся её лица, потянулась за лаской, опуская веки и приоткрывая губы, стоило лишь очертить пальцами контуры рта. Артур подался ближе, скользнул лёгким поцелуем по её щеке, чуть прижал мочку уха и прошептал:

— Не стыдись себя, ты прекрасна. Каждой клеточкой, каждым вздохом. Просто с ума меня сводишь...

Горячее признание превратилось в такие же жаркие поцелуи и новые объятья. Ксюше так было проще: не открывать глаза, не замечать гладивших тело рук, хотя она сама каждый раз подавалась навстречу, беззвучно просила ещё — и Артур это понял. Такая скромная и страстная одновременно, трогательная и соблазнительная, что никто не смог бы ей противиться. Пылающая, совсем как... он не помнил сейчас других имен. Артур даже представить до этого момента не мог, насколько она дорога и нужна ему.

Ксюша боялась зря. Она уже дрожала от переполнявшего её возбуждения, почти не ощущала накрывшей колени, быстро заскользившей вверх ладони. Вздрогнула от уверенного, но мягкого прикосновения и отчаянно уткнулась лицом в плечо Артура. Они не успели привыкнуть друг к другу за эти пару дней, в реальности он бы так не спешил... но собственный сон — другое дело.

Ксюша сгорала в его руках, сказочно красивая, открытая, искренняя, окончательно отбросившая всё своё смущение. Откинувшись на кровати, приоткрыв пересохшие губы и судорожно впиваясь пальчиками в плечи — стараясь не задеть кожу ногтями — не сводила с Артура затуманенных глаз, а он тонул в этих серых омутках. Хотелось стать ещё ближе, вырезать её образ прямо в сердце, навсегда оставить в памяти мельчайшие детали неслучившейся ночи. Самая страшная ловушка для тех, кто умеет управлять собственными снами — искушение променять всю свою жизнь на их сказочную нереальность.

Ксюша вспыхнула; задыхаясь от резко захлестнувших новых ощущений, прильнула всем обжигающим телом, светясь в прямом смысле слова — столько в ней было энергии. И лишь спустя несколько минут тяжело опустилась на подушку, растерянно глядя Артура по щеке, внимательно изучая его лицо — и во взгляде её плескалась любовь и счастье.

«Мы всё повторим в реальности, — мысленно пообещал ей Артур, любуясь Ксюшей и не в силах сдержать теплую улыбку. — Как только ты будешь готова»

Медленно, ласково принялся целовать уголки её рта, шею, плечи, как вдруг услышал тихое и сбивчивое: «Ты тоже...»

Ксюша потянула его к себе, и Артур подался еще ближе, окуная их обоих в горячую, густую страсть, расплавленным золотом бившуюся в венах. Всё было совсем иначе, всё было непередаваемо прекрасно, и никакие слова не могли описать удовольствия забыть о целом мире в объятьях друг друга. Они были вместе, мыслями и телом, но не существовало уже ни мыслей, ни тела — только сладкое и жгучее, словно молоко с медом и перцем, бесконечное наслаждение.

— Пообещай мне, — чуть хрипло прошептала Ксюша, прикрывая глаза и проваливаясь в дрему на плече у Артура, — пообещай, что приснишься завтра. Без этого я с ума сойду...

Приснишься?! Он дёрнулся так, что вылетел в реальность, в тёмную, едва освещенную камином собственную спальню. Резко сел на кровати, пытаясь отдышаться и не замечая выступивший на лбу холодный пот. Значит, это не было только его сном! Но как... Ксюша не имела таких навыков, даже если слышала об осознанных сновидениях — влезть в голову шамана не так-то просто! Как это произошло?! И главное — как она воспримет, когда поймёт...

Артур тяжело сглотнул, ощущая, как пересохло во рту, и приказал себе успокоиться. Поздно уже идти на попятную. За свои поступки надо отвечать, и лучше это сделать прямо сейчас. Он поднялся с кровати и, как был в одних брюках, отправился на второй этаж.

Ксюша не спала. Над порогом пробивалась полоска света и, когда Артур постучал, тихий голос разрешил ему войти. Сжав зубы, он взялся за ручку и медленно отворил дверь.

Ксюша сидела на кровати в его рубашке — один в один, как во сне, и от этого горячие искры разбежались по телу, напоминая отголоски еще не остывшей страсти. Артур замер посреди комнаты, встретившись взглядом с Ксюшей, не зная, что ему сказать — все оправдания разом вылетели из головы. Да и как оправдать подобное?

Ксюша медленно облизнула сухие губы, произнесла так же хрипло, как совсем недавно у него на плече:

— Это не было сном?

— Нет, — честно признался Артур. — Я не знаю, как ты туда попала, как это произошло, но...

— Но это произошло, — так же тихо закончила Ксюша. На щеках резко обозначился

яркий румянец, пальцы нервно сжали край кровати, но она продолжала всё так же прямо смотреть ему в глаза. — И теперь ты всё знаешь.

И кто теперь из них двоих храбрее?

Артур опустил взгляд, виновато улыбнулся, признавая своё поражение.

— И я этому рад, — тихо и тепло произнёс он, — хоть вышло некрасиво. Уже поздно, ложись спать. Завтра поговорим.

Если она захочет об этом говорить, вообще вспоминать подобное.

— Подожди, — едва различимый шёпот. Ксюша вскинула руку, будто пыталась удержать Артура. — Пожалуйста... побудь со мной.

Он скрыл своё удивление, послушно подошел ближе, и Ксюша потянула его на кровать. Легла на соседнюю подушку, не отпуская переплетенных пальцев, но оставив между их телами расстояние, и тут же закрыла глаза.

«Наказание мне придумала? — гадал Артур, невольно скользя взглядом по едва прикрытым его рубашкой изгибам и с трудом отгоняя яркие, чёткие, наполненные эмоциями картинки из сна. — Или просто хочет побыть вместе... после?»

Ксюша не ответила, притворяясь спящей, и он тоже постепенно провалился в забытие. А где-то на границе реальности прошелестели тихо и отрывисто чужие слова: «...это было волшебным».

Ксюша проснулась первой, от пикинувшего мобильного — пришло сообщение. Открыла глаза и аккуратно выбралась из-под руки обнявшего во сне, притянувшего к себе Артура, уткнувшегося носом в затылок. Присев на краю кровати, осторожно обернулась, разглядывая расслабленное лицо, невольно вспоминая вчерашнее и всё еще не веря, что это действительно произошло. Но вот же он, мудрый и грозный шаман, спит на её кровати... Теперь всё будет иначе, правда? Он же не сделает вид, что ничего не случилось...

Ждать ответа было невыносимо, и Ксюша, тихо одевшись и захватив мобильник, выскользнула из комнаты.

Артур спустился в кухню гораздо позже, когда она уже напекла целую гору блинов, пытаясь отвлечься от своих мыслей на привычное занятие. Ксюша замерла у плиты, боясь обернуться, встретиться с ним взглядом, увидеть в нём равнодушие или, еще хуже, ничего не значащую, вежливую приветливость — но Артур даже не поздоровался.

«Ненавидит теперь», — мелькнуло в голове, и вдруг его руки обняли за талию, и Артур ласково прижался к её спине.

Ксюша беззвучно охнула, дрожащей рукой скинула на тарелку последний блинчик и выключила газ.

— Доброе утро, солнышко.

Теплые пальцы едва ощутимо скользнули по изгибу шеи, отодвигая прядку волос — и к бившейся венке в нежном поцелуе прижались губы. Ксюша невольно зажмурилась от нахлынувших ощущений: в груди вспыхнуло и растеклось по телу покалывающее тепло, а вчерашние чувства, уже казавшиеся сном, завладели ей с новой силой.

— Я завтрак сделала... — сбивчиво пробормотала она, совершенно не зная, как себя вести. — Только чай или кофе? Что...

— Тебя, — Артур развернул её к себе, заглянул в глаза, и Ксюша попыталась испуганно отпрянуть, заметив в манящей, глубокой синеве что-то абсолютно новое и волнующее — но нежные объятия оказались внезапно крепкими. — Больше не сбежишь.

Губы Артура прижались к её губам, заглушая любые возможные фразы протеста — вот только Ксюша внезапно для себя поняла, что не может, не хочет противиться ни ему, ни самой себе. И что ей до всех условностей, страхов и сомнений, если вот оно — долгожданное счастье? И отвечая на поцелуй, которые незаметно становился всё жарче, она сама обняла Артура, играя пальцами с его короткими прядями, прижимаясь всем телом и с наслаждением лоя каждое прикосновение его рук.

— *Шеф?*

Артур незаметно помахал рукой, отгоняя не вовремя явившегося призрака. Ксюша, отстранившись на миг и тяжело дыша, вскинула на него удивленный взгляд, но тут же вновь с блаженством прикрыла веки, купаясь в спускавшихся в вырез рубашки горячих поцелуях.

— *Шеф, у нас чужак.*

Артур замер. Всё возбуждение с него как рукой сняло, новость будто холодной водой обдала — голова прояснилась, мысли побежали в другом направлении, прочь от сидевшей на кухонной столешнице раздумывавшейся Ксюши.

— Что случилось? — спросила она.

— Прости, солнышко, срочное дело, — он коротко чмокнул её в щеку. — Завтракай без меня.

И, не успев Ксюша что-то ответить — вышел из кухни, тихо переговариваясь с кем-то невидимым.

«У меня тоже проблемы, но я же не делаю так...» — грустно подумала Ксюша, спрыгивая на пол и глядя на свой телефон, лежавший в стороне. Аппетита не было никакого.

## 17. Дела шаманские

Обычному человеку, никогда не замечавшему и почти не ощущавшему потустороннее, сложно понять, что означает «чужак» — особенно, в защищенной заклятиями и оберегами обители шамана. Это не какой-нибудь домовый или фейка, которые обойдут подобное место стороной. Не заплутавший, обессиленный призрак, потерявший связь с местом гибели. Не мелочь наподобие пузатых перестуков или пушистой ползучей плесени, которые питаются ссорами, страхами — но будут выжжены в первые же минуты появления рядом с обладателем силы. И даже не сумеречные прилипалы, что способны оставаться незамеченными долгие годы, высасывая из человека радость и свет — их порой приносили с собой клиенты.

Чужак — это нечто достаточно сильное, чтобы противостоять защите, но умное и талантливое, чтобы скрывать своё присутствие. Демон, ведьма, злой дух. Потусторонняя сущность, с большой долей вероятности уже не принадлежащая этому миру, но прорвавшаяся в него через барьер. И таким чаще всего нужны чужие жизни.

Пока надувшаяся Ксюша давилась остывшим блинчиком, зевая из-за навалившейся на неё сонливости, пока мыла посуду и изучала содержимое холодильника, раздумывая, что готовить на обед, Артур обшаривал весь дом в поисках нарушителя — но смог обнаружить лишь мелкие, ничего не значащие следы чьего-то присутствия. Их могла оставить даже Ксюша своими вспышками.

— Еще раз, — строго спросил он Жанну, — что именно и где ты обнаружила?

— *Это не я, это Трэя*, — отозвалась та. — *Пришла и сказала, что артефакт пуст, что бы это не значило.*

— Ясно.

Подходить к бюро, тем более лазить в нём, призракам категорически запрещалось — но теперь это было не важно.

То, что сообщила Жанна, являлось откровенно паршивой новостью. Во-первых, того объёма энергии хватило бы, чтобы из самой безобидной мелочи вырастить большую проблему. Во-вторых, ни Артур, ни призраки, которых он подпитывал своей силой, не могли обнаружить «частичку себя» — как человек не ощущает собственный запах.

— Жанна, Трэя... Трэя, явись!

Пришлось использовать заклятие призыва, чтобы хмурая, молчаливая Трэя предстала перед ним. В голубых глазах клубились серые тени, весь её силуэт стал тоньше и прозрачнее.

— Позже обсудим твоё поведение, — сурово отрезал Артур. — Полезайте в ларцы, обе, я буду зачищать дом.

— *Шеф, пожалуйста*, — Жанна прижала дрожащий кулачок к груди, — *только не это!* Трэя вообще не отреагировала.

— Мне жаль, — искренне признался он, — но нужно потерпеть. Вы привязаны ко мне, если покинете дом во время зачистки — связь прервётся, сама знаешь, к чему это приведет. В себя я не пускаю. Иди. Я постараюсь управиться как можно быстрее.

— *Но Ксения...* — срывающимся голосом начала Жанна.

Где-то в доме тихо хлопнула дверь — Ксюша ушла за продуктами для обеда и пирога.

— Я бы всё равно в неё не позволил, — качнул головой Артур. — Прости.

Сплотнув наверху слезы и прикусив губу — совсем, как обычная девчонка, Жанна нырнула в свой личный ад. Трэя осталась на месте.

— *Выслушайте меня, господин,* — начала она.

— Потом объяснишься, сейчас каждая минута на счету, — нетерпеливо оборвал Артур.

— *Потом будет поздно,* — всё так же холодно настаивала Трэя, но в голосе её чувствовалась горечь. — *Когда-нибудь женщина погубит вас, но если ваша гостья вам так дорога — прогоните её как можно быстрее и забудьте навсегда. Она ваше слабое место. Она будет стоить вам жизни, как Мия.*

Да как она смеет! Его прошлое — запретная тема, а упоминание Мии, самого того дня — непозволительно вовсе!

— Избавится вместо того, чтобы защитить? — Артур зло вскинул руку, чтоб заклинанием отправить непослушного призрака в ларец. — Что ты можешь...

— *...знать, я никогда не была замужем,* — покорно повторила Трэя. — *Помню. Но я служила вам верой и правдой столько лет — разве это не одно и то же?*

Артур замер. Призраки не могут полюбить тех, кого не любили при жизни — так говорят. Но личность у них всё же есть. Эмоции, чувства... порой острее, чем у живых. И пусть он никогда не воспринимал помощницу как объект привязанности, он очень привык к ней. Но сочувствовать призракам нельзя никогда и ни при каких условиях — этому Мия его научила!

— Я сам решу, что мне делать, — Артур опустил руку, давая последний шанс. — Уходи. Трэя послушно исчезла в ларце.

Дожди наконец-то прекратились, вновь ударил морозец. Скользя кроссовками по новенькому льду, Ксюша отошла подальше от дома Артура и включила голосовое сообщение, что прислал ей Никита — наушники у неё давно сломались, а этот, странно звучит, «бывший» поленился набирать смс.

— Возвращайся, и я устрою тебе кое-что незабываемое, — обещал он. — Кое-что наподобие этого.

Она опрометчиво клацнула на ссылку и почти тут же отчаянно прижала кнопку выключения телефона, застонавшего на всю улицу — Никита прислал ей фильм для ограниченного просмотра. Загнанно оглянувшись и покраснев до кончиков ушей, Ксюша вновь включила телефон и прослушала другие сообщения: Никита угрожал, что, если она не одумается, расскажет в универе о связи со взрослым мужчиной, а родителям сообщит, по какому адресу её удерживает силой псих и извращенец.

Прерывисто вздохнув, Ксюша прикусила дрогнувшую губу, чтобы не расплакаться. Это всё ей вина. И ладно бы, пострадала её репутация — кого вообще волнует тихая заучка, пустое место? — но Артур может попасть в беду. Из-за неё! Он её приютил, помог, он стал для неё самым особенным в мире! А она так отплатит за его доброту? Судя по всему, у него и так большие неприятности — а тут еще его «проблемная» на хвосте принесёт...

Непослушными пальцами она набрала ответное сообщение и сунула телефон в карман.

Чуть покачнулась и растерла лоб — почти бессонная ночь давала о себе знать, делая слабой и вызывая головокружение. Ну ничего, прогулка по холодной улице придаст ей бодрости!

Ксюша сделала первый широкий шаг, поскользнулась и ляпнулась на замерзший асфальт.

Когда она вернулась домой спустя пару часов и ввалилась на кухню с полными пакетами, то наткнулась на изумленный взгляд Артура, сидевшего за столом. Он тут же поднялся с места, отодвинул чашку с каким-то резко пахнущим отваром и, отобрав у неё сумки, принялся разбирать продукты.

— Ты зачем это всё купила? — немного резко поинтересовался он, но Ксюша грубости не заметила. Она взволнованно разглядывала побелевшие губы и проступившую синеву под глазами, словно Артур был болен или сильно измотан. Но ведь ещё утром всё было в порядке!

— Что случилось? — тихо, но упрямо спросила Ксюша.

— Выжигал здесь всё, всплеск потребовал много энергии, — нехотя отозвался Артур. — Всё нормально, — а вот это уже была ложь. Он не нашёл чужака и почему-то не был уверен, что уничтожил. — Не трать деньги, если что-то надо — скажи. У меня есть работа, а ты...

— ...бесполезная нахлебница, которой и отплатить-то нечем, — невесело ухмыльнулась Ксюша.

Артур тяжело вздохнул.

Вернулся за стол, поставил прямо напротив себя стул и за руку притянул на него Ксюшу — как на собеседовании, у той даже под ложечкой заняло от волнения.

— Ты не должна мне ни за что платить, — с расстановкой произнёс он, тяжело упираясь локтями в колени и глядя на неё. — Поняла? Даже чтоб мыслей таких в твоей голове не было.

— Поняла, — испуганно пробормотала Ксюша, сжимая кулачки на нервно сведенных коленях. Артур казался ей странным, то ли рассерженным на неё, то ли еще чем-то недовольным. Ласковый, тёплый мужчина, что целовал её утром, куда-то пропал.

— А теперь на счет бесполезной, — говорить ему явно не хотелось, это было заметно. — Ты особенная. Это не комплимент, это даже не очень хорошо. Но, чтоб ты поняла, мне для начала надо рассказать о своей работе, слушай внимательно.

Ксюша, сжав губы, молча отрывисто кивнула. Ей становилось действительно страшно, она не предполагала вчера, что эта беседа будет проходить именно так.

— Когда ко мне обращается человек со своей проблемой, — начал Артур, — я просматриваю все вариации его будущего, чтобы убедиться в возможности что-то изменить. Затем пытаюсь разговором заставить его сделать это самостоятельно, хотя бы начать движение в нужном направлении, поставить мозги на место, — он сейчас не утруждал себя подбором красивых фраз. — Если это всё не действует, в ход идут призраки — они на короткое время вселяются в тело и делают то, на что у клиента не хватает смелости.

— На встречу с Никитой тогда пошел твой призрак? — не сдержавшись, задала вопрос Ксюша. — Поэтому я ничего не помню? А сироп?

— Да, призрак, — Артур был не рад, что его перебили, но всё же терпеливо отвечал. — Сироп для виду, он абсолютно безвреден. На деле же призрак может вселиться в любого, кто слаб: выгорел, сильно расстроен, взволнован, пьян или спит. В противном случае я на короткое время способен прицепить его к человеку — но до подобного обычно не доходит.

— И что, это значит, что в меня могут снова влезть? — Ксюша зябко обняла себя за плечи, всю сонливость как рукой сняло после этих слов.

— Да... нет. Дослушай, — нахмурился Артур, и она покорно прикусила язык. — Те призраки, что на меня работают, питаются моей энергией — иначе бы не могли

переместиться сюда и быстро ослабли. Но в мире много других существ, и не все они мне подвластны, а ты их даже не замечаешь. Но существование каждой, и нас в том числе, сводится к энергии — как в физике. Понимаешь?

Ксюша не очень поняла, но молча кивнула.

— Умница, — чуть устало продолжал Артур. Он бы с радостью сейчас поспал, а не устраивал лекцию, но откладывать стало опасно. — У всех людей количество жизненной энергии примерно одинаково, колеблется в узких пределах. Немногие, получившие дар, умеют её накапливать и мудро расходовать. Но редко, очень редко попадаются источники — это как звезды среди лампочек. У них так же есть свой лимит, но он почти бесконечен. Они способны поддерживать десяток призраков, исцелять других людей...

«А еще заставлять их себе повиноваться», — подумал Артур, но не стал об этом говорить.

Ксюша сидела молча, как он и просил, но выглядела совсем растерянной — не понимала, к чему это всё.

— Источник в человеке может пробудиться в любом сознательном возрасте, и очень важно найти выход этой энергии, иначе она просто сожжет носителя, — Артур почувствовал слабость и, потянувшись за кружкой, сделал один крупный глоток. — Это может быть обычное ремесло, и успешный мастер до конца дней даже догадываться не будет о своей уникальности. Но если вложить в него всего кроху силы, дара видеть запретное — мир откроется для него совсем с другой стороны.

Артур наконец замолчал и устало откинулся на спинку стула. Он сейчас бы самого дьявола не почувствовал, стой тот у него за спиной. Чуть опустив веки, он наблюдал за задумчиво теребившей край рукава Ксюшей — то ли всё оказалось для неё слишком сложно, то ли вовсе за ненормального приняла.

Но неожиданно она вскинула голову, поднялась с места и осторожно, бочком забралась к нему на колени. Положила голову ему на плечо, приобняла за шею — и Артур ощутил, как к нему начинает перетекать её энергия. Ксюша делала это вполне осознанно.

— Спасибо, что рассказал, кто я, — шепнула Ксюша. — Теперь в моем существовании есть какой-то смысл.

Артур нехотя отстранил её от себя.

— Я рассказал, потому что ты в опасности, — ответил он, глядя в глаза, — потому что в источник тоже может вселиться призрак или другая сущность — пока ты их не видишь. Потому что, — он запнулся, но всё же продолжил, — я не хочу тебя пугать, но сегодня что-то подобное здесь побывало — а я не смог отыскать.

— Но ты же меня защитишь? — наивно спросила Ксюша.

— Не всегда смогу, — пришлось признать Артуру. — Но если я поделюсь с тобой даром, если ты начнёшь их видеть — они тоже увидят в тебе источник. И за пределами этого дома к тебе потянется... всякое. Тебя будут умолять поделиться энергией.

— Но разве мне жалко? — удивленно моргнула Ксюша.

— Вот именно! — с внезапной порывистостью Артур обхватил её лицо руками. — Никогда не сочувствуй им! Никогда не помогай, поняла?!

Не в состоянии кивнуть, Ксюша, сглотнув, выдавила слабое «да».

— Хорошо, — успокоившись, Артур погладил её по щеке. — Я не вижу иного выхода, кроме как открыть тебе глаза. Но это твоё решение. Ты можешь остаться здесь и понадеяться на лучшее — или уйти, если боишься. Забыть всё, как страшный сон.



В носу защипало, Ксюша прикусила задрожавшую губу. Вот как, значит... так просто...

— Ты меня прогоняешь? — срывающимся голосом прошептала она, глядя на Артура. — Хочешь, чтоб я ушла?

— Да нет же, — тепло улыбнулся он, и нежный, родной мужчина на миг вернулся снова. — Я очень хочу быть с тобой. Но еще больше я хочу, чтобы ты была счастлива, спокойна и в безопасности.

— Это возможно только рядом с тобой, — не заметив скатившихся по щекам слез тихо отозвалась Ксюша. — Я буду только там, где ты. И видеть хочу то, что видишь ты.

— Уверена? — негромко переспросил Артур, ласково вытирая её щеки.

Ксюша, едва слышно шмыгнув, закивала.

— Да, — твёрдо ответила она.

## 18. Новый мир, новая судьба

В кухне повисла такая тишина, что стало слышно, как работает холодильник и завывает за окном разгулявшийся ветер.

Артур подался вперед, наклонился волнительно-близко, обхватив руками голову Ксюши и прижавшись к её лбу. Прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться, не видеть её испуганного взгляда, и мысленно принялся читать заклинание. Возможно, это действительно стоило сделать раньше — а может, опасно было делать и сейчас. Слишком много вероятностей, слишком запутанный рисунок будущего, не получалось рассмотреть толком. Порой даже шаману приходится рисковать, а не подглядывать в судьбы.

Короткое заклинание повторилось несколько раз — и Артур ощутил, как холодная, колючая волна отхлынула от его лба на лоб Ксюши, будто брызнули в лицо ледяной водой. Она вздрогнула, зажмурилась, а когда открыла глаза — так сильно отпрянула, что чуть не свалилась с его колен. Да, он знал, что она видит, он сам когда-то не мог привыкнуть...

А Ксюше казалось, что она сошла с ума. В ушах, словно шелест пузырьков под водой, беспрестанно звучал чей-то шёпот: то отдаляясь, то приближаясь, сменяя голоса и, кажется, язык — но при этом оставаясь по-прежнему неразборчивым. Она старалась понять хоть слово, но от этого становилось лишь хуже, звуки множились эхом, как в глубокой пещере. Но ужаснее всего было не это. Ксюша теперь почти ничего не видела. Перед глазами плавали, двигались дергано и рвано, периодически замирая, цветные линии и пятна. Всё вокруг размылось, исказило свои очертания, превратилось в яркое месиво, и от этого калейдоскопа она окончательно теряла ориентацию в пространстве.

— Где ты... — жалобно позвала Ксюша, протягивая вперед руки и с трудом понимая, к чему прикасается. Её охватила паника.

— Тише, я здесь, — голос, заглушив на миг навязчивый шепот, раздался совсем близко. — Сосредоточься на настоящем.

— Я не могу! — отчаянно выпалила Ксюша. Что он с ней сделал?! Как она теперь жить будет?

Теплая ладонь легла на лоб, скользнула ниже, заставляя закрыть глаза. Легкое дыхание коснулось лица.

— Сосредоточься на мне, — шепнул Артур, но Ксюша это услышала.

А в следующее мгновение губы накрыл сладкий, крепкий поцелуй. Ксюша дернулась, не понимая, что происходит, при чём тут это, когда она уже готова потерять рассудок — но Артур не позволил ей отстраниться. Он ласкал её губы, мягко, но настойчиво прорвался внутрь, принялся играть с языком, едва задевая и отступая, заставляя тянуться следом, отыскивал те чувствительные уголки её рта, о которых Ксюша и не подозревала. Это был не просто поцелуй: они будто занимались любовью, здесь и сейчас, почти не касаясь друг друга.

И это действительно сработало — когда Артур наконец отпустил её, Ксюша едва могла отдышаться и усидеть на месте — но уже не слышала никакого шёпота. Она осторожно подняла веки, посмотрела на близкое, родное лицо и тихо охнула.

— Твои глаза!

Глубокая синева плескалась, словно летнее море, играла бликами и мелкими икрами, а

где-то там, в отражении, Ксюша видела совсем не себя, а всё более четкие, странные силуэты. Она осторожно коснулась щеки Артура, и тут же вновь удивленно перевела взгляд на легкое, теплое свечение, исходящее от собственной кожи.

— И мои руки!

Артур слабо улыбнулся. Ксюшу ждало ещё множество открытий, и не все из них окажутся приятными.

Как раз в этот момент она заметила что-то за его спиной, подняла глаза и резко подскочила на ноги.

— Ты, ты видишь их?! — испуганно воскликнула Ксюша.

Артур даже не обернулся.

— Да, — спокойно ответил он. — Это Жанна и Трэя, мои призраки.

— И... и они всегда рядом? — Ксюша нервно зарделась.

— Нет, — успокоил её Артур.

Сглотнув, она вновь перевела взгляд на двух молодых, современно одетых девушек. Та, что стояла за левым плечом, казалась чуть старше: из-за строгой прически, делового платья и хмурого взгляда. Судя по выражению лица, знакомству она была не рада, и потому Ксюша повернулась ко второй, в джинсах и с короткой стрижкой, зябко обхватившей себя руками и опустившей голову. Осознание вломилось в мозг внезапно и бесцеремонно, словно выбив дверь с ноги, засыпало короткими, яркими образами, от которых сжалось сердце и брызнули слёзы.

Ксюша бросилась вперед, заключила ошарашенную, замершую в нерешительности Жанну в объятия, и на груди последней стало расплываться яркое пятно.

— Нет! — рявкнул Артур, вскакивая, перехватывая Ксюшу за талию и рывком одергивая от призрака. — Сгинь немедленно! — приказал он Жанне, и та действительно растворилась в воздухе.

А Ксюша, тихо всхлипывая и оттирая кулачками щёки, болезненно сжалась на стуле.

— Никогда. Их. Не. Жалей! — с расстановкой выпалил Артур, оборачиваясь к ней. — Ты же сказала, что тебе понятно!

Еще больше нахохлившись от его грубости и своего промаха, Ксюша, шмыгая, затрясла головой.

— Но она... её... как так можно?! Ты же сам всё знаешь, да?!

— Знаю, — смягчаясь и успокаиваясь, произнёс Артур. Он не думал, что будет так сложно. — Но пойми, счастливые люди не становятся призраками. Тут уже ничего не изменишь. А если ты будешь отдавать им себя и принимать чужую боль...

Он внезапно осекся, опустил взгляд, растирая лоб.

— Тебе сейчас с учебы позвонят, успокойся немного. А то и правда подумают лишнее.

Ксюша прерывисто выдохнула, кивнув. Внутренне она противилась запрету Артура, считала его неправильным, но в то же время чувствовала, что у шамана на это свои причины, которыми он делиться не хочет.

— Я пойду переоденусь, — чуть хрипло проговорила она. — После этого всего...

— Хочется душ принять, знаю. Я тоже через это прошел, а ты старше, ты не одна. Мы справимся.

Ксюша невесело улыбнулась, бросив взгляд за его спину, и отправилась в свою комнату. Вскоре в тишине дома действительно раздался телефонный звонок.

— Как она теперь продолжит обучение? — послышался из-за левого плеча Артура

холодный голос.

Тот тяжело вздохнул, зажмурил на мгновение слипавшиеся глаза и отправился варить себе кофе. Надо что-то придумать, как-то обезопасить Ксюшин сон, пока она не научилась чутко реагировать на призраков и прочих. Понаблюдать за ней первое время... Странно как-то она себя ведет.

— Привыкнет, — занятый своими мыслями, коротко отозвался Артур.

— В университете полно монстров! — возмутилась Трэя, заставив удивленно обернуться.

— Ты же сама хотела, чтобы я скорее открыл ей глаза, — с подозрением оглядывая призрака, произнёс Артур — однако Трэю это замечание несколько не смутило.

— Моё отношение к ней поменялось.

— Не должно быть у тебя никакого отношения! — чуть более резко, чем обычно, он водрузил турку на плиту. — Что происходит, я тебя не узнаю!

Ответа не последовало. Артур вновь обернулся, но Трэи за спиной уже не было.

В шуме потоков воды Ксюше вновь стало казаться, что она слышит голоса — и пришлось как можно быстрее вылезать из душа. Староста — пока что староста, не методист — звонила узнать, что произошло, почему одна из лучших студенток, не пропустившая с начала года ни одной пары, внезапно перестала ходить на занятия. Предложила отправить фотографии домашней работы, конспектов или навестить дома, но Ксюша поспешно отказалась, сославшись на грипп и высокую температуру. Врать было противно и страшно, но иного ей просто в голову не пришло.

Полностью занятая своими переживаниями, замотанная в банное полотенце Ксюша вернулась в комнату — и едва не закричала, увидев сидящую на подоконнике Жанну. Та плавно соскочила на пол и сделала шаг к ней.

— Прости, я не хотела тебя пугать, — примирительно произнесла Жанна, — и нанести тебе вред я тоже не могу, не бойся.

— Отвернись тогда, — буркнула Ксюша, потянувшись за чистой одеждой.

Жанна с усмешкой повиновалась и продолжила, разглядывая хорошо знакомую стену.

— Я пришла, потому что хочу с тобой подружиться.

— Подружиться? — удивленно переспросила Ксюша, оборачиваясь через плечо. — А разве...

— Призраки такие же люди, почему нет? — Жанна пожала плечами и повернулась обратно, зная, что собеседница уже закончила одеваться. Так смешно наблюдать это смущение после того, как побывала внутри... — Когда человек делится своей энергией с кем бы то ни было, он передает частичку себя. Мысли, чувства, воспоминания. Чем меньше энергии, тем более поверхностные. — Ксюша застыла, насупившись и сложив руки на груди. Она, казалась настороженной, не понимающей, к чему весь этот разговор. — Я очень благодарна тебе за сочувствие и энергию, хоть шеф ругает за это. Он прав, но... я не ощущала подобного даже при жизни.

— Этого больше не повторится, — глухо отозвалась Ксюша. — Я не слушаюсь Артура.

— Я и не прошу, — беспечно улыбнувшись, Жанна тряхнула головой. — Гораздо важнее, что в этот момент я узнала, как сильно ты его любишь.

Ксюша прижала кулачок к груди, будто пыталась таким образом закрыться.

— Это личное, так что...

— Он для меня как командир, — попыталась пояснить Жанна. — Тот, от кого каждую секунду зависит моя жизнь. Поэтому я очень рада, что шеф наконец-то нашел себе такую хорошую девушку. У него очень давно не было никого живого.

— Жи... живого? — запинаясь, повторила Ксюша. И добавила, сама боясь своего вопроса: — Он что, раньше встречался с призраками?

— Ну, он... — начала Жанна, и тут в комнате возникла разъяренная Трэя. Побелевшие губы её превратились в тонкую линию, голубые глаза метали молнии — так что даже Ксюша испуганно отшатнулась. Широко замахнувшись, она без лишних слов вlepила Жанне тяжелую пощёчину, и лишь затем рассерженно выпалила:

— Сгинь немедленно и больше не смей трепаться о господине! Иначе я ему всё расскажу — и ты вечно будешь сидеть в ларце!

Жанна, поджав губу, мгновенно исчезла, а Трэя обернулась к попятившейся к стене Ксюше.

— Личная жизнь и прошлое господина — табу, — произнесла призрак уже спокойнее, но так же строго. — И мы не имеем права делиться ими с кем бы то ни было без его позволения. Жанна неплохая девушка, но слишком легкомысленная, а тебе не следует заводить дружбу с каждым, кого теперь можешь увидеть.

— Но я... — попыталась возразить Ксюша, окончательно растерявшись от такого напора.

— А ещё она была влюблена в своего командира, так что думай сама, — Трэя насмешливо хмыкнула, смерив Ксюшу взглядом. — Сними его рубашку. Господина это провоцирует, а он слишком устал, вычищая дом для твоей же безопасности. Не стоит ему тратить последние силы на подобные глупости.

Трэя исчезла, оставив тяжесть обиды на сердце и волнение в душе Ксюши. Почему, почему этот призрак так её ненавидит?! Она ведь не сделала ей ничего плохого!

— Я не глупость, — тихо процедила Ксюша, сжав кулачки. — И я не «кто бы то ни было». Сейчас приготовлю Артуру лучший пирог в его жизни — и пусть смотрит на меня, если ему так нравится.

# 19. Не лучший день

Это был очень странный вечер.

Ксюша хлопотала на кухне, изредка бросая незаметные, короткие взгляды на молчавший мобильник; Артур сидел за столом, на котором разложил какие-то шаманские предметы вроде камней, перьев, связок трав и резных щепок — и вроде как колдовал. На деле же он, подперев голову ладонью, в полудреме следил за перемещением белого пятна его рубашки, одновременно восстанавливая силы и охраняя Ксюшу. Опасение, что чужак остался в доме, не имело под собой никаких оснований, однако никуда не исчезало. Как и беспокойство за носительницу нового Источника.

А кроме того, Ксюша теперь светилась вовсю — и это немного ослепляло, мешало её читать, заглядывать в судьбу или в мысли. Разве что по интенсивности и оттенку сияния от мог определить настроение.

— Что тебя так тревожит? — тихо поинтересовался Артур, и металлическая миска, которую Ксюша намеревалась мыть, с грохотом упала на пол.

— Н-ничего, — испугавшись больше своей неловкости, пробормотала та, порывисто поднимая посуду и протирая пол. — Просто задумалась о всяком.

— О чем, например? — настаивал Артур. По кухне поплыл изумительный аромат, спать всё равно расхотелось.

Ксюша замаялась. Голова была занята множеством мыслей, от дальнейшей учёбы до характера встреченных призраков, но Ксюша чувствовала, что самый главный вопрос задавать не стоит. В прошлый раз, когда она упомянула о подобном, Артур очень, очень рассердился...

— Глупости, — отвернувшись к мойке, буркнула Ксюша.

За спиной тихо проехали по полу ножки стула, и по позвоночнику пробежали мурашки. А спустя минуту Артур действительно подошел к ней, обнял сзади, положив голову на плечо и произнёс укоризненно:

— Мне не нравится, когда ты так поступаешь. Если для тебя это важно — значит, не глупости. Или ты что-то от меня скрываешь?

Ксюша нервно сглотнула.

— А разве это возможно? — с неестественным смешком выдавила она. — Хорошо, я... я просто хотела бы знать — ты был женат?

Спину моментально обдало холодом. Нет, Артур не отстранился, не вздрогнул, Ксюша сама не поняла, как это почувствовала — будто его сердце на мгновение сжалось от какой-то сильной эмоции. У неё самой волосы на затылке встали дыбом.

— Ты помнишь сказку о Синей бороде? — глухо произнёс Артур, и Ксюше стало не по себе. Что-то было в голосе, в словах, заставившее её ощутить испуг. И даже объятья Артура вдруг показались не такими уж безопасными.

— Да, — произнесла она, нервно сжимая край миски и понимая, что сейчас каждое её движение у него на виду.

— Она учит тому, что порой не стоит совать нос в закрытые комнаты.

— Разве? — хрипло от волнения возразила Ксюша. — А я думала, тому, что надо выяснить все странности будущего супруга еще до свадьбы.

— Это так важно для тебя? — голос звучал как-то непривычно, она никак не могла понять скрывавшуюся в нём эмоцию.

— При первой встрече мне пришлось признаться, что я девственница, — не желала уступать Ксюша. Раз уж начала — надо идти до конца. — Это нечестно!

Не выдержав, она развернулась и посмотрела ему в глаза. Маленький мальчик... да, там точно был маленький мальчик... и девочка... рыжая, в сером мешковатом наряде.

— Хватит меня читать, — Артур моргнул, и видение исчезло. Он не понимал, как, у Ксюши не должно было быть подобных способностей — но опознать то, что много раз делал сам, не составляло труда. — В этой жизни я не был женат.

— В этом теле, — нахмурилась Ксюша. — Жизнь у тебя одна, разве не так?

Странно, что она вдруг так зацепилась за это. Ксюша сама не понимала, что с ней происходит — в иной ситуации она бы уже двести раз извинилась, что посмела задавать такие неприятные, личные вопросы. Но сейчас... она чувствовала, что касалась чего-то запретного, скрытого — и она меньше всего хотела, чтобы подобное было в её отношениях.

И чем дальше Артур избегал прямого ответа, тем сильнее Ксюша желала его услышать.

— Да, я был женат, — наконец произнёс он нехотя. — В первой жизни. Она умерла вскоре после венчания.

Ксюша отпрянула, закрыв рот рукой и проклиная себя, на чем свет стоит. Вот дура-то! Из-за своего любопытства причинила Артуру такую боль! Хотелось броситься извиняться, да только что, действительно, изменят пустые слова?

— Мне очень жаль, — собравшись с силами, выдавила она. — Прости, что спросила.

— Угу, — Артур отвёл погасший взгляд. — Не стоит копаться в прошлом. Это так, на будущее.

Ксюша тряхнув головой, бросилась ему на шею, крепко прижимая к себе.

— Ты моё будущее, — прошептала она. — Не надо меня учить для кого-то, говори про себя.

— Да, и это тоже, — ответил Артур, задумчиво перебирая светлые пряди. — С Источниками всё иначе. Вы слишком яркие. Я не могу больше читать твою судьбу, ты для меня... недосыгаема.

— Да что ты говоришь такое, я вся твоя! — Ксюша отстранилась, изумленно глядя в его глаза. — Неужели ты думаешь, что я из тех, кто запросто уйдёт?

Она вспомнила слова Жанны: мысли, чувства, воспоминания — всё передаётся через энергию; и захотела поделиться с Артуром своей. Это снимет остатки его усталости, поможет ощутить её любовь, перебьет неприятное послевкусие этого напряженного разговора.

Ладони Ксюши стали заметно теплее, но внезапная мысль заставила её остановиться: Артур мог узнать о том, что она предпочла бы скрыть. Как бы странно это ни звучало.

— Я пойду готовиться, посетитель скоро придет, — прервал Артур затянувшееся молчание и шагнул в сторону, но Ксюша успела поймать его за руку. Посмотрела виновато и умоляюще. — Пирог пригорает.

Ксюша кинулась к духовке, а Артур вышел из кухни.

Ксюша осталась совсем одна. Вздохнув, она водрузила пирог на решетку — остывать, выключила духовку и потянулась за мобильником. Ни одного нового сообщения, Никита ей не ответил. Еще и с Артуром разругались на пустом месте. А ведь сегодня утром Ксюша была уверена, что всё у них будет идеально, всегда-всегда... и вот один нелепый вопрос эту

идиллию испортил. «Но если ему до сих пор так больно, — прикладывая руку к груди, на которую будто опустили тяжелую плиту, думала Ксюша, — если вопрос о бывшей жене вызывает такую реакцию... разве это не значит, что он её ещё не отпустил? Даже после того, как мы...»

За спиной что-то беззвучно прощмыгнуло, заставив резко обернуться.

— Жанна? — позвала Ксюша в пустоту. — Трэя?

Ответа не последовало, и она испуганно прижалась к столешнице.

Внезапно совсем в другой стороне, слева от Ксюши, раздался чавкающий шлепок, заставив дернуться и отпрянуть — пирог необъяснимым образом свалился на пол, и вишнёвая начинка растеклась похожим на кровь бордовым пятном.

«Зачем она спросила? — думал Артур, навешивая в гостиной привычные защитные заклинания, которые сгорели днем при зачистке. — И зачем я так отреагировал? Не мог, что ли, сдерживать эмоции, сразу ответить — и закончить с этим? Почему женщин вообще так интересуют те, кто был до них?»

Почему с источниками всегда так сложно? И даже Ксюша, такая тихая и послушная вначале, оказалась до ужаса упрямой... Тот холодок, что пробежал между ними из-за Мии, из-за внезапно всколыхнувшихся воспоминаний, теперь вызывал чувство вины. Он ошибался. Нельзя избавиться от чувств, занимавших сердце столько лет, накрепко пустивших в нём корни — даже, если любовь превратилась в горечь, даже, если ты уже не можешь представить жизнь без другой. И Трэя сотню раз права — это делает его обычным мужчиной.

В дверь нерешительно постучали, и Артур отбросил свои мысли, сосредоточившись на работе.

Клиентов в тот вечер было несколько, а призраков Артур старался не подключать — он начал сомневаться в Трэе. Жанна же для много не подходила. Пришлось Артуру тратить время на душевные разговоры, игры в психолога и мотивирующий тренинг. И даже при выработанном годами навыке отключаться от собственных эмоций, это сильно изматывало.

Потом он решил еще раз проверить дом — безрезультатно, затем подготовился к поездке, которую запланировал на завтра — следовало избавиться от тех крох энергии, что остались в артефакте, заодно выяснить, где поблизости обитают пригодные для работы призраки. Но всё это можно было сделать лишь в особенном, отдаленном от города месте.

Смыв под душем остатки невеселых мыслей и переодевшись, где-то уже ближе к полуночи Артур заглянул на кухню — Ксюши там не было. Он отыскал её в спальне на втором этаже. Осторожно приоткрыв дверь, увидел свернувшуюся под одеялом и вроде как спящую, тихо прилег рядом — и Ксюша тут же прижалась к нему, уткнувшись носом в грудь.

— Прости, — прозвучало едва различимо. — Я больше ничего не спрошу, никогда.

Артур не ответил.

Нашел среди одеяла её лицо, принялся покрывать нежными поцелуями соленые щеки, чувствуя, что Ксюшу трясет от новых, едва сдерживаемых слёз. И в какой-то момент она не выдержала, разрыдалась, отпуская на волю свой весь страх. Кусая губы, отчаянно зажимая рот ладонями — но не в силах остановиться.

— Не надо, тш-ш, — Артур отнял её руки от лица, давая выплакаться в голос, обнял, ласково глядя по голове. — Что бы ни случилось — я буду с тобой. Даже, если рассоримся



— я всё равно буду любить тебя.

Ксюша вздрогнула и замерла. Тихо всхлипывая, подняла мокрые, блеснувшие в темноте глаза на Артура, не в силах даже переспросить, убедиться, не ослышалась ли.

— Ты... — едва выдохнула она.

— Люблю тебя, — уверенно продолжил Артур, глядя ей в глаза. И прижался поцелуем к губам вспыхнувшей, засиявшей Ксюши.

## 20. Тёмный омут

Ксюша так перенервничала, что даже не отвечала почти на его ласки — и Артур оставил её в покое. Обнял, позволил уютно свернуться у него на груди, и очень скоро оба провалились в глубокий сон.

Только вот почему-то Артур вновь оказался в своей комнате. Он не заказывал это, его больше некому было вытянуть — и тем не менее, это определенно являлось тем самым типом реалистичных сновидений, которые и не сновидения вовсе. Артур порывисто оглянулся, ощутив чье-то присутствие, и изумленно обнаружил мучительно знакомый силуэт в паре шагов.

Сердце дрогнуло и оборвалось, болезненно рухнув куда-то вниз.

— Мия, — непослушными губами прошептал Артур, когда девушка шагнула к нему, и отблески тусклого света легли на её лицо. Она была в том самом платье: немного нелепом, простеньком, молочного-белом, так подчеркивающим её красоту и молодость... в котором она тайно венчалась. — Я искал тебя, я не мог поверить в то, что ты ушла. Почему ты скрывалась?

Мия грустно улыбнулась, накрыв его щеку своей ладонью. Она стала ещё теплее, и Мия тянула к себе, кружила голову, от неё невозможно было оторвать взгляд.

— Я в последний момент поняла, что не могу тебя бросить, — тихо призналась она. — Как тот человек, что летит с моста — и осознает, какой мелочью были его проблемы. Но уже слишком поздно. Я вырвалась, но была уже так слаба... А ты, к тому же, оказался очень занят.

В последних её словах послышался мягкий укор, и внутри у Артура гадко заныло. Это всё неправильно... Да, он мечтал о еще одной встрече, но теперь многое изменилось, рядом была Ксюша...

— На счет этого, — беря себя в руки, как можно уверенней начал Артур, — нам надо поговорить.

Ему тяжело это давалось. Артур уже понял, кто осушил артефакт — его рискованный шаг обернулся для Мии спасением, возможностью удержаться в этом мире, даже стать чуть сильнее — она ведь так долго противилась любой его помощи. А человека всегда тянет к его энергии: как мать к ребенку, как давних супругов друг к другу, как Ксюшу влекло к странному малахитовому шару, казавшемуся теплым и милым — хотя её силы в нём было совсем немного. Это невозможно преодолеть, это в самой сути существования: если поделился энергией, значит — родные.

— Поговорим потом, — тонкий пальчик прижался к губам Артура, призывая к молчанию. То, что она хотела сказать, было гораздо важнее. — Когда я осознала, что это конец, я могла думать только об одном...

— Мия, — вновь попытался перебить Артур. Всего лишь разговор — но он уже чувствовал, что всё заходит слишком далеко. Его затягивало в омут этих глаз, хотя разум еще отчаянно бился на поверхности — вот только сил оставалось всё меньше.

— Мне вечности с тобой мало, — не обращая внимания на эти попытки, закончила Мия и тут же прижалась к губам Артура.

Того словно током ударило. Пекущие, горячие до боли разряды прокатились до самых

кончиков пальцев — и самообладание медленно пошло на дно.

— Мы с тобой теперь одно целое, — прошептала Мия, отстраняясь и заглядывая ему в глаза. Её горячие пальцы, едва касаясь, вычерчивали на обнаженной груди Артура невидимые узоры, медленно спускались ниже, и вот уже короткие ноготки царапнули низ живота, у самой резинки брюк, заставив инстинктивно вздрогнуть и отпрянуть, одновременно ощутив дразнящий укол удовольствия. — Получить такое количество *тебя*... Я еще никогда так глубоко не заглядывала в твоё сердце.

Еще один поцелуй: нежный, долгий, но на удивление волнующий, разбудил внутри почти угасший огонь. Из-под серого пепла пробилась новые всполохи, лизнули тело горячие языки пламени. Артур сам не заметил, как Мия расстегнула несколько пуговиц, и платье начало медленно сползать с её плеч.

— Помнишь нашу первую ночь? — с легкой улыбкой спросила Мия. Она и так знала ответ. — Это было ужасно нелепо, правда?

— Это было прекрасно, — хрипло возразил Артур. Такие вещи не забываются и через триста лет, и через тысячу новых ночей.

Мия спрятала усмешку, опуская голову. Её ладонь нырнула за широкую резинку брюк, одним легким прикосновением выбив воздух из легких, а грудь Артура защекотало горячее дыхание вперемежку с влажными поцелуями, сползавшими всё ниже.

— Я видела твои самые потаённые желания, сердце моё. То, о чём ты даже просить не решался.

Артур, прикрывая глаза, тяжело облокотился на ближайшую стену. Гулкая, душная глубина пульсом стучала в ушах, ядом проникала в вены, ласкала его тело тысячью жадных прикосновений. Воспитанная в строгости, Мия и после смерти оставалась верна своим представлениям — и ему хватало, всё компенсировалось обоюдной страстью. Вот только сегодня она будто с ума сошла, превратилась в его личное наваждение, готовое лишить последней ясной мысли.

И ощущение, что это неправильно, это самое настоящее предательство, смело мощной волной захлестнувшего наслаждения. Они всегда были вместе. Нет ничего более постоянного и верного в этом мире.

Артур огладил ладонями обнимавшие его белоснежные бедра, смахнул щекотавшие живот длинные рыжие волосы — и потянулся выше, к тяжело вздымавшейся полной груди, всего пару минут назад плавно покачивавшейся перед глазами. Мия, устало выдохнув, довольно улыбнулась, глянула на него из-под полуприкрытых век и медленно опустилась на плечо, давая им обоим время прийти в себя.

Говорить ни о чём не хотелось, да и сил не было, вот только, отрешенно накручивая на палец волнистую огненную прядь, Артур вдруг произнёс:

— Но Ксюша...

Мия, несколько не смутившись и не обидевшись, поднялась на локте, подперла голову ладонью, тепло и строго глядя ему в глаза.

— Я понимаю, ты взрослый мужчина, Аргус, тебе это нужно, — спокойно начала она, но почему-то от этих слов ком встал в горле, — и прощаю, как прощала всегда. Но оставь девочку в покое. Она любит в тебе мудрого взрослого, защитника, но не знает так, как знаю я. А если ты только пожелаешь, — она ласково провела ладонью по его лбу, смахивая влажные волосы и наклоняясь еще ближе, — ты знаешь, как получить нас обеих.

Артур не ответил, но Миeхватило его молчания и долгого взгляда.

— Я вижу, ты действительно этого очень хочешь, — прошептала она, вновь потянувшись к его губам. — Так сделай.

Ксюша проснулась позже обычного, с лёгкой головной болью — погода опять капризничала, мороз сменился потеплением, небо затянули тяжелые серые тучи. Артура рядом не было, даже смятого следа от него на кровати не осталось. Будто ей всё это приснилось.

Но нет, Ксюшу было не обмануть, она точно помнила и свои слёзы, и его признание! Это было! Он сказал, он вправду сказал это!

Улыбнувшись и сладко потянувшись, Ксюша отправилась в душ, затем, переодевшись — на кухню. Артура и там не обнаружилось, зато на столе лежала записка, нацарапанная странным, небрежным почерком, будто писавший куда-то спешил.

«Уехал по делам. Буду поздно, не жди»

Ксюше отчего-то стало не по себе от коротких, рубленых фраз, среди которых и обращения-то не было. А ещё это «не жди»... Конечно же, она будет ждать!

Вздыхнув, она прислушалась: в доме, как всегда, было слишком тихо. Ничего странного она больше не видела и не ощущала, будто никаких способностей не открылось. Но кто же тогда вчера...

— Доброе утро, — Трэя возникла перед ней так внезапно, что Ксюша, охнув, отпрянула. — Не стоит меня бояться. Чужак тоже найден.

— Да? — пытаюсь взять себя в руки и не показывать испуга перед этим недружелюбным призраком, переспросила Ксюша. — И что это было? Артур его поймал?

— Поймал, — как-то нехорошо усмехнулась Трэя. — Вернулся призрак его жены.

— Призрак... жены? — пробормотала Ксюша. Внезапно слова Жанны про живых девушек обрели новый смысл. Если призрак «вернулся», получается, он тут уже был... и кто знает, когда и как долго.

— И что с того? — вздернув бровь, чтобы придать лицу надменное выражение — что у неё, конечно, абсолютно не получилось, поинтересовалась Ксюша. — Она не выйдет познакомиться?

— Вряд ли она воспринимает тебя настолько серьёзно, чтобы знакомиться, — хмуро заметила Трэя. — Но на твоём месте я бы бежала из этого дома, как можно быстрее, потому что... — она замерла, прислушиваясь, потом продолжила тише, — потому что господин захочет поместить её призрак в тебя. Навсегда. Сочетать молодое, привлекательное тело и дорогую ему личность. Вот только ты при этом свою личность потеряешь.

В груди разлился леденящий холод, волосы на затылке встали дыбом. То, что Ксюша сейчас слышала, звучало чудовищно, но отчего-то она этому верила. Возможно, этот призрак просто недолюбливает её и таким образом пытается избавиться? Но зачем врать, ведь правда очень быстро всплывёт, и Артур будет в ярости. Если только...

— Артур не сделает этого! — отчаянно выкрикнула Ксюша. — Он любит меня!

— И сколько он тебя любит, пару дней? — с издевкой переспросила Трэя. — С этой женщиной он с первой своей жизни, несколько сотен лет они вместе. Думаешь, легкое увлечение в таких случаях что-то значит? А кроме того, она получила много, очень много его энергии.

Ксюша уже ничего не могла ответить, и Трэя пояснила, догадавшись, что она не

понимает:

— Тот, кому столько отдаешь, становится для тебя бесценным... и немного забавно, что изначально энергия предназначалась тебе. Но даже, если закрыть на это глаза... ещё в ту ночь, когда ты замерзла под дождем, когда господин обнаружил в тебе источник — он уже намеревался его разбудить. И, думаю, именно для этой цели. Но в то время Мия куда-то пропала, я не чувствовала её в доме — а вчера она вернулась, и больше ничего господина не сдерживает.

Колени подкосились, и Ксюша тяжело опустилась на ближайший стул.

Мелкие детали начали выстраиваться в логичную цепочку, многие вещи внезапно стали совсем не такими, какими казались вначале. Она поверила в его любовь, потому что так хотела верить... совсем забыла, кто она такая. Какой красавец прельстится на подобную простушку, вечно извиняющуюся, без работы и крыши над головой? Она ведь действительно не может ему дать ничего, кроме своей энергии и своего тела. А чувства... как видно, совсем не интересуют, ведь есть жена... И разговор о Синей бороде вчера не был случайностью.

— Он не будет меня искать? — поднимая пустой взгляд, спросила Ксюша.

Трзя покачала головой.

— Вряд ли. Каждый вечер сюда приходят подходящие претендентки. Просто с призраком внутри обычные девушки быстро зачахнут — но кого это волнует?

— И правда, — тихо прошептала Ксюша.

Поднялась на непослушные ноги и медленно побрела на второй этаж — собирать немногочисленные вещи. Слабо надеясь, что сможет справиться с этим.

## 21. Страшная

Ксюша быстро и тихо покинула дом, в котором намеревалась прожить долгую и счастливую жизнь. Она даже не плакала, вообще ничего не чувствовала, кроме пустоты и холода внутри, и думать ни о чем не могла. Под ногами, стоило сделать несколько шагов от дома, замелькали какие-то неясные полупрозрачные существа, похожие на медуз, по углам переулка расплзлись странные тени. Над головой глухо прогремел гром, Ксюша подняла глаза к небу и вздрогнула, заметив мясистые зеленоватые щупальца, спускавшиеся из туч на горизонте. Вновь опустив подбородок, она обхватила себя руками и поспешила к остановке.

Однако в окружении людей стало только хуже. Вернулся неясный шепот — теперь казалось, будто он доносится отовсюду, от каждого. Заплясали в толпе на остановке цветные линии, будто кто-то обильно сыпал на головы горожан ярких железных червячков. Подошел автобус, раскрылись двери, поток занёс Ксюшу внутрь, прижав к одному из занятых сидений — и та едва не зажмурилась от брезгливости. Все поручни оказались покрыты мерзкой зеленоватой слизью, которая с чавканьем расплзалась под пальцами, стоило за неё схватиться. И еще анемоны. Да, призрачные анемоны были почти на каждом: присосавшись к разным частям тела, они покачивались, словно в неощутимом течении, распуская вокруг переливающиеся темные отростки.

Ксюша ощутила тошноту. Если это продолжится, она чокнется, еще не доехав до своей остановки. Артур учил — сосредоточься на настоящем. «Нет, он говорил сосредоточиться на нём и так сладко целовал», — внезапно мелькнула в голове непрощенная мысль, заставив зажмуриться и до боли закусить губу. И это помогло. Шепотки исчезли, призрачные существа потеряли четкость очертаний и почти рассеялись. Их можно еще было заметить боковым зрением или если присматриваться — но они больше не бросались в глаза.

Ксюша облегченно выдохнула, все равно невольно вытирая ладонь о джинсы.

Возле подъезда родного дома — куда не собиралась возвращаться ни за что и никогда — Ксюша замерла в нерешительности. Она уже знала, что сделает мать: весь вечер, не унимаясь, будет орать на неё, заставив стоять перед собой. Подберёт самые мерзкие сравнения, опустит до уровня придорожной девки, припомнит мельчайшие промахи. И только попробуй слово вставить — моментально получишь по губам. А потом еще долго будет огрызаться и вспоминать. Но всё это было, всё это можно выдержать. А вот что сделает отчим? При мысли о нём озноб прокатился по телу. Только, есть ли выбор? Этот мир оказался слишком опасен, если даже такой, как Артур — обманщик и предатель.

Тяжело вздохнув, Ксюша открыла дверь и шагнула в подъезд. Короткая задумчивость стоила ей концентрации, и призрачные сущности вновь стали слишком заметны — хотя в данном случае это оказалось только к лучшему. Грязная, исписанная маркером лестничная клетка со щербатыми ступенями и выбитыми стеклами в маленьких окошках превратилась в тропические заросли. Зеленый, лиловый, сиреневый мох покрывал почти все поверхности, свешивался с пролетов и расплзался из-под ног. В нём сновали маленькие насекомые, прыгали, как кузнечики, глазки на тоненьких лапках, важно переваливались похожие на перевернутую чашку большие жуки, сторонясь солнечного света. Ксюше, которая даже не догадывалась, с чем имеет дело, всё это казалось довольно забавным и милым.

Внезапно она услышала тихое мурчание и опустила взгляд: о её ноги терлась пушистая кошка, и даже в подупрозрачном состоянии можно было различить черепаховый окрас и выражение мордочки.

— Сима! — радостно воскликнула Ксюша.

Мама не разрешала заводить животных, но эту уже немолодую кошку Ксюша однажды встретила в городе, угостила кусочком хот-дога — и та бежала за ней до самого дома. Да так и осталась жить во дворе, в подвале, куда Ксюша тайком носила еду. Умерла кошка через несколько лет, то ли от старости, то ли от внезапной болезни... Ксюша очень скучала и безумно рада оказалась вновь встретить свою пушистую муфточку!

— Сима, хорошая моя, — приговаривала Ксюша, ласково глядя кошку по голове и ощущая под пальцами пушистый мех. А та довольно мурчала, выгибала спинку, подставляла уши, тыкалась влажным носом в ладонь и изредка лизала пальцы.

Ксюша даже не заметила, как пестрое тельце становилось ярче, наполнялось светом и теплом. В какой-то момент Сима открыла ярко-зеленые глаза, потянулась к её ладони — и запрыгнула внутрь.

Ксюша, вскрикнув от испуга, отдернула руку, но было уже поздно. Не веря своим глазам, она смотрела на маленький выступ под кожей, который очень быстро пропал — как будто и не было ничего.

— Вылезай, вылезай! — отчаянно трясая рукой, просила Ксюша, но это не помогало. Сима исчезла, она не чувствовала её, но почему-то была уверена, что кошка действительно где-то внутри.

Порывисто прижав руку к груди, чтобы ненароком ничего больше не задеть, Ксюша почти бегом продолжила подниматься по лестнице — и остановилась только у своей двери. Достала ключи, намереваясь её открыть, и вдруг обнаружила на створке новый замок. Понадеялась, что он не заперт — и совершенно зря. Попыталась засунуть в него старый ключ — и тут за спиной раздался скрип соседской двери и старый, скрипучий голос:

— Что, наркоманка, вернулась? Еще не все из родительской квартиры вынесла?

Ксюша медленно обернулась, не понимая, что обращаются к ней. На пороге стояла бабка лет восьмидесяти в грязном халате и с клюкой в руках.

— Что, простите? — переспросила Ксюша.

— Что-что, иди отсюда, пока милицию, тьфу, полицию не вызвала! — повышая голос и потрясая палкой, гаркнула соседка. — Приходит, обворовывает...

За её спиной, в тёмной квартире, откуда тянуло лекарствами и вонью, что-то мерзко шмякнулось. Ксюша подняла ошарашенный взгляд и различила медленно перемещавшееся в комнате бурое существо, похожее на огромного слизняка. На тонких, подвижных антенках подрагивало с десяток глаз-бусинок, и прежде, чем все они повернулись к ней, Ксюша кинулась вниз по лестнице.

Время приближалось к обеду и, хотя аппетита у Ксюши не было никакого, живот начал недовольно урчать. Накрапывал мелкий дождь, захотелось где-то присесть: но не на мокрую скамейку и не в кафе, где придется делать заказ — и ноги сами понесли Ксюшу в университет. Сегодня у них еще оставалось две пары, лекции для всего потока в больших аудиториях... в главном корпусе, над которым возвышался огромный чайный гриб.

Ксюша даже глаза потёрла, решив, что это галлюцинация. Но нет: распластавшись на крыше и свесив на три этажа блестящее бурое тельце, по которому изредка проскакивали

яркие всполохи, то ли растение, то ли существо лениво колыхалось, словно подзывая потоки студентов к себе. В общем-то, ничего страшного, отличная иллюстрация состояния мозга на лекции — и в нынешнем положении Ксюши — меньшая из проблем.

Сконцентрировавшись, та взяла себя в руки и отправилась внутрь, прежде всего в столовую, где и раньше привыкла не замечать маленьких жителей, а затем — на пару.

Большая, выстывшая аудитория амфитеатром спускалась к доске, две стены из четырёх занимали огромные панорамные окна, умытые потоками дождя — и от этого становилось ещё холоднее. Стараясь не попадаться на глаза одноклассникам, Ксюша заняла последний ряд и сделала вид, что пишет конспект. Она надеялась запомнить хотя бы часть, чтобы потом меньше тем перед экзаменом пришлось разбирать самой... но не получалось.

Сама аудитория, не смотря на окна, казалась ей перевернутым адским котлом: весь шум в ней множился эхом, хотя на первый взгляд никто и не переговаривался. Лектор мерно вышагивал перед доской, а на голове у него вертелось пушистое существо, размером с кошку, внешностью напомилавшее мартышку. И правда — усидеть на месте оно не могло ни минуты. Дергало лектора за уши, за воротник, за руки — но тот не обращал внимания, монотонно, как напев, рассказывая предмет. Тогда мартышка начала скакать по учительскому столу, по доске — и мел посыпался на пол, по первым партам — задирая студентов. Скатывались вниз ручки, выпадали из рук мобильные телефоны, раскрывались зонты и шелестели куртки. Девушки усиленно поправляли растрепавшиеся волосы, парни чесались там, где их задели острые коготки. Мартышка веселилась вовсю, наводя суету и шум в аудитории, пока лектор не прикрикнул, хлопнув ладонью по столу — и его зверюшка мигом вернулась на своё место, затихла на пару мгновений. А затем всё началось по новой.

Бубнёж продолжился с новой силой, и перед глазами всё поплыло. Лекторов стало несколько: вот он стоит в одном углу кабинета (пять лет своей жизни), в другом (ещё пять лет), вот что-то пишет у доски (года три). Формулы превращаются в нечитаемые белые закорючки, расползаются по тёмной поверхности, словно червячки по земле, с лёгким звоном сыплются на паркет и первомайской колонной движутся к входной двери. Им тоже нестерпимо скучно.

Аудитория замолкает, у многих слипаются веки. Сверху, прямо сквозь потолок, надвигаются плотные облака цвета кофе с молоком, заполняют аудиторию, едва не касаясь понурых голов — и вверх от студентов тянутся яркие искорки энергии. То, что сидит на крыше, то, что призвал лектор, вытягивает из них жизненную силу и желание что-то делать.

И только Ксюше было не до сна. Она понимала, что рано или поздно лекция закончится — и ей придётся покинуть относительно тёплую и сухую аудиторию. А на улице дождь и идти ей больше некуда.

Боковое зрение уловило какое-то движение, и Ксюша испуганно повернулась — беззвучно отбрасывая одно за другим откидные сидения в пустом ряду, к ней широкими прыжками неслось что-то тёмное и страшное. Что-то, похожее на передвигающегося на четырёх конечностях чёрного от тысячи мелко написанных на теле шаргалок, голого студента с горящими глазами. Ксюша от страха замерла, не в силах пошевелиться, чудовище подскочило вплотную — и вдруг, неожиданно для самой себя, Ксюша зашипела, словно кошка. «Тень студента» разорвало и развеяло в пространстве, как облачко дыма под сильной струёй воздуха, но вся аудитория оглянулась назад, а лектор оскорбленно замолчал. Даже гриб, дёрнувшись, втянулся обратно в потолок, как улитка в раковину.

— Девушка, да, вы, встаньте, — Ксюша, заливаясь краской и не находя себе места,



послушно поднялась на ноги. — Если вам не интересно, вы можете идти домой. — Мартышка на голове лектора изображала озлобленную гориллу, мелкую и писклявую, но смешно отчего-то не было. — Только не забудьте передать своим родителям, что они зря тратят деньги на ваше обучение. — Ксюша поступила на бюджет, получала стипендию, но она побоялась рот раскрыть, чтобы об этом напомнить. — Не всем суждено работать головой.

По аудитории прокатились сдавленные смешки, а Ксюша еще ниже опустила подбородок, давясь защипавшими глаза слезами. Если лектор что-то и хотел дополнить — она бы уже не услышала, но в этот самый момент раздался звонок на перемену и аудитория загудела, загремели стулья, зашуршали куртки, взвизгнули молнии рюкзаков.

Пытаясь слиться с толпой, ничего не замечая из-за kloкотавших в груди рыданий, Ксюша выскочила в холодный темный коридор и уткнулась головой в стену. Намеренно или нет, преподаватель ударил по самому больному сейчас, и она больше не могла сдерживаться: копившиеся с самого утра слёзы и отчаяние вырвались наружу, превратившись в молчаливую истерику..

И в этот момент кто-то приобнял её за талию.

## 22. Нежеланная встреча

Почувствовав на талии чужую руку, Ксюша нервно дёрнулась и отскочила в сторону, оглядываясь и всерьёз ожидая увидеть очередного призрака. Глубоко в сердце вспыхнула на мгновение тусклая искра надежды, что это Артур — но тут же погасла. В коридоре, мягко улыбаясь, стояла Люба — и Ксюша, шмыгнув, принялась поспешно оттирать слёзы.

— Что тебе надо? — угрюмо спросила она. — Позлорадствовать пришла?

— Да нет, — спокойно пожала плечами Люба. — Увидела, что ты ревёшь, решила узнать, что случилось. Вдруг жалеешь о том, что с Никитой рассталась.

— Не жалею, — буркнула Ксюша. О Никите после всего случившегося и его угроз она вообще предпочла бы не вспоминать. И самое главное, что на её сообщение с вопросом, как иначе они могут договориться, он промолчал. Как будто иного способа, кроме как вернуться, не было — или Никита специально её мучил, не давая ответа.

— А вот он жалеет, — притворно вздохнула Люба. — Зацепила ты его, видимо.

— Скорее, это Артур его зацепил, — пробормотала Ксюша. — Тебе-то что? Вы же с ним всё равно...

— Друзья, просто друзья, — Люба поправила тонкий ремешок модной сумочки. — Но с тобой я тоже хочу познакомиться ближе.

— Зачем? — Ксюша невольно отпрянула. Взглянула на Любу иначе, ожидая увидеть какую-нибудь змею на шее, но ничего подобного не заметила. Вокруг ладной фигуры слабо подрагивало шоколадного цвета свечение с алыми и рыжими точками, напоминавшими вкрапления мармелада. Голодной Ксюше, ничего не понимавшей в цвете ауры, захотелось есть.

— Ну, есть в тебе что-то, — пожала плечами Люба. — Внутренняя сила, упрямство. — Она добавила более доверительно и тихо: — Девчонки в моём окружении сидят на шее у родителей, интересуются всякими глупостями и вечно заглядывают мне в рот. Скучно. Я подумала... если Никита впервые приударил за кем-то серьёзным, так может, наконец стал взрослеть? А я с такими подругами из болота не вылезу.

Ксюша нахмурилась, обдумывая услышанное. Люба, конечно, недоговаривала, но причина вырисовывалась более-менее чётко: почувствовав, что вкусы любимого изменились, она решила им соответствовать, беря пример с последней девушки. Такая «дружба», конечно, долго не продержится, но и злого умысла за ней особого нет.

— Ну что? — осторожно приблизившись, Люба взяла Ксюшу под локоток. — Пошли чай пить?

Та в ответ согласно кивнула.

Без гостей квартира Любы казалась гораздо уютней. И больше. Ксюша ощутила давнюю неловкость, вспоминая, как убегала отсюда под удивленными взглядами друзей Никиты — и Люба, догадавшись об этом, похлопала её по плечу и жестом пригласила на кухню.

— Забей. Никита всерьёз считает, что женское «нет» — это замаскированное «да». В общем-то, всегда так и было... В любом случае, ты поставила его даже в более неловкое положение, чем себя.

— Прости, — тихо пробормотала Ксюша. Её это как-то не слишком порадовало или

успокоило, она никогда не считала, что «другим ещё хуже» может утешить.

— Это его проблемы, — Люба придвинула ей чашку с чаем. — Ваши отношения — это ваши отношения, выясняйте сами. У нас — свои. Угощайся.

— Хорошо, — кивнула Ксюша и взяла из вазочки преложенное печенье. Едва откусила — и сразу же поняла, что безумно хочет есть. Поэтому, вопреки хорошим манерам, тут же потянулась за следующим.

— Говорят, что ты ушла из дома, — тем временем словно невзначай произнесла Люба, искоса наблюдая за ней.

— Никита сказал, да? — уточнила Ксюша, прожевав очередное печенье. Никому, кроме него, она еще не рассказывала. А родители... судя по всему, так рады были спихнуть её с плеч, что ни в полицию, ни в университет не обращались. Хорошо хоть действительно кражу не приписали.

— Не важно, — отмахнулась Люба. — Скажи, каково это — жить со взрослым мужчиной? — В её голосе зазвучал неподдельный интерес, глаза загорелись предвкушением неприличных подробностей. — Он делал с тобой что-то странное? Просил о необычных вещах?

Ксюша вспомнила их совместный сон, их утренние поцелуи и то, как Артур открыл ей глаза — и, отложив печенье, грустно вздохнула.

— Нет, — тихо отозвалась она, почувствовав, как сжалось сердце и как сложно произнести следующую фразу. — И я там больше не живу.

— Он обидел тебя? — спохватилась Люба, накрыв рукой её ладонь. Тут даже Ксюша могла заметить, насколько всё наигранно и неестественно, какой театральщиной отдаёт этот жест. Люба была из тех, кто лишь порадуетя чужим проблемам — и обсудит последние сплетни с друзьями.

— Не в этом дело, — Ксюша не собиралась ничего рассказывать об Артуре, никому и никогда. — Просто неправильно это.

Люба, склонив голову на бок, окинула её странным взглядом. Кажется, она была совершенно иного мнения, но предпочла его не озвучивать. Спросила другое:

— И где ты будешь жить?

Хороший вопрос. За всё время в доме шамана Ксюша ни разу не пыталась исполнить своё обещание и найти новое жильё. Не успела, забыла, а после и вовсе решила, что отыскала свою семью... Как глупо. Она полностью доверилась едва знакомому мужчине — и вот теперь снова на улице, с ещё меньшим количеством денег и разбитым сердцем.

— Найду место, — едва слышно пробормотала она, пряча взгляд в пустой чашке.

— Понятно, — деловито отозвалась Люба. — Если хочешь, можешь пока пожить у меня. Мать в Ницце с очередным хахалем, вернётся только к середине февраля. Диван в твоём распоряжении, только не разводи бардак.

Наверное, она ждала, что Ксюша встрепенётся, хлопает в ладоши от радости, примется отчаянно благодарить — только ничего этого не случилось. «Бездомная сиротка» задумчиво молчала, покачивая пустую чашку. Она больше не верила в подобную доброту. И, хоть Люба и была девушкой — а это уже делало её предложение в чужих глазах более безопасным, соглашаться отчего-то не хотелось.

Вот только другого варианта у Ксюши действительно не было.

— Спасибо, — сдержанно отозвалась она, пообещав себе, что съедет при первой же возможности. — Мне нужно всего пару дней.

— Отлично, — Люба хлопнула в ладоши, негромко и мягко, будто ставя точку в этой теме. — Оставайся. Хочешь, я тебе погадаю?

Колючие мурашки пробежали по спине от этого предложения и недавних воспоминаний. Хотя, казалось, то время, когда они с Артуром еще были на «вы», осталось далеко в прошлом.

— Ну что? — переспросила Люба, доставая откуда-то из с верхних полок колоду карт.

— Мяу! — неожиданно для себя выпалила Ксюша, тут же испуганно захлопнув рот.

— Будем считать это согласием, — не показывая удивления, отозвалась Люба. — А теперь мысленно сформулируй вопрос и думай о нём.

Отодвинув печенье и чашки, она перетасовала и раскинула карты, предложила выбрать несколько... Ксюша не вникала. Она не разбиралась в гаданиях, тем более на таро, но оставалась абсолютно уверена, что никто не увидит её судьбу яснее Артура — и безо всяких карт. Она не верила Любе, считала происходящее сейчас обычной игрой, в которой не особо хотела участвовать. Но из вежливости приходилось терпеть.

— Хм, в прошлом у тебя вижу женщину, — начала Люба. — Черные волосы, алое сердце... много страсти. И мужчина с ней рядом. Что-то их связывает! Тут еще обман замешан...

«Ну да, ну да, — едва не закатывая глаза к потолку, думала Ксюша. — Рассказывай. Тут дерево какое-то нарисовано и шут подвешенный вниз головой, а не женщина».

— В настоящем, — страшно играя бровями, будто всамделишная гадалка, продолжала вещать Люба, — кошку и собаку вижу! Кошка к тебе бежит, а вот собака — между тобой и суженым!

Ксюша, вздохнув, подняла голову, невольно посмотрела Любе в глаза — и вздрогнула. В глубине её зрачков отражалась красивая молодая женщина: включенная, заплаканная, со смазанным макияжем и разбитым лицом. И совсем рядом что-то холодно блестело.

Люба внезапно рассмеялась и похлопала Ксюшу по руке, заставив дернуться еще сильнее. Видение пропало.

— Да не пугайся ты так, всё нормально будет! Найдёшь ты свою любовь и счастье. Сейчас посмотрим, что там в будущем... На пороге прямо...

Её фразу оборвал звонок в дверь — и Люба, быстро смешав карты, побежала открывать. А Ксюша напряженно выпрямилась на стуле, не догадываясь, кто бы это мог быть, но твёрдо зная, что Артур сюда не явится. Да и почему она еще надеется, что он её ищет...

— Не понял, кто у тебя в гостях? — переспросил Никита, заходя на кухню, и тут увидел Ксюшу. Брови его мгновенно нахмурились, на нижней челюсти проступили желваки — и Ксюша отпрянула бы, если б не сидела. — Зачем ты её позвала?! — уже выкрикнул он.

— Тихо! — оборвала Люба так же резко, но затем, видя, что Никита взял себя в руки, заговорила мягче: — Ксюша в непрестом положении сейчас, ей негде жить. Я приютила её на пару дней.

— Негде? — Никита нехорошо прищурился, переведя взгляд на притихшую Ксюшу. — Этот хмырь тебя попользовал и выгнал?

— Я пойду, — негромко, но твердо произнесла Ксюша, поднимаясь на ноги, однако в этот самый момент Люба дернула её обратно и стала наступать на Никиту.

— Прекрати так себя вести! — шипела она. — Не выставляй себя идиотом! Хочешь мириться — мирись сейчас. Нет — просто помолчи! — Не дожидаясь ответа от насупившегося Никиты, Люба отправилась к выходу из кухни и оглянулась лишь на

пороге. — Разговаривайте, — бросила она напоследок и скрылась в гостиной.

В помещении повисла напряженная тишина.

Никита буравил Ксюшу взглядом, а та демонстративно отвернулась, рассматривая неожиданно заинтересовавший её угол раковины. Говорить ни о чём не хотелось, хотелось, чтобы Никита просто ушёл.

— Так значит, встречи ваши продлились недолго, — внезапно заключил Никита.

Ксюша даже не повернулась в его сторону.

— Это тебя не касается, — отозвалась она.

— Ну как же не касается, — недобро ухмыльнулся тот, — если он тебя у меня увёл.

Ксюша удивленно, исподлобья глянула на Никиту, словно на ненормального.

— Это неправда... — начала она, но Никита лишь отмахнулся.

— Правда-правда, слепой не заметит разницу между нашими свиданиями. Какой ты была в первый вечер, в кафе и клубе, как целовалась после — и что с тобой случилось потом. Скажешь, это была не ты?!

Голос его, вначале спокойный, становился всё громче и отчаянней, и Ксюша не найдя, что ответить, поджала губу. Она еще могла оправдаться — исключительно для перед собой, не рассказывая Никите — что на первом свидании за неё был призрак... но ведь на последующие она пошла сама. И действительно Артур завладел её мыслями постепенно, вытеснил из них Никиту...

— Прости, — произнесла Ксюша тихо, опустив голову. — Ты прав. Но вернуться я не могу.

— Да и не надо, — отрывисто бросил Никита, заставив её удивленно вскинуть взгляд. — Не хочу ожидать каждый день удара в спину. Но просто так я тебя не отпущу.

Ксюша, поёжившись, обняла себя за плечи.

— Что тебе нужно? — разлепив мигом пересохшие губы, спросила она.

— Мелочь, — хмыкнул Никита.

Почему-то от этого ответа холодок забрался под кофту, приподнял волосы на затылке.

— И тогда ты оставишь меня в покое? Забудешь свои угрозы? — не веря, что всё это происходит на самом деле, продолжала допытываться Ксюша.

— Да, — уверенно кивнул Никита.

## 23. Серый пепел

— Ну что, помирились? — спросила Люба, вставая с дивана, когда в комнату вошли Ксюша и Никита.

— Разобрались, — серьёзно ответил тот.

Ксюша, не поднимая взгляда, молча кивнула.

— Ты иди пока в спальню, я сейчас, — бросил через плечо Никита, и Ксюша послушно покинула комнату, а Люба удивленно взметнула бровь. Никита наклонился к самому её уху, прошептал: — Камера твоей мамки, что мы нашли, ещё на месте?

Люба утвердительно кивнула, начиная догадываться, что он задумал.

— Только сам не пропалась, — тихо ответила она. — Белая стена напротив входа — лучше всего. Никаких деталей.

Никита лишь хмыкнул и отправился в спальню.

Ксюша ждала возле открытой двери, всё так же обхватив себя руками и опустив голову. Она сама не верила, что согласилась на подобное, даже учитывая, как сильно Никита мог испортить её жизнь. Но почему-то и жалости к себе никакой не осталось — ведь сама во всём виновата. Да и о чём жалеть? Она уже не та невинная девушка, она полностью открылась и доверилась мужчине, который...

Вернувшийся Никита прервал её невеселые мысли. Осторожно затянул в спальню, плотно прикрыл за собой дверь. От этого действия внезапно захотелось сбежать — словно захлопнулась дверца мышеловки, но Ксюша усилием воли осталась стоять на месте.

— Расслабься, — Никита поднял её лицо за подбородок, без тени вожделения или довольной ухмылки холодно заглянул в глаза. — Мне нужна естественность, понятно? В этот раз я не буду...

— Давай уже закончим быстрее, — сдавленно произнесла Ксюша, мотнув головой и высвобождаясь от его прикосновения.

— Ладно, — согласился он. — Встань к той стене.

Ксюша покорно подошла к белому, отлично освещенному прямоугольнику и замерла, не зная, чего ожидать. Никита так и не высказал свои условия прямо, она лишь уловила, что спать с ним не нужно — и от этого камень с души свалился.

— Я хочу тебя увидеть, — пояснил Никита, — считай это данью любопытству, что ли.

Ксюша непонимающе моргнула. Вот же она, сто раз уже видел.

— Раздевайся, — нахмурившись, резко приказал Никита и сложил руки на груди. — Не бойся, я тут постою.

До Ксюши наконец дошло. Это действительно не близость, но... Дрожащие пальцы легли на верхнюю пуговицу кофты. На том злосчастном дне рождения он её почти раздел... увидел практически всё. Так почему же ей так противно и страшно, почему этот равнодушный, ледяной взгляд даже в одежде заставляет ёжиться и прятаться? Это такая большая ошибка, такой неправильный постыдный поступок, о котором она будет жалеть до конца жизни — пусть даже никто не узнает. И не этого ли добивается Никита?

— Я не могу, — выдохнула Ксюша. — Не могу, когда ты смотришь.

Никита презрительно скривился. Достал из стоявшего рядом комода какой-то чёрный,

смотанный лоскут шелковой ткани, бросил Ксюше — и та едва поймала. Удивленно развернула в руках плотную повязку на глаза.

— Надевай, — поторопил Никита, и она послушалась.

Затянула сзади узелок и невольно приподняла подбородок. Дышать тоже почему-то стало труднее. Но зато Никита вёл себя так тихо, что Ксюша могла представить, будто в комнате действительно никого нет.

Глубоко вздохнув, она начала расстегивать пуговицы, и тут же получила недовольный окрик, холодом хлестнувший по спине:

— Помедленнее! Я не в раздевалке за тобой подглядываю!

Ксюша незаметно сжала зубы. Ладно, помедленнее так помедленнее. Будь её воля, она бы делала это так неторопливо, что Никита бы успел состариться и ослепнуть до того, как будет расстегнута вторая пуговица.

Но мечты оставались мечтами, а пуговицы имели свойство рано или поздно заканчиваться. Кофта свалилась куда-то на пол, в темноту.

— Джинсы, — отрывисто скомандовал Никита.

Внутренне содрогаясь, Ксюша сняла и их. Распрямилась, вновь обхватив себя руками, хотя холодно не было. Её начинало мелко трясти совсем по другой причине.

— Дальше.

Никакой эмоции в этом голосе, никакого упомянутого любопытства. Цепкий взгляд скользил по её телу, словно ледяные пальцы: не так мужчина смотрит на женщину, так покупатель оценивает товар. В горле отдало горечью, а голой лодыжки внезапно коснулось что-то липкое.

— Дальше! — прикрикнул Никита, заставив вздрогнуть.

Пальцы Ксюши легли на застежку бюстгалтера, но не смогли её открыть. Почему она должна подчиняться прихоти этого парня? Только из-за его угроз и обещаний? Но разве то, что происходит сейчас — не хуже этого в несколько раз? Руки задрожали сильнее, Ксюша спешно прикусила губу, боясь разрыдаться прямо сейчас. Что бы сказал Артур, узнав о подобном шаге? Пусть он и предал её, он учил уважать себя, а не смешивать с грязью. А то, что она делает...

В груди с едва заметным хлопком что-то лопнуло, словно тонкая оболочка мыльного пузыря — и по телу разлился обжигающий жар. Тут же покраснели уши и щеки, запекли кончики пальцев, в желудок будто ухнул глоток кипятка. Мгновенно прекратив дрожать, Ксюша сорвала с глаз повязку и выпалила:

— Я не буду этого делать!

И отшатнулась к стене, увидев комнату. Она ещё удивлялась, почему в этой квартире так «чисто», почему нигде ни одной даже мелкой призрачной зверюшки... А всё потому, что в маминой спальне жил отнюдь не Мойдодыр. мамина спальня сама была *чем-то*. Десятки лишенных каких-либо черт пустых лиц пробивались сквозь стены; в два раза больше длинных, влажных и липких рук беспрестанно колошматили воздух, ища добычу; сотни цепких пальцев хватали всё, до чего могли дотянуться, и некоторые уже сжимали в смертельной хватке остатки полупрозрачных существ, чьи-то локоны, ноги Никиты...

Он застыл, объятый алым сиянием, будто не ощущая этих прикосновений, широко раскрыв глаза, в которых поблёскивало что-то знакомое. И Ксюша вдруг поняла, увидела полную картину, сложившуюся из двух половинок: Никита и Люба навсегда останутся вместе. До того самого дня, пока он её не убьёт.

Большая двуспальная кровать дрогнула. Как подошедшее дрожжевое тесто из-под крышки кастрюли, из-под неё полезли новые руки; скребя ногтями по полу, потянулись к Ксюше — и та, зажмурившись, истошно заорала от ужаса. Жар нахлынул на неё с новой силой.

И внезапно стало неестественно тихо, словно в доме Артура. Ни скрипа ногтей и кровати, ни свиста машущих рук, ни странного шепота... Ксюша боязливо открыла глаза и увидела лишь кружащие в воздухе хлопья пепла, да темные следы на стенах. Монстра не было. Никита, приходя в себя, медленно глупо моргал, в комнату заглядывала испуганная Люба... а её собственные руки, всё тело, продолжали ярко светиться. Шаман же говорил, что это живительная энергия, разве не так?

Торопливо подобрав с пола одежду, Ксюша начала натягивать джинсы, не собираясь больше ни минуты оставаться в этом ужасном доме. Подумать страшно, сколько людей в этой комнате... бррр... Она чуть не стала одной из них.

Застегнув последнюю пуговицу и смахнув с лица выбившиеся из косы пряди, Ксюша шагнула вперед и столкнулась с вставшим на пути Никитой. Он еще двигался немного заторможено, но отпускать её явно не собирался. Внутри Ксюши всколыхнулось нечто совершенно непривычное — праведный гнев.

— Уйди с дороги! — выпалила она грозно. — И не смей никогда больше появляться в моей жизни, ты... бесчестный и безнравственный человек!

Никита вздрогнул. Поток силы на миг перекрыл его собственную волю, приказ чётко отпечатался в сознании, хотя позже Никита, как ни старался, не мог вспомнить, отчего даже разговор о Ксюше ему неприятен.

— А ты, — продолжила Ксюша, столкнувшись в дверях с Любой, — беги от него, пока не прирезал!

Спустя пару минут Ксюша, схватив свой рюкзак, выскочила в подъезд, а Никита и Люба остались стоять в полном молчании.

— Что произошло? — наконец опомнившись, пробормотала Люба.

— Не знаю, — тряхнул головой Никита. — Я тебе говорил, этот её мужик странный какой-то! И эта вот теперь... странная!

— А может, это ты странный... — тихо пробормотала Люба и пошла проверять камеру.

Модель поддерживала вай-фай, но была предусмотрительно переведена на запись изображения на носитель, который Люба время от времени проверяла и подчищала. И дело не в том, что мама ей не доверяла — личная жизнь подростковой и самостоятельной дочери мало её беспокоила. Нет, просто эта эффектная и популярная женщина, менявшая влиятельных и часто женатых кавалеров как перчатки, успела на собственном опыте убедиться — всегда нужно думать на шаг вперед и держать козырь в рукаве. А Люба успешно усваивала на родительском примере жизненную науку.

Ловко подцепив край ногтем, она достала из камеры карту памяти и принялась — как-то странно она пахла, нагретой пластмассой. Но внешних повреждений заметно не было, и потому карта отправилась в Любин телефон.

— Что там? — хмурясь, спросил Никита, заглядывая в экран через плечо. — Обрежешь этот кусок кровати?

— Конечно, — Люба кивнула и потерла пальцем экран. — Черт, что за блик...

Прямо там, где стояла Ксюша, всё расплывалось, будто прямо в камеру попадал луч солнца. Вот только какое солнце, если почти весь день за окном льёт дождь?!



— Ты сказала поставить у той стены! — выходя из себя, воскликнул Никита. — Посмотри, не видно же ничего! Дурацкое пятно прямо по центру!

— Да не знаю я, откуда оно взялось! — взвилась Люба. — Не было его, ясно!

— Так надо было проверить заранее, а не на кухне трепаться! Теперь от записи никакого толку, ни лица, ни тела не видно! В таком качестве даже в сеть не слить!

Ксюша на видео беззвучно закричала, что-то ярко вспыхнуло — и по пустому экрану зарябили помехи.

— Ну и пусть! — окончательно сорвалась Люба. — Задрал уже со своей бабой. Проваливай!

Никита сжал зубы, смерил её злым взглядом и тоже отправился в коридор, тихо процедив что-то похожее на «тупая овца».

Резко хлопнула дверь, и Люба, не оборачиваясь, слабо вздрогнула. Всхлипнула, оттирая мокрые щёки, и вдруг вытянула руку перед собой, будто пытаясь поймать в ладонь что-то невидимое — сквозь слёзы ей показалось, что по комнате кружит серый пепел.

## 24. Аргус

В южном городе, так похожем на этот — но в другой стране, где вместо винограда растут оливы, жил мальчик по имени Аргус. Семья его не была богатой, но и не страдала от бедности: отец ремесленник, мать швея, и на единственного ребенка денег хватало. Поэтому детство Аргуса было довольно беспечным: после обеда он нехотя помогал отцу в мастерской или выполнял мелкие поручения матери, а утром — посещал школу, где учились все окрестные детишки. Сидеть за партой в тёплые, погожие деньки было скучно, к тому же отец упрямо напоминал — пора сыну «взяться за ум» и перенять семейное дело. Пытаясь насладиться остатками свободы, четырнадцатилетний Аргус всё чаще стал сбегать с уроков.

Он еще понятия не имел, что ему по душе, но точно знал: ни горшки, ни платья его не прельщают. И наука — тоже. Хотелось повидать другие страны — но в матросы он не стремился. Узнать людей за стенами их маленького городка — но и торговля была не для него. В итоге Аргус бесцельно слонялся по улицам, купался в тёплом море, подслушивал байки подвыпивших рыбаков об ужасном чудовище, предвещавшем шторм.

Как-то раз, проголодавшись, он заметил за высоким забором монастыря потяжелевшие от налившихся плодов ветви яблони — и, недолго думая, с лёгкостью взобрался по старой каменной кладке. Никого не заметив в саду, кинулся к дереву — и вдруг наткнулся на рыжую девочку, собиравшую опавшие яблоки в подол длинного серого платья. Незнакомка испуганно отпрянула, отпустила подол, пряча бледные коленки — и яблоки вновь рассыпались по земле, укатились прямо к ногам Аргуса, который уже успел о них позабыть.

— Как тебя зовут? — произнёс он, делая осторожный шаг вперёд. — Ты тут живёшь?

Девочка, немного помолчав и убедившись, что обижать её не собираются, нерешительно кивнула.

— Мия, — пробормотала она.

— А я Аргус, — весело представился тот. — Идём гулять? Хочешь, я помогу тебе перелезть через забор?

Глаза Мии вспыхнули. Больше всего на свете она мечтала покинуть это невыносимо тоскливое место и посмотреть на город, прогуляться по его ярким, солнечным улицам — да еще вместе со своим ровесником! Но что будет потом? Её строго накажут, опять посадят на хлеб и воду и заставят дни напролёт молиться, стоя коленями на холодном шершавом камне...

Над городом гулко прокатился удар колокола, возвещая о наступлении полудня.

— Не надо, — тихо отозвалась Мия, опуская взгляд. — Настоятельница рассердится.

— Тогда я приду завтра! — уверенно выпалил Аргус. — Прямо с утра. Жди.

Он чмокнул опешившую Мию в щёку, подхватил с земли румяное яблоко — и в мгновение ока скрылся за забором, чтобы успеть домой к обеду и не вызвать у родителей подозрений. А Мия осталась стоять, неслышно шепча — не молитвы, а новое имя.

Однако дома Аргуса ждал неприятный сюрприз — родители прознали о постоянных прогулах, и отец решил, что нечего больше сыну штаны просиживать в школе. На следующее утро Аргуса подняли ни свет, ни заря, и до самого заката он проработал в мастерской. И на следующий день тоже. Отец не просто всерьёз занялся его обучением, он заставил Аргуса

отрабатывать потраченные на него деньги. А вечером еще предстояло разнести готовые заказы матери...

Мия ждала и ждала, но всё было зря. Забавный мальчишка с синими как летнее море глазами больше не приходил. Пару раз он выбирался из дома ночью, но, конечно, в ту пору в саду никого не было, а где находится комната Мии, он даже не знал.

Шло время, и как-то стало не до прогулок по городу. Мать Аргуса тяжело заболела и не могла больше столько работать. Отец, за много лет не добившись от него должного старания и аккуратности, в последние три года всё чаще переходя на крик в разговорах со своим новым «подмастерьем», окончательно сдался и решил отправить сына в столицу к своей сестре и её мужу-аптекарю. Прежде всего для того, чтобы сбить с рук вечноголодного растущего юношу, на пропитание которого уходили деньги, отложенные на лекарства.

Аргус дураком не был и быстро понял, что стал для семьи обузой — а потому не противился отъезду. Он и сам уже хотел вырваться на волю из душной мастерской, из ставшего тесным городка, из круга знакомых с детства лиц... Надеялся втайне, что там, далеко, он найдет себя и докажет, что не бесполезен и бесталанен. Но прежде он должен был попрощаться.

И ранним утром, в последний раз обняв мать и покинув родной дом, Аргус отправился к высокой стене монастыря. Взобрался по ней, осторожно заглянул в сад — но увидел лишь какую-то девушку в платке, поливавшую цветы. Рыжеволосой девочки нигде не было.

Решив, что незнакомка не похожа на монашку, да к тому же еще не выглядит достаточно строгой и занудной, Аргус понадеялся на её понимание и тихо позвал:

— Э-эй! Ты знаешь Мию? Можешь позвать её сюда?

Девушка вздрогнула, и ковш с водой, выпав из её рук, покатился по земле. Медленно обернулась в сторону забора, словно не веря своим ушам — и яркое утреннее солнце выхватило выбившиеся из-под платка огненные пряди.

— Аргус? — прошептала она, глядя на опешившего юношу. Они оба не ожидали, что за эти несколько лет так повзрослеют.

— Я... прости...

— Ты пришел! — не слушая жалких попыток извиниться, просиявшая Мия бросилась вперед, кошкой вскарабкалась на стену и обхватила Аргуса за шею. — Как обещал!

— Я... да, — выдавил тот, смущенно глядя на такое близкое веснушчатое лицо.

— Давай сбежим! — горячо затараторила Мия, глядя ему в глаза. — Я не могу больше тут оставаться, я с ума схожу в четырёх стенах. Всю жизнь взаперти. Давай? Прямо сейчас. Мне всё равно, что настоятельница скажет!

Аргус отвел взгляд, и Мия удивленно попыталась поймать его вновь, не понимая, что происходит. Он же пришел... Разве это не значит, что до сих пор помнит, до сих пор не передумал?

— Не сейчас, — отозвался он. — У меня нет денег, нет своего дома — мне некуда тебя позвать.

— Это не важно! — перебила Мия, но Аргус жестом попросил её выслушать.

— Мне нужно найти своё дело, то, что принесёт мне достаточно денег и будет по душе. А это проще делать, когда от тебя никто не зависит, понимаешь? Не бояться что-то менять.

— Понимаю, — шепнула Мия, опуская голову, чтобы спрятать невольные слёзы. — Ты вновь исчезнешь на долгие годы?

— Я уезжаю в другой город, пришёл попрощаться, — кивнул Аргус. — Но я всегда буду

помнить о тебе. Если не хочешь...

Мия, не дав ему договорить, обняла крепче, уткнувшись в шею мокрым от слёз лицом.

— Я буду снова тебя ждать, — глухо и отчаянно всхлипнула она. — Каждый день буду!

И, как бы странно это не звучало, в тот момент их внезапно вспыхнувшие чувства и смелые слова были абсолютно искренни.

Аргус осторожно сдвинул с головы обнимавшей его Мии простенький светлый платок, ласково погладил яркую рыжую макушку, любясь таким непривычным, таким огненным цветом. Мягко отстранил её от себя, заглянул в глаза, нежными прикосновениями оттирая с щек слезы — и потянулся вперед, прижимаясь к губам в первом поцелуе.

Тело моментально обдало горячим ветром — как захлёстывает солёной волной стоящего на пристани человека. Сердце застучало как бешеное, сорвалось в галоп, и, когда вздрогнувшая вначале Мия робко ответила и потянулась навстречу, Аргус уже не видел и не слышал ничего. Ни появившуюся у входа в сад монахиню, тут же кинувшуюся за подмогой, ни криков сбежавшихся сестёр, принявшихся оттаскивать Мию... Аргуса толкнули, едва не попав в лицо, он отпустил руки, потерял равновесие, полетел вниз — но видел перед собой только лицо зовущей его Мии. Она сияла. Сияла, как самый настоящий ангел.

Мию заперли в келье, Аргус же уехал в столицу. Покой потеряли оба.

Аргус был так занят путешествием и поиском работы на новом месте, что не сразу заметил странные изменения в себе — а позже решил, что, падая, сильно ударился головой. Перед глазами то и дело мелькали какие-то полупрозрачные силуэты, порой они вели себя как разумные существа, а иногда он слышал странные шепотки. Хуже всего, что порой, глядя на людей, Аргус видел ужасные вещи.

Он долго терпел, не желая пугать своего дядю, которому и так приходилось мириться с неожиданным нахлебником под своей крышей — хотя Аргус отдавал ему все заработанные деньги, это пока были жалкие копейки. Но однажды испуганно отпрянул от пустого места — и тем выдал себя. Аптекарь, что странно, племянника за психа не принял и заставил всё подробно рассказать. А на следующий день, дождавшись, когда стемнеет и жена ляжет спать, приказал Аргусу надеть плащ с глубоким капюшоном и следовать за ним.

По правде сказать, ступая по узким извилистым переулкам, Аргус начал всерьёз опасаться, что дядя решил от него избавиться. Однако аптекарь привёл своего племянника к едва приметной двери, дважды постучал — и вместе с ним шагнул в жилище мрачного сорокалетнего мужчины.

А дальше, в течение нескольких часов, ничего не объясняя, Аргусу задавали множество вопросов: о детстве, о семье и предках, о здоровье, о последних событиях, видениях и снах. Водили над ним какими-то кристаллами, читали заклинания... В итоге вымотали настолько, что ближе к полуночи он стал клевать носом и задремал прямо на стуле. И лишь вполуха слышал разговор взрослых и дядино согласие его оставить.

Так Аргус стал учеником шамана и узнал о своём проснувшемся даре.

Несколько следующих лет он потратил на то, чтобы научиться им управлять. Чтобы привыкнуть к обнажившейся изнанке мира, узнать её правила, разобраться в том, что он видит — но не показывать это окружающим. Сойти за обычного человека, умея читать чужие судьбы. Быть шаманом оказалось гораздо труднее и интереснее, чем лепить горшки.

И Аргус нарушил своё обещание: он почти не вспоминал о Мие. Изредка она приходила

к нему во сне тихим зовом в окружении яркого свечения — и в дни после этого Аргус не мог сосредоточиться на учёбе. Всё думал о том, как теперь вернуться, не примет ли его воспитанная в монастыре девушка за одержимого.

Да и наставник его был откровенно против любых отношений ученика. «Женщины отвлекают. Женщины задают слишком много вопросов и лезут, куда не следует. Женщины слишком болтливы — и всё рассказывают соседям». Аргус чувствовал, что за всеми этими фразами стоит какая-то печальная история, но с расспросами не лез. Он был уверен, что Мия — совершенно особенная девушка, и подобные наговоры — не про неё. Вот только за столько лет ожидания она уже могла разочароваться и принять монашеский постриг.

Кое-как сладив со своим даром, Аргус не выдержал и упросил наставника его отпустить. Тот особо и не запрещал, привыкнув полагаться на высшие силы: «Эта женщина у тебя в судьбе, — пожал он плечами. — Много боли и горя принесёт, но хочешь — езжай».

И Аргус уехал. Его не пугали мрачные предсказания, он был молод, влюблён, и оттого — самоуверен. Да и какое зло мог сотворить этот рыжеволосый ангел?

На каменный забор уже никто не лез, Аргус напросился на встречу с самой настоятельницей и, когда та выделила ему несколько минут своего драгоценного времени, прямо заявил о намерении взять Мию в жены. Аргус назвал себя помощником аптекаря, упомянул, что лавка перейдет к нему по наследству — и в этом был недалек от истины. И повода для сомнений вроде бы не было: ведь для несчастной сиротки хорошо одетый молодой человек, живущий и работающий в столице — уже отличная партия. Но настоятельница наотрез отказала. Заявила, что Мия никогда не покинет священной обители и судьба её — молиться о прощении грехов до конца своих дней.

Аргус вышел из себя. Какие еще грехи?! Где и как могла нагрешить эта невинная девушка, шага не сделавшая за ворота монастыря! А если речь идет о том поцелуе, то нет ничего более правильного, чем сочетать их после этого браком!

Его, само собой, никто не слушал.

Но Аргус не стал опускать ни голову, ни руки. Он направился к воротам, оглядывая немногие выходящие во двор окошки и раздумывая над тем, как его новые способности могут ему помочь. Для начала — выяснить, где находится Мия, и как подать ей весточку.

Но всё оказалось куда проще. У самых ворот к Аргусу подбежала одетая в серый балахон девочка — такая же воспитанница сиротского приюта при монастыре, как Мия когда-то — и, быстро сунув в руку скомканный листок, юркнула в ближайшую дверь.

А, выйдя в город и развернув послание, Аргус прочитал: «В полночь в саду» — и сердце его забилось быстрее в ожидании предстоящей встречи.

Как и условились, молодые люди встретились у раскидистой яблони, когда пробили башенные часы: и Аргус вновь в первые мгновения не узнал Мию. В длинном белом платье, больше походившем на ночную сорочку, с бледным в свете полной луны лицом она казалась призраком. Но, едва заметив Аргуса, тут же, без слов, бросилась на шею, так крепко обняла, прижалась пылавшей щекой, что все сомнения пропали — это была она.

Аргус помог Мие перелезть через стену — и они побежали по спящим улочкам, как он когда-то обещал ей в детстве. С тех пор прошло уже семь лет, но именно так оба себя и ощущали: сбежавшими из-под замка детьми. Аргус мог бы отвести Мию к себе домой, но он слишком боялся, что её отберут и вновь вернут в монастырь. Поэтому они отправились в дорогу сразу же — Аргус видел, что путь благополучен. Нигде не останавливаясь на ночлег, они уже к утру были в соседнем городе, где нашли святое лицо, согласившееся их обвенчать — деньги решают любые моральные дилеммы. Только после этого, став перед небом мужем и женой, они облегченно выдохнули, посчитав, что никто теперь не сможет их разлучить.

И это был самый счастливый день в их жизни.

И самая прекрасная ночь — потому что Аргус еще не знал, что они уже не одни.

Он отправился с Мией в столицу, и за время этого короткого путешествия, не смотря на ослеплявшее его чувство, успел заметить первые странности. Мия оказалась очень бледной и слабой — это еще можно было отнести на счёт строгого поста и затворничества; вокруг неё постоянно вились духи — скорее всего потому, что она необъяснимым образом испускала

вокруг тепло и свет; а еще — Мия порой вела себя довольно чудно: резко двигалась или, наоборот, замирала, зажимала себе руками рот и пыталась что-то говорить, часто вздрагивала и просыпалась по ночам.

Кто-то другой мог заподозрить, что Мия душевнобольная или одержимая, но Аргус догадывался, что причина кроется совсем в другом. И, едва прибыв в столицу, он сразу же повёл её к своему наставнику.

Одиноким шаман был откровенно зол на то, что его ученик притащил домой женщину, а Мия, в свою очередь, и вовсе приняла его за слугителя демонов. Но именно в этот момент она проболталась, что видит призраков.

— И ты не сказала мне?! — оскорбленно выпалил Аргус.

— Ты тоже многое утаил, — обиженно пробормотала Мия.

— Потом ссориться будете! — раздраженно заявил наставник. — Она источник — и всё это очень, очень плохо!

Молодожёны испуганно притихли, и то, что рассказал шаман, действительно оказалось ужасным. Ему понадобилось всего пару вопросов, чтобы выяснить произошедшее: несколько лет назад, во время их первого поцелуя, Мия передала Аргусу часть своей энергии, а он ей в ответ — искру своего едва проснувшегося дара. С тех пор она стала видеть призраков, и призраки эти упрашивали им помочь. И если в монастыре их было не так-то много — намоленное место отгоняло пришлых, то за его стенами Мие просто не давали покоя.

— И хуже всего, — наставник ткнул пальцем в сторону вздрогнувшей Мии, — что она их жалеет. Каждому дает часть энергии, каждого впускает в себя.

— Что делает? — не веря своим ушам, переспросил Аргус. Его с первого дня здесь учили не позволять потусторонним сущностям вселяться в тело.

— Ты слышал, — мрачно отозвался наставник. — Лучше б ты подобрал гулящую девку, чем почти монашку, в которой сидят уже личностей двадцать, не меньше.

— Она моя жена, не смейте так говорить! — взорвался Аргус. — Вытащите их!

Наставник лишь покачал головой, смерив взглядом сжавшуюся Мию.

— Проблема не в том, что это опасно и больно. И даже не в том, что за столько лет некоторые...

— Помогите ей! — перебил Аргус.

— Хорошо, держи её, — пожал плечами шаман. Всегда проще показать, чем спорить.

Ему не понадобилось никаких амулетов и приготовлений — лишь умелое владение собственной силой и короткое заклинание. Ловко подхватив последнего «прибывшегося» к Мие чужака — призрака годовалой девочки, младшей дочери хозяев таверны, где они вчера останавливались — шаман начал вытягивать его из тела. То, что происходило, видели все трое: призрак, связанный заклинанием, даже не сопротивлялся, лишь испуганно плакал, закрыв лицо руками. Он был до краёв наполнен энергией, практически жив, только в оболочке Мии. И та, выгнувшись, стремилась следом, выла и глотала горькие слезы, разгоралась всё ярче — лишь бы не отпустить. Опешивший Аргус едва уже мог удержать обжигающую, метавшуюся жену, которую они с наставником сейчас пытались спасти. Он даже не думал, что в этом хрупком теле может быть столько сил и отчаяния. У Мии словно отбирали её собственного ребенка: когда между ней и затихшим призраком осталась лишь тонкая светящаяся перемычка, она резко откинула голову, ударила Аргуса затылком по лицу — и с криком метнулась вперед, хватая руками воздух и запихивая обратно в себя призрачный силуэт.

Аргус неестественно медленно поднял обожженную руку и машинально вытер кровь из разбитого носа, неотрывно глядя в глаза повернувшейся к нему Мии: там полыхал огонь и какая-то дикая, звериная ярость. Всего секунду. После Мию крупно затрясло, она обхватила себя руками и, потеряв сознание, рухнула бы на землю, не успей её поймать стоявший ближе шаман.

— Вот в чем проблема — она не хочет, — холодно заключил он. — И если ты её не убедишь — недолгая жизнь уготована твоей жене.

Но Мия оставалась непреклонна.

Воспитанная в лоне церкви, она считала милосердие основой всего и готова была отдать свою жизнь ради продления чужих. Она не слушала доводов Аргуса и не понимала, почему он считает это предательством их любви.

— Как ты можешь решать за меня?! — пылала в праведном гневе Мия. — Это моя жизнь, слышишь, моя! Мне за неё потом отвечать! Нельзя никого спасти против его воли!

— Ты не хочешь остаться со мной? — уже не имея сил спорить, с горечью спрашивал Аргус. — Завести детей, увидеть, как они вырастут?

— Хочу, но... — ничто не могло сбить Мию с толку. — Но кто поможет этим несчастным, если не я?!

— Я буду самым несчастным, если ты уйдешь, — уверял он, глядя её тонкие, хрупкие пальцы. — И мне уже никто не сможет помочь. Чужие люди тебе важнее мужа?

— Ты сильный, сердце моё, — грустно улыбаясь, заглядывала ему в глаза Мия. — Мы должны помогать слабым и заблудшим.

И не было средства убедить её в обратном.

Они прожили в доме шамана ровно два дня: пока тот давал Аргусу последние наставления и обучал его, как оградить собственный очаг от потусторонних сущностей.

— Знаю, что она не согласится, — говорил шаман на прощанье, — но всё же пытайся её уговорить. Вдруг убедишь в минуту слабости. И еще... — он заглянул Аргусу в глаза и похлопал по плечу. — Тебе начертан долгий, очень долгий путь. Всё будет, если научишься жить без неё.

— Не научусь, — хмуро отозвался Аргус.

— Держи, — шаман сунул ему в руку перевязанный бечёвкой лист бумаги. — Выучи как следует. А в нужный момент сердце само решит. И больше сюда не приходи.

Коротко поблагодарив, Аргус отправился к ожидавшей его у двери Мие.

Денег у молодой семьи было немного, поэтому они сняли небольшую комнату на втором этаже, под крышей. Аргус вернулся было в аптекарскую лавку, но до его дяди очень быстро дошли слухи о неблагоприятном поступке племянника, укравшего девушку прямо из монастыря — и пришлось поспешно затеряться в столице, подобрав работу, где не задавали лишних вопросов. Мие же, не знавшей почти ничего о мирской жизни, найти занятие оказалось еще сложнее. Всё, чем она могла помочь — это прислуживать хозяйке дома, мыть полы и посуду, готовить, стирать чужие вещи.

Аргус, с помощью заклинаний обезопасив дом, искренне надеялся, что теперь количество духов в Мие не увеличится. Как оказалось, зря: стоило ей сходить на рынок, развесить во дворе белье, да просто выглянуть из окна на улицу — и призраки тут же



находили её, а Мия рада была помочь очередной «заблудшей душе».

Их становилось слишком много, а она всё быстрее слабела. Часто кричала и плакала по ночам, даже не помня потом причину — и только Аргус, в эти моменты пытавшийся сдерживать и успокоить, уже не силой, заклинаниями — видел, что это и не Мия вовсе. Она забирала чужую боль и воспоминания, а духи взамен поглощали её личность. Когда-то преисполненная света, Мия всё реже сияла и почти не улыбалась, а Аргус, целуя её, каждый раз задавался вопросом — жена ли перед ним в этот момент? Теперь его время от времени посещала мысль, что лучше бы действительно оставить Мию в монастыре, а не везти её в город, где призраков в сотню раз больше. А еще лучше — если бы они никогда не встречались.

— Ты же будешь помнить меня? — шептала Мия склонившемуся над ней Аргусу — Тогда я всегда буду рядом, буду жить прямо в твоём сердце.

Теплая ладонь прижималась к его обнаженной груди, но это ласковое прикосновение приносило лишь боль.

— Как духи сейчас живут в твоём? — ревниво спрашивал он.

— Прекрати, — мягко отзывалась Мия. — В вечности мы будем счастливы вместе, ты знаешь это.

Она казалась такой спокойной, что Аргус начинал тихо ненавидеть эту её уверенность. Если бы Мия хоть секунду колебалась — надежда её уговорить еще была... А так он обречен был бессильно наблюдать, как она быстро, слишком быстро теряет себя.

Мия ушла ветреной, ненастной ночью, ровно через два месяца после их венчания.

Аргус думал, что она просто медленно угаснет в своей постели, но всё произошло совершенно иначе. Духи, почувствовав, что жизнь покидает это тело, кинулись врассыпную, пытаясь унести с собой как можно больше последних искр энергии. Они тянули во все стороны метавшуюся в агонии, заходившуюся от боли Мию, пытаясь разорвать окрепшие связи и не дать ей увести их с собой. Аргус надеялся ослабить её мучения, но не мог совладать с таким количеством — он даже не предполагал, что их внутри столько! И хуже всего — он впервые увидел, как сильно Мия боится. Всё это время она скрывала этот страх, она обманывала его, не давала утешить — лишь бы не испортить отведенное им короткое время.

Мия кричала так пронзительно и громко, так долго, что Аргусу казалось — это его раздирают на тысячи частей. И он не выдержал. Ему плевать было на заповеди и на свою бессмертную душу, он просто не мог больше смотреть на муки своей жены. И когда в комнату ворвались хозяева дома вместе со стражей — всё было уже кончено. Для них обоих.

Аргуса тут же арестовали, а уже на следующий день приговорили к смерти — у преступления оказалось столько свидетелей, что и разбирательств не потребовалось. Аргус не отрицал свою вину, он вообще слова не произнёс, пустым взглядом уставившись в невидимую точку перед собой. Он ждал Мию. Искал её среди призраков — но то ли было ещё рано, то ли её безгрешная суть навсегда покинула этот мир... то ли жена его так и не простила за это убийство. А значит, и смысла жить дальше не было.

Уже стоя на эшафоте, с накинутой на шею петлёй, Аргус внезапно вспомнил о последнем желании и попросил не надевать ему мешок на голову. Он всё еще надеялся... до своего последнего вздоха. А когда легкие стало разрывать от нехватки кислорода — в

помутневшем сознании внезапно всплыла формула заученно заклинания. И, спустя всего пару мгновений, молодой мужчина в толпе — тот самый, на ком остановился стекленеющий взгляд женоубийцы — надвинул на лицо край соломенной шляпы и быстро зашагал восвояси, не желая смотреть на лишённое жизни тело, ещё недавно принадлежавшее ему.

Аргус, теперь носивший уже совсем другое имя, твёрдо решил — пока он существует, пока с ним его дар, есть и надежда. Однажды он вернёт Мию — чего бы это не стоило. Сколько бы чужих жизней на это не ушло. И они наконец-то будут счастливы.

## 26. Собака

Артур отправился в путь ранним утром, надев старый непромокаемый плащ и закинув на плечи потертый, но крепкий рюкзак с различными побрякушками. Со стороны он выглядел как обычный походник, решивший прогуляться в горы ненастным днём: для юга, где местные выбирают на природу круглый год — не такое уж странное зрелище. Мог быть и черным копателем, и ролевиком, и каким-нибудь не вполне законопослушным субъектом.

Окраина, на которой он жил, располагалась на берегу небольшой уютной бухты, окруженной горами. Пятиэтажки стояли внизу, у моря, а по склонам уже взбегали одно— и двухэтажные частные домики, узкие улочки, незаметно превращавшиеся в тропки. Выбритые солёными ветрами пологие вершины постепенно сменяли более высокие, поросшие лесом — и сырые лощины с каменистыми руслами мелких рек.

Артур проехал на автобусе пару остановок до конечной — и сразу же окунулся в серый сумрак голого леса. Снега не было, ноги скользили по влажным, прелым листьям и напитавшейся дождями земле, вынуждая хвататься за шершавые стволы ольхи, кизила и орешника, подтягивать тело всё выше, взбираться на крутой склон. Иногда под ногами попадались камни, но большинство из них срывались вниз, стоило перенести на них вес, и не могли служить хорошей опорой.

Не смотря на холодный воздух и мелкую морось, Артуру через полчаса такого быстрого восхождения стало жарко. Откинув назад капюшон, он поднял голову вверх, тяжело выпуская изо рта облачко пара и оглядывая хорошо знакомый путь. За полгода здесь почти ничего не изменилось: пара сломанных веток, вильнувшее в сторону русло селевого потока, обрывки колючей проволоки, разбросанные по земле. Всё это Артура сейчас не интересовало. Голову занимали совсем другие мысли, но он упорно гнал их прочь, понимая, что с такой кашей в сознании весь его трудный путь не будет стоить в итоге выеденного яйца.

Место, к которому он так стремился, располагалось на самой вершине — небольшая площадка диаметром не более трех-четырёх метров. Деревья и кусты на ней не росли — только ползучая трава, зеленая в любое время года, звери и насекомые не строили норы, а птицы облетали стороной. Кроме того, с неё открывался отличный вид на горы и тонкую полоску моря на горизонте — но Артур еще ни разу не замечал здесь кострища, мусора или других следов человека.

Едва добравшись, он рухнул прямо на землю, странно-теплую и колючую от проступавших на поверхности, неизвестно откуда взявшихся острых камешков. Распластался на спине, раскинув руки, глядя в невероятно близкое серое небо, зеленоватое на горизонте из-за тянувшихся к морю призрачных щупалец — видимо, к ночи поднимется шторм. «Отдышусь только», — подумал Артур и провалился в забытье.

Люди, ночевавшие в подобных местах, часто рассказывают о пророческих снах, странных явлениях и необъяснимых встречах, повлиявших на всю дальнейшую жизнь. Бывает, что от них требуют принять важное решение, испытывают, а иногда и наделяют необычным даром. Некоторые несчастные, наоборот, сходят с ума. Артуру помощь духов не требовалась, а потому ему ничего не снилось: он просто набирался сил, энергии,

восстанавливал ауру и избавлялся от лишних эмоций.

Проспав до самого вечера, он открыл глаза бодрым и свежим и даже не продрог, несмотря на то, что на дворе стоял конец января. Да и дождь в горах так и не прошёл.

«Ксюша, наверное, волнуется», — была первая мысль, и лишь затем к Артуру полностью вернулось осознание. Вчерашняя ночь казалась сном, и так хорошо было первые мгновения, пока он о ней не вспомнил, пока сердце не заняло тяжелое чувство от просьбы Мии и стыд за то, что вчера ощущалось таким правильным.

«А я ведь должен быть счастлив, — подумал Артур, вновь обретя беспристрастность и ясный взгляд на вещи. — Безумно счастлив и уверен в том, что сделаю. Иначе я проживу с этой горечью все последующие жизни».

Он поднялся на ноги, встряхнул плащ и достал из рюкзака малахитовый шар. Установил в центре площадки и провел короткий ритуал, передавая оставшиеся крохи энергии в землю, где они сливались с общим потоком и теряли всякую индивидуальность. И почему-то думая о том, как странно получалось: энергию свою он отдал Мие, а из головы не выходила Ксюша. Мелькала перед внутренним взором, мешая сосредоточиться: удивленный взгляд, скромная улыбка, отчаянные поцелуи. Она больше никогда не будет такой, если впустить Мию.

Мысленно трянув головой, Артур спрятал опустевший артефакт в рюкзак и закинул лямку на плечо. На поиски подходящих призраков не оставалось времени, да и не хотелось пока заводить новых подчиненных, без этого проблем хватало. Артура непреодолимо тянуло домой, и, хотя чувства беды не возникало, он поспешил в обратный путь.

Зимние дни короткие, а в лесу темнеет еще быстрее. Холодный, сильный ветер разыгрался в кронах, изредка срываясь вниз и взметая отдельные листья. Спускаться было еще сложнее, чем восходить — земля вот-вот норовила выскочить из-под ног, в густых сумерках невозможно было разглядеть коряги и ямы. Разбуженные надвигающейся бурей, духи кружили и шептались вокруг, сбивая с пути, медленно наполняя сердце тревогой. В такие ночи лучше всего сидеть дома, и, хотя Артур абсолютно не переживал за себя, он начинал волноваться за своих оставшихся в городе женщин. Главное, чтобы Ксюша не испугалась за него и не отправилась по такой погоде искать — она может!

Внезапно сердце гулко ударило внутри, сбившись с ритма, отозвавшись короткой болью. В груди запекло. Артур поскользнулся, едва удержался на ногах, схватившись за ближайшее дерево, пытаясь отдышаться и понять, что произошло.

«Жанна? Трэя?» — позвал он мысленно, но ответа не последовало — слишком далеко от дома, слишком близко к опасному месту и много пробудившихся существ в лесу.

Ксюша. Он был уверен, что с ней что-то случилось. Быть может, Мия решила всё рассказать? Нет, она бы не стала делать подобную глупость, а никто посторонний в его дом даже не сунется. Так в чём же дело? Артур попытался дотянуться мысленно, но отчего-то не получалось: и даже не в буре было дело, не в расстоянии — сама Ксюша, ярко сиявшая, не позволяла понять, где она находится.

И Артур сорвался с места, бросившись вниз по склону. «Стой!» — громко шептали в ушах духи, смерчем закручиваясь вокруг, но он даже не отмахивался. «Стой!» — беззвучно вторили деревья, вздымая корни на пути, цепляясь ветвями за плащ, и одна особенно крепкая сорвала с плеч рюкзак, мгновенно оставив его далеко позади. «Стой-ой-ой!» — выворачиваясь из-под ног, подсакивая, катились в темную пропасть камни. Х-хр-рясь! — вцепилась в джинсы металлическими шипами колючая проволока, о которой он совсем

забыл, разодрала плотную ткань, вонзилась в кожу и сбила с ног. Артур, не удержав равновесия, с шумом покатился по склону и через несколько метров, сдавленно охнув, врезался во что-то твердое.

— Стой, кто идёт! — с заметным акцентом раздалось над ухом, вместе с щелчком затвора.

Артур, стряхивая с лица прилипшие листья, попытался поднять голову и различил перед собой военного в камуфляже, с автоматом в руках. Рядом, оскалившись, рвалась с поводка овчарка. Этого еще не хватало.

— Стой! — повторил военный, направляя на Артура оружие, когда тот начал медленно и осторожно подниматься с земли. — Не двигайся!

— Я выполняю приказ стоять, — с лёгким напускным раздражением, отодвинув на время все свои эмоции, отозвался Артур. — Так лежать или встать?

— Встать! Руки вверх! — чуть замешкавшись, отозвался военный, отступая на пару шагов, чтобы Артур не попытался выбить у него автомат.

Но Артур и не думал этого делать. Он уже понял, что перед ним солдат-срочник, молодой еще парень, отправленный в караул, сам перепугавшийся такой внезапной встречи в тёмном лесу. Поэтому прежде всего надо его успокоить, позволив действовать чётко по выданной инструкции: сейчас нет времени на поиск нового тела.

Артур выпрямился во весь рост, заложил руки за голову и вопросительно посмотрел на военного.

— Кто вы такой и что делаете на территории военной части?! — выпалил тот.

— Артур, местный, — представился он. — Выходной у меня сегодня, пошёл в лес прогуляться. Не рассчитал, что так быстро стемнеет. Вот, зацепился за что-то, штаны разодрал, упал, — Артур пошевелил ногой в окровавленных джинсах, собака предупредительно зарычала. — А про часть я ничего не знаю. Не было тут её раньше.

Военный крупно моргнул, растерявшись, раздумывая, что ответить. Часть была, это он точно знал, он в ней служил. Но сколько она существовала — это, конечно, другой вопрос.

— Там забор был, — строго произнёс он. — Зачем вы через колючую проволоку полезли?

Судя по всему, заученная инструкция в голове у парня кончилась, потому что Артур догадывался — разговоры разговаривать с нарушителями запрещено. Тем лучше, тем быстрее он доберется до дома.

— Да тут столько всего в лесу валяется, — возразил он. — После войны еще осколки находят, укрепления остались, да и чего только не выбрасывают. Забора не видел, проволока торчала, но откуда мне знать, что ею огорожено?

— А незачем пересекать огороженную территорию, — уже более спокойно и даже назидательно произнес военный.

— Больше не буду, — послушно согласился Артур. — А теперь можно, я домой пойду?

Военный замешкался. Он видел перед собой простоватого мужчину, немного странного, но в общем-то безобидного. Тащить такого в часть? А вдруг еще выговор сделают? Наверное, лучше отпустить: до трассы недалеко, никто и не узнает...

Овчарка, сидевшая у его ног, вновь поднялась на четыре лапы и глухо зарычала на Артура, едва слышно шептавшего заклинание — в темноте, почти без зрительного контакта, получить контроль над сознанием другого человека он мог только так. Военный пришел в

себя, встряхнулся, сбрасывая наваждение, и вновь насторожился.

— Что ты там бормочешь, шайтан?! — выпалил он, осознав, что с нарушителем что-то не чисто. Человек в лесу, без рюкзака, далеко от дома. Ведет себя подозрительно дружелюбно... Точно шпион! Если он его упустит... — Давай, иди!

— Куда идти, домой? — мрачней, произнёс Артур, уже понимая, что сорвалось. Животных он, конечно, любил, но этого пса сейчас ненавидел. Отлично выдрессированная овчарка, даже не улавливая в шамане прямой угрозы, не позволяла ему отвести глаза хозяину.

— В часть. Там разберутся, — возвращаясь к инструкциям, военный заговорил рублеными фразами. — Давай.

— Мне домой надо, — возразил Артур, раздумывая над тем, как поступить. Жжение в груди прошло, пульс выровнялся, Ксюша больше не сияла, слабо отзывалась где-то в городе, в районе центра. Что она там забыла? Что вызвало сейчас у неё эту вспышку? Почему она вообще покинула дом?! Давно забытые эмоции разбередили сердце, не давали покоя, отравляли колючей тревогой кровь. — У меня девушка страшнее твоего автомата, когда я задерживаюсь.

— Командование разберется, — повторил военный, ткнув его дулом в спину, и Артур не выдержал.

Два коротких удара — и военный рухнул на землю, а его оружие отлетело в сторону. Артур увернулся от клацнувших рядом зубов и бросился вниз по склону, почти неразличимый уже в сгущавшейся темноте. Глупо, очень глупо. Почти так же глупо, как отправлять срочника охранять военный объект посреди леса...

Позади хлопнул выстрел (эта палка была заряжена?), что-то сильно толкнуло в спину, и Артур полетел на землю, машинально прикрывая лицо руками от растопырившихся навстречу веток. Говорила ведь Трэя, что женщина его погубит...

Странная процессия медленно двигалась по ночному лесу.

Впереди, прихрамывая, шагал Артур: плащ на спине и руки по локоть перепачканы кровью, на лице пара глубоких царапин, на плечах — перевязанная, слабо поскуливавшая овчарка, которая поймала предназначавшуюся ему пулю. Позади, конвоем — но при этом опустив оружие и ошарашенно глядя себе под ноги — военный, выстреливший вслепую в тот самый момент, когда овчарка запрыгнула Артуру на спину и повалила его на землю. Едва не убивший пса, прослужившего в этой части дольше него.

У распластавшегося на влажных листьях, придавленного телом Артура было всего несколько секунд, чтобы выбрать — и он решил остаться и спасти эту жизнь. Потому что Ксюша, как ни крути, была уже взрослой, разумной девушкой, в чём-то даже более сильной, чем он. Потому что сейчас он не чувствовал для неё опасности, а бедное животное истекало кровью и нуждалось в помощи.

И, мерно ступая по сырой земле, следуя редким указаниям военного, чтобы не сбиться с пути, Артур думал вовсе не о проблемах, которые себе создал этим поступком, и не о противном морозящем дожде и срывавшем капюшон ветре. Неожиданно для себя он рассуждал о себе самом. О жизни и работе, уже давно не приносившей былого удовольствия и азарта; о Судьбе и самих клиентах, которые упорно противились любым изменениям; о своём перемещении в царство мертвых — не буквальном, конечно, а за счет окружения себя исключительно призраками. И дело даже не в том, что Артур избегал людей — с его профессией стоило это делать... Просто он внезапно осознал, что изо всех сил цепляется за прошлое.

Там, в прожитых, ушедших жизнях осталось самое дорогое. Настоящие родители и настоящее, почти беззаботное детство, первая любовь, умение удивляться и постоянно открывать что-то новое в мире, далекие путешествия и обретение бесценного опыта, нащупывание собственных границ и удачная попытка вернуть Мию, пусть даже в виде призрака. Артуру всегда казалось, что всё самое лучшее — позади. И чувства там были сильнее, и ощущения ярче, и люди проще. В противовес этому его бессмертие могло предложить лишь улучшавшиеся из года в год навыки.

И как-то он забывал до поры о сотне неудач, о потраченных впустую жизнях — когда он по каким-то причинам не мог заниматься любимым делом, о десятках сложных голодных лет и потере близких, о несложившихся отношениях и горькой попытке создать семью. Он тогда старался, очень старался... но только причинил сильную боль себе и другим — и твердо решил, что подобное не для него. В конце-концов, Мия была рядом... всегда была рядом, готовая простить, поддержать, сказать исключительно правильные вещи. По сути, они и узнали-то друг друга лучше только после её смерти и освобождения от ужасного дара.

Если и существовала вечная любовь — то это была она. Любовь к своему прошлому и давно сторевавшему счастью.

Дождь усилился, потоки воды били по лицу и затекали за ворот, но Артур этого уже не замечал, полностью погрузившись в свои мысли. Он слишком давно забросил привычку копаться в себе — где-то лет через пять после развода, когда подобные откровения стали приносить мучения и чувство вины. Еще анализировал состояние, отмечая какие-то сбои в

организме или нарушения ауры, усталость, голод или моральное истощение — но попросту избегал того, что вызывало лишнее волнение или неприятные эмоции. В конце-концов, рядом всегда была та, кто готова принять его любым. И, в отличие от самого Артура, лучше понимала, что происходит внутри него — но давно оставила попытки об этом поговорить.

А потом Мия ушла. Артур ярко запомнил свои эмоции, хотя с того дня много чего произошло и не было ни времени, ни желания упиваться своей потерей повторно. Он чувствовал обиду, будто верный друг бросил его одного в избушке посреди дикого леса... и вдруг появилась Ксюша, открыла дверь — и оказалось, что леса давно уже нет, а вокруг построили город.

Впереди чёрным пятном замаячило большое ущелье, в котором едва можно было различить разрушенные стены и тихий плеск воды, но Артур его будто не видел. Он думал о том, что Трэя была абсолютно права. И Жанна тоже, когда говорила о возможности упустить. Он сам всё чуть не испортил. Стал учить Ксюшу жизни, вцепился в неё, затянул в свою хижину... он не дал ей дышать и решать. Из родительского дома она шагнула к нему и потому не могла измениться и повзрослеть. Как и он не менялся долгие годы, не способен был признать её зрелой личностью и полюбить безо всяких «но», отмахнуться от страха потерять так же, как потерял Мию, вообще прекратить видеть в Ксюше повторение этой истории. Он мчался к ней по вечернему лесу, потому что боялся оставить одну, сомневался, не доверял, ожидал, что Ксюша ввяжется в очередную неприятность. Ребенок, а не жена; опека, а не любовь.

Артур остановился на краю обрыва, там, где под ногами крошились остатки бетона, и посмотрел вниз. Мия возвратилась зря. Она уже ничего не изменит и не вернёт, потому что он сделал выбор. Он хочет начать заново, оставить прошлое, измениться... и он хочет быть с Ксюшей.

— Спасибо, — улыбнувшись и сбросив капюшон, Артур обернулся назад, чуть заметно кивнул замершему в паре шагов военному. — Мне это было нужно. Я даже купился вначале.

«Срочник», повесив автомат на плечо, козырнул, и одежда его начала меняться на глазах, превращаясь из камуфляжа в истлевшую старую форму. Овчарка, лизнув Артура в щеку, легко вырвалась из его рук, соскочила с плеча и, виляя хвостом, подбежала к хозяину. А затем они, обдав холодом и сыростью, неслышно прошли мимо, стали медленно спускаться по склону обрыва — и растворяться в ночной мгле.

«Это ж надо было мне так голову потерять, что даже духов в них не почувствовал! Задурили совсем...»

Потерев саднившую ногу, царапина на которой оставалась вполне реальной, Артур отправился к дому, понимая, что на последний автобус он уже опоздал. Что ж, он сам виноват, если своим упрямством вынудил Мироздание таким жестким способом ткнуть его носом в ошибки, как нашкодившего котёнка.

До своей калитки Артур добрался часам к одиннадцати, и первое, что он заметил — дом стоял темным и пустым. Ксюша не вернулась, не смотря на разгулявшийся ливень, наполнивший улицы холодными потоками воды. И для начала Артуру самому следовало переодеться в сухие вещи, перевязать ногу, спросить призраков, куда ушла Ксюша, и позвонить ей на мобильный — у шамана был подключен лишь стационарный телефон.

Стоило Артуру сделать шаг по каменной дорожке, как навстречу тут же выскочила взволнованная Жанна — и её едва не снесло очередным порывом ветра.



— *Шеф, Ксения ушла!* — выпалила она. — *С Трэй что-то не то!*

— Что значит «не то»? — резко ускоряя шаг, спросил Артур.

— *Это она Ксюшу прогнала! Я не слышала, но она купол тишины на кухне ставила, они там разговаривали вдвоём!*

«Трэй использует магию?» Точно сошла с ума! Это уже не нарушение всех мыслимых границ послушания, это самоубийство — потому что заклинания используют ту самую энергию, из которой и состоит призрак. Что её надоумило так поступить?

— Ксюша ничего не сказала? — Артур, зайдя в коридор, включил свет и принялся набирать её номер.

— *Она выскочила из дома с вещами — это всё, что я видела,* — доложила Жанна.

— Понятно.

В трубке бесконечно множились длинные гудки, но Артур и без того уже понял, что Ксюша ему не ответит. Не хочет разговаривать. Что бы Трэй ей ни сказала, это заставило Ксюшу изменить к нему отношение настолько, что...

— Жанна, найди её, — приказал Артур. — Скорее всего, где-то в районе центра. Убедись, что всё в порядке

— *Но там...* — призрак растеряно кивнула за окно, где в зеленоватых всполохах хлестал ливень.

Артур молча перехватил её за запястье — и Жанна дернулась от ворвавшегося в неё заряда энергии. Даже полупрозрачная кожа приобрела оттенок загара, а на щеках выступил заметный румянец. А еще — она явно почувствовала его эмоции — и больше не могла спорить. Отрывисто кивнув, Жанна метнулась за дверь, Артур же, скинув плащ и закатывая рукава, прошел в гостиную.

— Трэй, — холодно позвал он. — Иди сюда.

Она появилась сразу же, бледная и чуть растрёпанная, потерявшая большую часть энергии. Голубые глаза окончательно выцвели и посерели, так что сложно было угадать их выражение. Где она умудрилась столько потратить?

— Что ты сказала Ксюше? — перешел к главному Артур.

— *Она решила, что это всё не для неё, она хочет обычной жизни,* — бесцветно произнесла Трэй, глядя сквозь него.

— *Что ты ей сказала?!* — с нажимом повторил Артур.

Трэй встретилась с ним взглядом, сжала пальцы в замок.

— *Правду,* — глухо отозвалась она. — *О том, что ты выбрал Мию, выбрал возродить её в новом теле.*

— Я ничего не выбирал! — рявкнул Артур. — Как ты смеешь лезть в судьбу живых! В мою судьбу! — выдохнув, он взял себя в руки и продолжил: — Ты знала, что делала. За всё это я должен тебя изгнать.

Трэй глазом не моргнула, услышав это страшное слово. Изгнание было куда хуже векового заключения к ларце — оно означало полное уничтожение. Не лишение энергии, не переход за грань, нет — Артур собирался начисто стереть её личность и дух.

— *Знала,* — тихо и спокойно подтвердила Трэй. Она опустила на ноги, ступила на ковёр, подошла почти вплотную к Артуру, глядя ему в глаза. — *Я всегда была на твоей стороне — и тех, кого ты любишь.*

Артур нахмурился. Что-то здесь было не так. Вряд ли Трэй пыталась давить на жалость. Она смахнула с плеча широкую косу, подняла подбородок, будто подставляя ему шею, и

Артур внутренне вздрогнул. Она действительно слишком много о нём знает... Сжав зубы и абсолютно не желая этого делать, Артур приложил ладони к её груди, там, где должно было биться сердце, но сейчас лишь слабо пульсировали остатки энергии. После того, как он их заберет, развеять саму её сущность не составит труда.

И Трэя даже не пыталась сопротивляться, только прикрыла веки.

Краем глаза Артур заметил появившуюся в комнате Мию — она молча наблюдала за происходящим, не пытаясь вмешаться. Мия никогда не касалась отношений Артура с его призраками и никогда не общалась с ними: то ли считала себя другой, то ли побаивалась их после ужасной смерти, то ли не желала лезть в чужую работу. Но только он впервые так открыто убивал у неё на глазах — а она молчала.

— *Прости,* — неожиданно мягко шепнула Трэя. — *Я не справилась.*

Артур не ответил, беззвучно читая заклинание и глядя на то, как тускнеет её силуэт.

— *Я так и не узнала, кто принял облик Мии.*

Артур вздохнул, но не сбился. Перевел взгляд на спокойную Мию.

— Эта ложь тебя не спасёт, Трэя, — мрачно проговорил он, не отрывая глаз от струящихся рыжих локонов. — Свою жену я узнаю всегда.

Трэя подняла веки, посмотрела на него и слабо улыбнулась.

Он пил её жизнь, он видел её мысли, он знал, что она не врёт. Не надо было доказательств и объяснений — он верил. «Оно сильное. Оставь немного, чтоб я могла...».

— Мия, — позвал Артур. — Помоги мне.

Она не поняла, но приблизилась. Спросила удивлённо:

— *Чем?*

И в тот же миг Трэя отлетела в угол от сильного импульса, а заклинание изгнания, вспыхнув, развернулось на всю комнату зеленоватым кругом.

— *Аргус?* — растерянно пробормотала Мия, глядя, как её яркий силуэт начинает легкой дымкой стягиваться в центр. — *Что ты делаешь?*

Артур не ответил, он не мог сейчас отвлекаться. В Мие было так много энергии, что вытянуть её, да просто удерживать призрака в круге стоило ему больших усилий. И в большей степени — моральных. Она всё ещё была его частью.

— *Милый?* — в голосе послышался самый настоящий испуг. — *Зачем? Ты же убиваешь меня, прекрати!*

Она отчаянно заметалась по комнате, и линии заклинания дрогнули.

— *Прекрати! Нет! Хватит!*

Яркая вспышка полыхнула перед самым лицом, Артур зажмурился, не опуская рук... Но ничего не произошло. Энергия продолжала вливаться в его тело таким мощным потоком, что пекло ладони. И, открыв глаза, он увидел тонкую, но крепкую сеть, в которой металась Мия: Трэя, получив его силу и едва опомнившись, мгновенно пришла на помощь.

Вот только... он не имел возможности выбрать, он осушал их обеих. Трэя чувствовала это, но молчала, полностью сосредоточившись на заклинании. «Вот она, смотри». Артур кивнул. В круге пойманной рыбой билась уже не Мия: её образ талой водой утекал прочь. Вместо рыжей девушки проявилась другая — невысокая, смуглая, с длинными черными волосами. Лита.

Артур закусил губу. Это его вина...

— *Будешь гордиться собой? Будешь?!* — закричала Лита, понимая, что конец близок, но ни на миг не прекращая проверять сеть Трэи на прочность и пытаясь дотянуться до лица

Артура, чтобы выщарапать ему глаза острыми ногтями. — *Ты убиваешь всех, кто тебя любит, ты рано или поздно останешься один! Ты убил Мию, когда влез в её жизнь! Она ненавидела тебя за это!* — Голос превратился в отрывистые звуки, но продолжал звенеть в голове: — *Ты убил меня, убил Трэю! И Ксюша твоя...*

Артур перевел взгляд на едва заметный уже силуэт Трэи, в этот миг окончательно развеявшийся в пространстве. Всё, что от неё осталось — яркая синяя искра сознания, тут же затянутая заклинанием в центр круга, где уже метался другой огонёк, ярко-алый. Они слились воедино и, когда Артур протянул руку, послушно нырнули в его ладонь. Круг, изменив цвет на лиловый, тоже уменьшился до размера его раскрытых, чуть подрагивающих пальцев — прерывать заклинание было нельзя. Двухцветный светящийся шарик переливался и пульсировал на ладони, а Артур никак не мог закончить с этим, заставить себя сжать кулак.

— Прости меня. Простите обе, — хрипло произнёс он.

Круг вспыхнул тёплым солнечным светом, наполнился легкой дымкой — и Артур осторожно накрыл ладонь второй рукой. Между его пальцев легко просочились две абсолютно бесцветные, яркие искры, взвились вверх и исчезли, а он медленно прижал руки к груди.

— *Шеф, я нашла Ксюшу! Она...* — ворвавшаяся в дом Жанна осеклась, увидев опустившегося на колени, тяжело уронившего голову Артура, держащегося за сердце. — *Шеф, что с вами?!*

— Она в порядке? — глухо произнёс он.

— *Да, но вы...*

— Уйди.

Всё, что Артуру хотелось сейчас — побыть одному.

Он знал, что нельзя жалеть призраков, он сам всё время это твердил — и ни разу еще не отпускал их за грань, потому что цена освобождения была слишком высока. Но сегодня не смог поступить иначе. Осталось самое сложное: привыкнуть к их боли и воспоминаниям, которые Артур забрал себе.

После такой мощной вспышки силы — как после вспышки любых эмоций, Ксюша ощущала себя опустошенной и растерянной, а еще — сильно напуганной. Она выскочила из Любиного подъезда, быстро-быстро зашагала по тротуару, даже не зная, куда идёт — лишь бы подальше от той страшной квартиры. Вот только на счет последнего она ошибалась, на улице в преддверии бури оказалось куда опаснее и беспокойнее: мелочь давно разбежалась по укромным уголкам, а неприкаянные призраки, почувствовав в Ксюше мощный источник энергии, роем теперь кружили над её головой.

— *Помоги мне!*

— *Спаси...*

— *Пусти меня!*

— *Немного тепла...*

Хотелось зажать уши руками и бежать, куда глаза глядят.

Внезапно в шаге от неё раздался скрип тормозов, резкий звук автомобильного гудка и громкий злой окрик:

— Эй, куда прешь, совсем, что ли, мозгов нет!

Ксюша, отскочив, перебежала оставшуюся часть дороги и, забившись в какой-то переулок, тяжело прислонилась к стене. Испуг за свою жизнь внезапно ей очень помог. Рассеялось мутное марево паники; остались, но отошли на второй план призраки — усилием воли Ксюша заставила себя их игнорировать. Надо думать о себе! Уже вечер, скоро ночь — а ей негде остановиться. «Ты же у меня ни на что не способна, ты жизни не знаешь, — любила повторять во время очередной ссоры мама. — Так что сиди уж на нашей шее и помалкивай» И, как бы больно не было признавать, сейчас Ксюша вынуждена была с этим согласиться. Ей повезло, что Артур её приютил, но сама она ничего не добилась, даже не пыталась. Попалась на Любину уловку, сразу же приняла её предложение — тоже потому, что боялась искать ночлег сама.

Так больше не могло продолжаться. Пора учиться жить одной, самой за себя отвечать.

На улице зарядил дождь, и продрогшая Ксюша поняла, что в данный момент главное — не промокнуть. И поесть. Ставить и решать небольшие, сиюминутные задачи, оказалось куда проще, чем разбираться с главной проблемой. Ксюша нырнула в простенькое кафе, заказала себе суп — всегда недорогая, но сытная позиция в меню, подключилась к бесплатному вай-фаю заведения. Стоило согреться — и настроение тоже улучшилось, появилась давно забытая уверенность в своих силах: в конце концов, если она так хорошо справлялась с учебой, то просто не могла быть глупой. А значит, сможет что-нибудь придумать.

И Ксюша придумала. Сразу отмела гостиницы и хостелы, вынуждена была отложить заметки о сдаче квартиры — это надо ходить, смотреть, проверять. Но вовремя вспомнила о студенческой группе в соцсети, куда заглядывала редко, почитать очередные забавные случаи. И действительно, на страничке нашлось несколько объявлений — после зимних отчислений некоторые иногородние искали новых соседей: тянуть аренду сообща гораздо проще.

Выбрав ближайшую квартиру, Ксюша поспешила по указанному адресу.

Дверь ей открыли две девушки-студентки, несколько удивленные таким поздним

визитом. Ксюша не позвонила им, не предупредила и не договорилась о встрече — она боялась, что в подобном случае ей предложат прийти завтра, и ночевать придется в подворотне. А если внаглую заявиться и согласиться на любую оплату — то хотя бы до утра будет крыша над головой.

— Студенческий покажи, — недоверчиво попросила одна из них, когда они все втроем расположились на кухне.

Ксюша без заминки протянула ей пластиковую карточку. К счастью, там нигде не значилось, что она местная.

— А где раньше жила? И почему съехать решила? — допытывалась её соседка.

— В общежитии, — не моргнув глазом, соврала Ксюша. — Но родители больше не могут высылать мне денег, а стипендии даже на еду не хватает. Я решила пойти работать, перевестись на заочку. Похожу на лекции, пока не отчислят, а летом восстановлюсь. Все равно пока бесплатно.

Первая девушка вернула ей студенческий.

— Почему тогда не осталась до лета в общежитии? Там же дешевле.

— У меня одногруппница уже год квартиру снимает, — эта часть была чистой правдой, — и предупредила о том, что летом место найти очень сложно. Всё-таки курортный город, куча туристов, хозяева взвинчивают цены. А у вас в посте написано: стабильная оплата.

— Это с твоей стороны должна быть стабильная оплата, — хмыкнула вторая девушка, но было заметно, что настроена она уже дружелюбно. — Работа-то хоть есть?

— Еще нет, — призналась Ксюша. — Всё буквально пару дней назад произошло, не успела. Но я готова взяться за любую! Пока что на карточке деньги есть... Сколько надо?

Ей озвучили цену, и Ксюша поспешно кивнула.

— За месяц заплатить хватит! А к следующему — заработаю!

— Ладно, Ксения... — та, что рассматривала студенческий, поднялась на ноги и пошла ставить чайник. — Меня Оля зовут, это Света. Перевезешь завтра вещи...

— Вот все вещи, — Ксюша кивнула на рюкзак. — Книги сдала, чтоб не таскать, конспекты соседке с младшего курса подарила. Вещи оставила дома, как ездила...

Соседки переглянулись.

— Да что ж у тебя такое случилось? Залетела? С родителями поссорилась?

— Мама умерла, — сглотнув, произнесла Ксюша. И, как бы страшно это не звучало — для неё она действительно умерла.

Света вздохнула, мягко, сочувственно сжала плечо Ксюши.

Оля, ни слова не говоря, поставила на стол три чашки с заваркой и налила всем чая. Больше вопросов они со Светой не задавали.

— Вот твоя комната, — Оля отворила дверь, пропуская Ксюшу в небольшое, но довольно уютное помещение, видимо, раньше служившее детской. — Постельного нет, обычно своё приносят.

— Я завтра куплю, а сегодня и так нормально, — устало кивнула Ксюша. Она, по правде сказать, была рада уже самой мягкой кровати, даже крыше над головой. Пусть и казалось еще немного странным спать не дома.

— Хорошо, — отозвалась Оля. — Ты это серьезно на счет работы? Любая нужна?

— Любая, — подтвердила Ксюша. — Лишь бы платили... тысячу девять, хотя бы.

— Тогда завтра утром со мной пойдёшь. Я в супермаркете посменно, они уборщицы ищут. Первое время так, потом помотришь, может на кассу — у нас текучка тоже большая.

— Спасибо, — выдавила Ксюша. Она была искренне благодарна, но радоваться почему-то не получалось.

— Ну всё, спи. Ночью по дому не шастай, — строго сказала Оля и вышла.

Их со Светой кровати стояли в одной комнате, но по размеру она была куда больше. И Оля, прошмыгнув внутрь и выключив свет, заперла свою дверь на замок.

Но Ксюша не оскорбилась. Она понимала опасения новых соседок — с чего им доверять незнакомой девушке, так внезапно свалившейся им на голову, да еще без вещей? Вдруг она воровка? А после «гостеприимства» Любы такая осторожность и некоторая отстраненность только радовали. Ей больше всего хотелось побыть одной.

Неслышно подойдя к темному окну, Ксюша отодвинула занавески и выглянула на улицу: погода совсем испортилась, с неба хлестали потоки воды, по асфальту неслись целые реки, размывая несчастные клумбы, порывы ветра то и дело били в окно, заставляя вздрагивать рамы. Где-то далеко в небе к вспышкам молний примешивалось зеленоватое свечение, обозначавшее огромный движущийся силуэт. Зато всех докучливых призраков этой бурей сдуло.

Улица была незнакомой, район — чужим, а вид из окна вызывал странное тревожное чувство, будто она заблудилась. Но теперь придётся к нему привыкать. Хотелось бы надеяться, что с квартирой и работой всё сложится и она останется тут надолго.

Тихо вздохнув и вернувшись к кровати, Ксюша стянула с себя верхнюю одежду, наспех заплела длинные волосы в небрежную косу и начала рыться в рюкзаке в поисках чего-то более свободного для сна. Пальцы нащупали гладкую ткань и вытащили на свет знакомую белую рубашку. Кажется, она запихнула её машинально, когда, почти ничего не видя от наполнивших глаза слёз, отчаянно собирала свои вещи.

Но раз уж взяла... Ксюша нырнула в рукава, начала быстро застегивать пуговицы, закусив отчего-то задрожавшую от этих действий губу. Рухнула на кровать, замоталась в покрывало, свернулась клубком и затихла, пытаясь выгнать все мысли из головы и моментально заснуть.

Не получалось. Прошлую ночь она провела в объятьях Артура, и рубашка всё ещё носила легкий отпечаток его аромата. Не выдержав, Ксюша с тихим, сдавленным всхлипом зарылась лицом в ворот, полной грудью вдыхая остатки сладких и ранящих воспоминаний. Нежные руки и внимательный взгляд, жадные губы и горячие ласки, всплывая в памяти, отзываясь прикосновениями по всему телу, теперь приносили лишь боль. С этим тоже придется смириться, как-то научиться жить, потому что забыть — не удастся.

«Почему я не могу на него злиться, почему?! — мысленно повторяла Ксюша, тихо вздрагивая от немых рыданий. — Почему мечтаю всё забыть и вернуться? И чтоб всё было как прежде. Это же обман!»

Она плакала долго, а успокоившись, еще дольше лежала бездумно, пустым взглядом уставившись в одну точку. А потом, сама не осознавая, что творит, мысленно потянулась к Артуру. Отыскала его искру среди еще более темной изнанки города, с трепетом коснулась сознания и невольно поднесла руку к груди, к заболевшему сердцу. Само собой пришло понимание, что Артуру сейчас очень плохо, а вместе с ним — сомнение и сочувствие. Может, следовало остаться, дождаться его, поговорить, а не убегать вот так? Нет... Ксюша осадила сама себя. Ни к чему эти неловкие разговоры. У него теперь есть жена, и всё

остальное просто не имеет значения.

А у неё наконец-то появится жильё и работа. Она справится.

И, остановившись на этой мысли, Ксюша провалилась в забытье без снов.

Следующий день выдался солнечным и на удивление тёплым — и это Ксюшу спасло. Потому что Руководитель Клининговой службы, окинув соискательницу хмурым взглядом и констатируя: «что-то она хилая больно», отправил её трудиться на улицу. Ксюше предстояло проработать полную смену, убирая фантики у входа, подметая стоянку и подземную парковку, собирая в ряд брошенные по всей территории пустые тележки и, ввиду вчерашнего ливня — прочищая решетки стоков и избавляясь от нанесенного песка и грязи.

Работы было очень много, покупатели постоянно подкидывали еще — и Ксюша крутилась как белка в колесе, не зная, за что взяться. Она гадала, так ли тяжело работать в зале, но догадывалась, что там, среди бьющегося товара, и ответственность больше. А оплачивать свою возможную неосторожность ей пока нечем.

Поэтому, спрятав светлые волосы под форменной кепкой, утонув в безразмерном оранжевом жилете с отражателями и ничего не замечая вокруг, Ксюша старалась изо всех сил. Как сказал тогда лектор — не всем суждено работать головой. Не страшно, в подобном честном труде тоже нет ничего зазорного, все с чего-то начинали.

Солнце поднималось всё выше и немилосердно пекло спину. Наглотавшейся пыли Ксюше дико хотелось пить. Она остановилась на минуту, сняла с головы кепку, чтобы стереть пот со лба — и вдруг замерла. По спине горячими, колючими искорками пробежалось прикосновение чужого взгляда, забралось под кожу, мягко толкнуло сердце, заставив его забиться быстрее. Это мог быть только один человек.

Уже не ощущая ни усталости, ни жажды, ни даже собственных рук, Ксюша водрузила кепку обратно на голову и медленно повернулась. Артур шел к ней через стоянку, и каждый его уверенный шаг эхом отзывался в груди. Нашел. Он всё-таки искал её... Но если... Нет. Что бы он ни сказал, она не пойдет с ним. Не сейчас, когда только-только начала становиться на ноги, обретать независимость и собственную жизнь. Ей и так несказанно повезло избежать обманов и лишений, отыскать таких отзывчивых соседок. И бросить всё это даже ради его обещаний...

— Привет.

Артур остановился на расстоянии вытянутой руки, и голос его невольно прозвучал глухо. Горло сдавило. Ксюша не могла знать, что всю дорогу сюда он пытался придумать, что скажет ей, как объяснит произошедшее, как попросит вернуться. «Идём домой, моя жена оказалась другим призраком, я от неё избавился...» Ужасное оправдание. Да и нужны ли они им, эти оправдания? Стоило увидеть Ксюшу, как он понял — она уж всё для себя решила и шагнула дальше. И ведь он сам недавно хотел признать в ней взрослую... но Судьба как всегда всё вывернула на свой манер.

— Привет, — тихо отозвалась Ксюша.

Скользнула взглядом по уставшему лицу с парой свежих глубоких царапин, по странной серебристой пряди, которой вчера еще не было — и подняла его к потемневшим глазами. Что бы ни произошло вчера, это отняло у Артура много сил. Но ей было ни капли не легче.

— Я хотел предложить тебе работу, но вижу, ты уже нашла, — сдержанно произнёс он.

Ксюша молча кивнула.

— И всё же, научиться обращаться с силой для тебя жизненно необходимо, — разговор

получался каким-то неловким, и слова — единственно правильные — всё равно не имели никакого значения. Взгляд Артура, от которого всё внутри то принималось радостно подпрыгивать, то сжималось в болезненный узел, говорил гораздо больше. — Ты можешь приходить, когда тебе удобно.

Ксюша молчала. Всё было не так, как она мечтала, глупо надеясь, что он придёт. Её охватило странное чувство, будто за эти сутки они пережили порознь не меньше нескольких лет. Как будто сейчас... у них всё начиналось заново.

Артур медленно протянул руку вперед и осторожно коснулся её запястья. Нежно проведя подушечками пальцев по коже, скользнул ниже, заключая её ладонь в свою. И не нужно было никакой энергии, заклинаний, дара и умения читать мысли, чтобы понять этот простой и чувственный жест.

— Хорошо, — внезапно теряя голос, тихо отозвалась Ксюша. — Я приду.



— А мне подруга говорила, что вы тут продаёте эликсир храбрости и меняете судьбу, — полноватая, улыбчивая женщина лет пятидесяти — пятидесяти пяти кокетливо поправила шикарные густые волосы. — А всё, оказывается, гораздо проще.

Артур мягко улыбнулся в ответ. Ещё теплое октябрьское солнце заглядывало в окна, играло бликами на лакированной поверхности стола, фарфоровых боках чайных чашек и заставляло невольно щуриться.

— Так и есть, — легко согласился он. — Жизнь вообще проще, чем кажется, а храбрости хватает в нас самих. Да вы и сами знаете: вы ведь людей насквозь видите?

Женщина застенчиво кивнула.

— Невелика наука. Когда у человека в доме, например, так чудесно пирогами пахнет — сразу ясно, что он хороший, и всё у него хорошо.

Артур невольно рассмеялся.

— Приступайте к лечению уже завтра и ни минуты не сомневайтесь — всё будет хорошо, — заверил он. — И супругу уже расскажите о вашем недуге, а то он решил, что у вас роман на стороне.

Женщина укоризненно покачала головой. Они с мужем три десятка душа в душу прожили, что он себе на старости лет надумал? Но главное — и Артур это видел по ауре — она воспрянула духом и действительно избавилась от готового захватить её страха. А такой настрой — уже половина победы. И всё у неё получится.

Он даже денег брать не стал: вежливо распрощался, запер дверь и отправился на кухню, полной грудью вдыхая наполнивший дом чудесный аромат.

— Ты всё трудишься как пчёлка, отдохнула бы с работы, — Артур за руку притянул в шутку упирающуюся Ксюшу к себе в объятия, оторвав от готовки.

Та недовольно наморщила носик. Не для того она два месяца назад поддалась долгим уговорам Артура и переехала к нему, чтобы лишаться прелести домашней кухни. Тем более, сегодня был особенный повод.

— Это ведь последняя клиентка? — почти утвердительно произнесла Ксюша, делая вид, что не замечает, как ладони Артура скользят по её обтягивающей форменной юбке администратора торгового зала. Хотелось мурлыкать от удовольствия и самой ластиться в его руки, но Ксюша сдержалась. — А Жанна не вернулась?

С её подачи Артуру удалось устроить последнему из оставшихся призраков «отпуск», создав второй ларец — но уже исключительно со счастливыми воспоминаниями. Жанна оттуда практически не вылезала.

— Нет, мы с тобой абсолютно одни, — он всегда умел выделить главное. Наклонился, легонько провел кончиком носа по щеке, не спеша принялся покрывать лицо нежными поцелуями, прижимая Ксюшу к себе все крепче. Та не сдержалась, обняла его за плечи, приподнимая подбородок и подставляя шею. — Не надумала избавиться от кошки?

— Нет, мне нравится, — пробормотала Ксюша. — Она других призраков отгоняет и почти не мешает. Мяу, — нарочно поддразнила она. Да и нельзя сейчас было её доставать. — Вишнёвый почти остыл. Хочешь попробовать?

— Очень хочу, — признался Артур, спускаясь поцелуями в вырез её блузки и незаметно

расстегивая остальные пуговицы. В отличие от пирога, остывать он даже не собирался и уже раздумывал, подняться ли им на второй этаж в спальню или не стоит тратить на это время.

Ксюша вообще уже ни о чем не думала, выгибаясь навстречу его горячим губам и отложив все важные разговоры на завтра. Они так долго, медленно и аккуратно сходились снова, узнавали друг друга, давали больше пространства и свободы... Для Ксюши это был нелёгкий, волнительный, но на удивление приятный период: она привыкала к соседкам и самостоятельной жизни; впервые сталкивалась с какими-то бытовыми проблемами — и чувствовала гордость, справляясь с ними; она усердно работала и поднималась по карьерной лестнице благодаря пинкам Оли — в моменты нерешительности и неуверенности в себе. Она продолжила учебу на заочном — и оказалось, что это совсем не так страшно и сложно, как внушали родители. Не конец света точно. Но главное: Артур, даже не находясь рядом, её поддерживал — Ксюша это чувствовала, и это придавало ей сил.

Теперь она абсолютно уверенно могла сказать, что они действительно любят друг друга. А когда легкие прикосновения рук и робкие поцелуи, заставлявшие сердце выплясывать в груди, наконец переросли в нечто большее — отпустить друг друга стало уже невыносимо.

Приняв решение, Артур всё же подхватил на руки разомлевшую, раздумывающуюся Ксюшу и понёс из кухни, когда во входную дверь настойчиво постучали. Он никого не ждал, поэтому собирался попросту проигнорировать посетителя, но Ксюша внезапно напряглась и вывернулась, прыгнула на пол. Она что-то почувствовала.

— Посмотри, — пробормотала она, и Артур не стал спорить.

Оправляя рубашку, Артур вышел в гостиную и остановился у двери: странно, он не чувствовал за ней чьих-то мыслей... но теперь почему-то тоже твердо знал, что надо открывать. И, отворив дверь, он действительно не увидел никого на пороге: однако услышал какой-то шум и опустил глаза вниз.

— Кто там, солнце? — немного взволнованная Ксюша вышла следом и остановилась, удивленно глядя на напряженную спину Артура. — Всё хорошо?

Он молча отступил в сторону, демонстрируя свою находку — и Ксюша тут же кинулась к двери, подхватила младенца, лежавшего в большой сумке у них на пороге. Артур же, заметив на дне лист бумаги, наклонился и поднес к глазам распечатанное на принтере послание:

«Это вам в жалобную книгу. Вы обещали, что муж разрешит оставить ребенка, если я помогу ему с карьерой. В итоге он построил свой бизнес по моему проекту, а меня с ребенком выгнал. Теперь эта девочка — ваши проблемы, а я начинаю новую жизнь. Дата её рождения — 01.08»

Ребенок на руках у Ксюши проснулся и захныкал, и Артур растерянно запер дверь. Такого в его практике еще не было.

— Трэя, — вполголоса пробормотал он. — Она же доложила, что всё прошло успешно...

Доложила. Но ведь он должен был проверить изменившуюся судьбу после этого!

— Смотри, ей нравится это имя, — заметила Ксюша как ни в чем не бывало. Кажется, подкидывай её ни капли не смущал.

— Нравится? Дай-ка сюда... — Артур ловко перехватил младенца на руки, чуть прикачивая, словно опытная мать. Девочка тут же прекратила хныкать и внимательно уставилась на него большими темными глазами: но прочесть в них что-то в таком возрасте было еще слишком трудно. — Первое августа... — Взмахом свободной руки он выудил из-

под стола лист с нужным договором, заставил подлететь и взглянул в ту строку, где значился срок беременности. Все сходилось.

«Ну что ж, рад новой встрече. Теперь моя очередь о тебе позаботиться»

Ксюша, ласково обняв Артура сзади, заглянула ему через плечо и улыбнулась Трее.

— Я так понимаю, за ней уже никто не вернётся, — произнесла она. — Что думаешь делать? Оставишь?

— Милая, мы не в средневековье живём, — возразил Артур. — Соседи решат, что мы украли ребенка. К тому же, как ей жить без свидетельства о рождении и прочих документов?

— Вот в такие минуты я верю, что тебе четыреста, — беззлобно усмехнулась Ксюша. — Мы можем её удочерить. Официально. Если ты захочешь.

В этот момент Артур наконец-то почувствовал то, что должен был заметить уже давно — странность в её сегодняшнем поведении. Он медленно повернулся назад, к отступившей, скромно потупившей взгляд Ксюше.

— Ясная, ты ничего не хочешь мне сказать?

— Хочу, — пряча нервную улыбку, пробормотала Ксюша. — Я планировала это через пару лет, но...

Она вконец растерялась, но Артур, шагнув ближе, привлек Ксюшу к себе.

— Я так рад, — шепнул он, сладко целуя её в губы. — Мы ведь оба хотели этого.

— Да, — Ксюша, улыбаясь уже открыто, вскинула голову. Она понимала, к чему все идет, но все равно немного волновалась, сообщая эту новость Артуру. Она ведь сама еще никак не могла поверить. — И что нам теперь делать?

— Как что? — пожал он плечами. — Обустраивать детскую на две кровати. Заявлять о найденном ребенке. А прямо сейчас — идти есть пирог.

Ксюша счастливо вздохнула, понимая, что переживала зря. Он замечательный.

— Помнишь, ты задавал мне вопрос пару недель назад... и я обещала подумать? — тихо спросила она, глядя ему в глаза.

Артур серьезно кивнул. Он догадывался, откуда у Ксюши этот страх — и готов был изгонять его долго и упорно их собственным примером. Не важно, со штампом или без.

— Так вот... я решила. Да. Я согласна стать твоей женой.

Конец

Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)